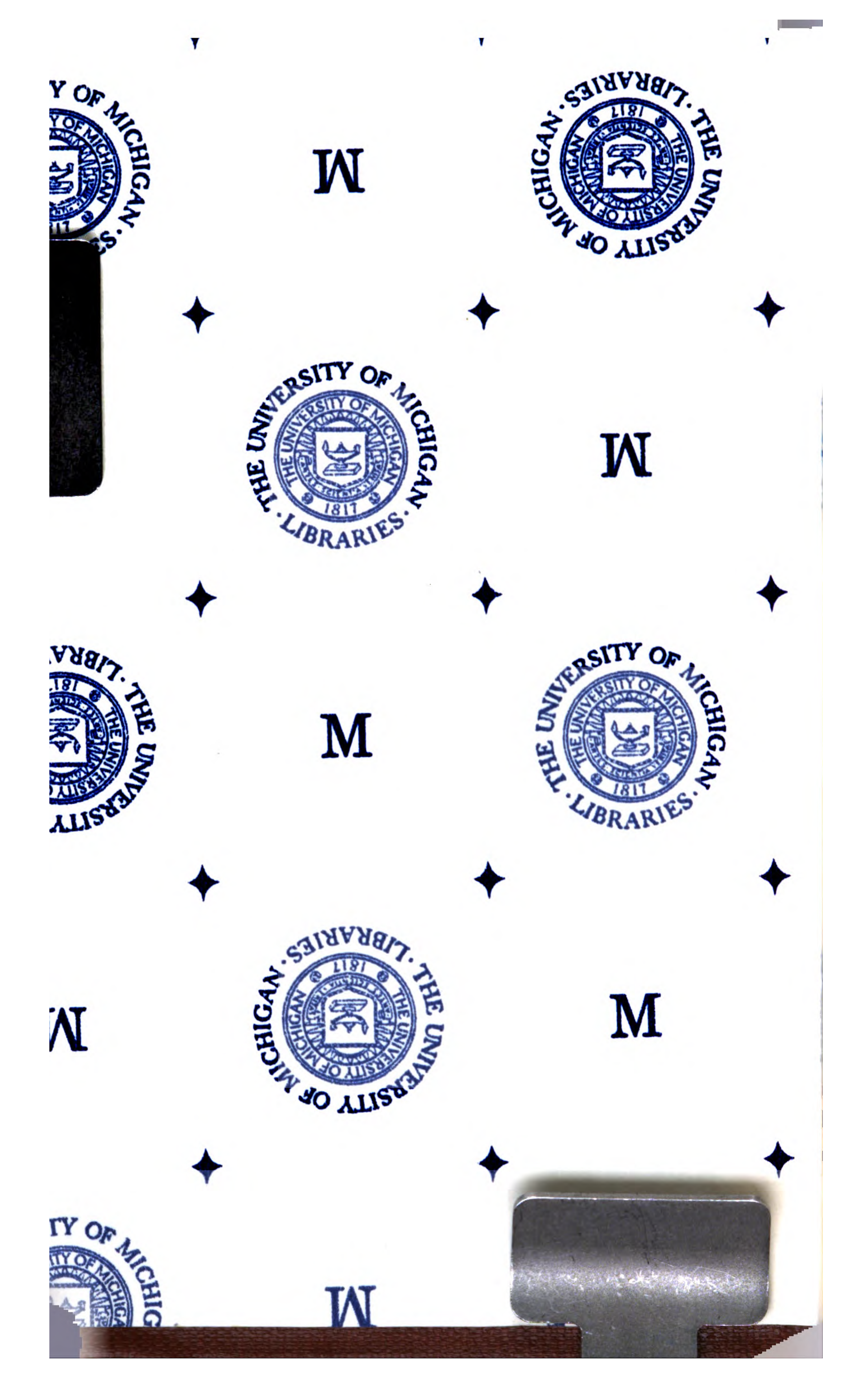
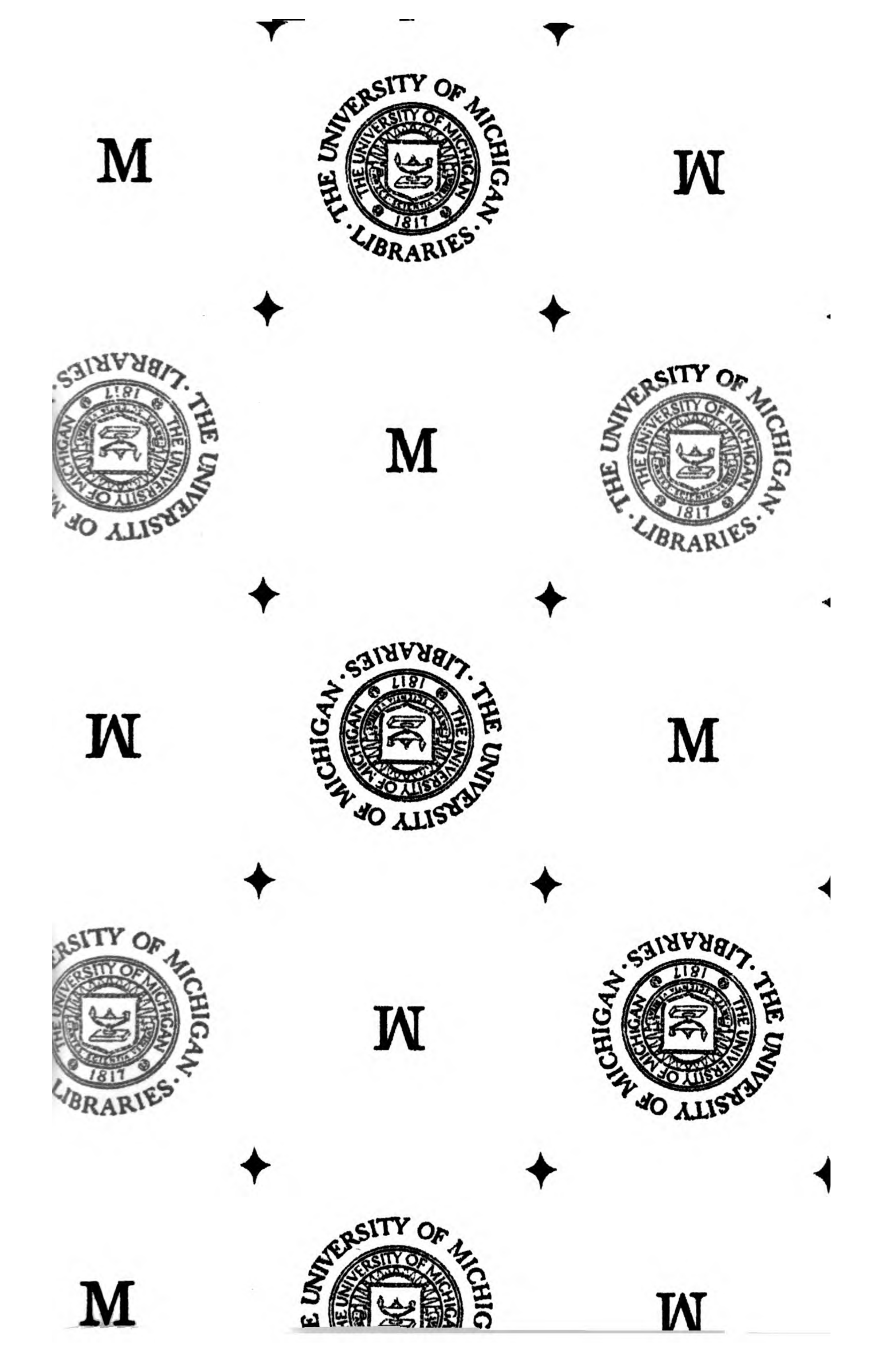
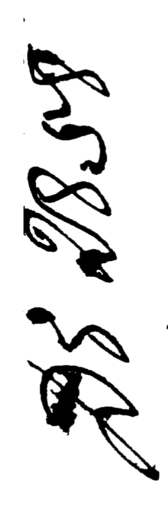






МОСКВА
И
ЕЯ ЖИЗНЬ.



Составилъ **Романъ Кумовъ.**



ИЗДАНІЕ «ЖИЗНИ ДЛЯ ВСѢХЪ».
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1914.

Типо-Литографія „Двигатель“. Казначейская, 6.

Отъ составителя.

При составленіи настоящаго сборника составителя интересовала не та пестрая и неопредѣленная Москва, какая обычно выступаетъ въ справочникахъ и путеводителяхъ,—Москва улицъ, переулковъ, меблированнныхъ комнатъ, номеровъ трамвая, и т. д., а живая Москва—во всемъ ея народномъ своеобразіи, какъ проявляется она въ родной исторіи и современной жизни. Въ рамкахъ, возможныхъ для настоящаго изданія, составитель хотѣлъ отдѣльными штрихами изъ существующей литературы оживить передъ читателями образъ Москвы прежде всего, какъ воплотительницы высочайшихъ русскихъ общественныхъ настроеній и переживаній, начиная съ глубокой старины, когда она собирала Русь и бережно сохраняла нѣжные зеленые ростки народнаго искусства, и кончая нашими днями, когда она избрала своимъ представителемъ въ первую Государственную Думу С. А. Муромцева и черезъ нѣсколько лѣтъ поголовно шла за его гробомъ, какъ за гробомъ народнаго героя, открыла въ своихъ стѣнахъ памятникъ великому скорбному изобразителя русской жизни Н. В. Гоголю, устроила знаменитый народный уни-

верситетъ имени Шанявскаго, и т. д., и т. д. Это одинаково важно и для тѣхъ, кто имѣетъ возможность лично осматривать Москву, и для тѣхъ, кто этой возможности не имѣетъ,—такъ какъ это вводитъ читателя въ ту единственную настоящую Москву, благодаря которой только и имѣетъ значеніе географическая Москва,—въ Москву духа, въ Москву высокаго идейнаго стремленія и мужественнаго и стойкаго его осуществленія.

Составитель.

Мартъ 1914 года.
С.-Петербургъ.

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ МОСКВЫ.

1. НАЧАЛО МОСКВЫ.

„Приди ко мнѣ, брате, въ Москову!“...

„Буди, брате, ко мнѣ на Москву!“

Таково *первое* и самое достопамятное лѣтописное слово о Москвѣ. Съ тѣмъ словомъ, Суздальскій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій посылалъ звать къ себѣ на честный пиръ дорогого своего гостя и союзника, Сѣверскаго князя Святослава Ольговича.

Достопамятный зовъ на честный пиръ въ Москву, случайно записанный лѣтописцами въ повѣствованіи о событіяхъ 1147 года, служитъ въ своихъ выраженіяхъ какъ бы провозвѣстникомъ послѣдующей исторіи, которая послѣ безконечныхъ усобицъ и всяческой земской розни только въ Москвѣ нашла себѣ доброе пристанище для устойчиваго, сосредоточеннаго и могущественнаго развитія русской народности.

„Приди ко мнѣ въ Москову! Буди ко мнѣ на Москву!“

Въ этихъ немногихъ словахъ какъ бы пророчески обозначилась вся исторія Москвы, истинный смыслъ и существенный характеръ ея исторической заслуги. Москва тѣмъ и стала сильною и

опередила другихъ, что постоянно и неуклонно звала къ себѣ разрозненныя Русскія земли на честный пиръ народнаго единства и крѣпкаго государственнаго союза.

Итакъ, княжеская исторія Москвы начинается отъ перваго упоминанія о ней лѣтописи въ 1147 г. Но Московскій и именно Кремлевскій поселокъ существовалъ гораздо прежде появленія въ этихъ мѣстахъ княжескаго Рюрикова племени.

Глубокая древность здѣшняго поселенья утверждается больше всего случайно открытыми въ 1847 году, при постройкѣ зданія Оружейной Палаты, и нѣсколькими памятниками языческаго времени. Это двѣ большія серебряныя шейныя гривны или обручи, свитые въ веревку, и двѣ серебряныя серьги-рясы, какія обыкновенно находятъ въ древнихъ курганахъ.

Эти находки должны относиться, по всему вѣроятію, къ концу 9 или къ началу 10-го столѣтія. Шейныя гривны и серьги по достоинству металла и по своей величинѣ и массивности выходятъ изъ ряда всѣхъ такихъ же предметовъ, какіе доселѣ были открыты въ курганахъ Московской области, что можетъ указывать на особое богатство и знатность древнихъ обитателей Кремлевской береговой горы.

Однако такихъ древнѣйшихъ поселковъ, подобныхъ Кремлевскому, въ видѣ городищъ, разсѣяно по Русской землѣ и даже въ Московской сторонѣ великое множество. Всѣ они исчезли и составляютъ теперь только предметъ для археологическихъ изысканій.

Почему же Кремлевскій зародышъ Москвы не

только не исчезъ, но, несмотря на жестокія историческія напасти, разоренія, опустошенія огнемъ и мечомъ, остался на своемъ корню и развился не то что въ большой городъ, а въ могущественное государство.

Такіе всемірно-историческіе города, какъ Москва, зарождаются на своемъ мѣстѣ не по прихоти какого-либо добраго и мудраго князя Юрья Владиміровича, не по прихоти счастливаго капризнаго случая, но силою причинъ и обстоятельствъ болѣе высшаго или болѣе глубокаго порядка, для очевидности всегда сокрытаго въ темной, мало еще разгаданной дали историческихъ народныхъ связей и отношеній, которыя вынуждаютъ и самихъ князей-строителей ставить именно здѣсь, на извѣстномъ мѣстѣ тотъ или другой городъ. Главнымъ двигателемъ въ созданіи такихъ городовъ является всегда народный промыслъ и торгъ, ищущій для своихъ цѣлей добрыхъ сподручныхъ путей или добраго пристанища и который, повинуясь естественнымъ географическимъ путямъ и топографическимъ удобствамъ международнаго сообщенія, всегда самъ указываетъ, самъ намѣчаетъ, самъ избираетъ мѣсто, гдѣ и устраиваетъ узелъ своихъ работъ и дѣйствій, именуемый городомъ.

Такой узелъ-городъ всегда существуетъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ создавшія его потребности промысла и торга. Какъ скоро они исчезаютъ или перемѣняютъ направленіе своихъ путей, такъ упадаетъ, а иногда и совсѣмъ исчезаетъ и созданный городъ.

Но если эти потребности остаются попрежнему дѣятельными и живыми, то ихъ узелъ-городъ, не-

смотря на жестокія историческія случайности, остается тоже всегда живымъ и дѣятельнымъ. Разрушатъ, сожгутъ, истребятъ его, сотрутъ съ лица земли, — онъ мало-по-малу зарождается снова и опять живетъ и еще въ большей красотѣ и славѣ. Истребятъ его на одномъ мѣстѣ, онъ переноситъ свою жизнь на другое, но все въ тѣхъ же окрестностяхъ, гдѣ двигается создавшій его промыслъ и торгъ.

Во всемъ мірѣ всѣ знаменитые и господствующіе и до сихъ поръ города нарождались и развивались силою указанныхъ причинъ и обстоятельствъ. Наша русская страна, лежащая широкою равниною между сѣверными и южными морями, съ незапамятныхъ для исторіи временъ служила перекресткомъ въ сношеніяхъ запада съ востокомъ и сѣвера съ югомъ.

Естественно, что на торной и бойкой дорогѣ сами собою въ разныхъ, наиболѣе удобныхъ мѣстахъ зарождались города, такъ сказать, станціи и промышленные узлы, связывавшіе въ одно цѣлое окрестные интересы и потребности.

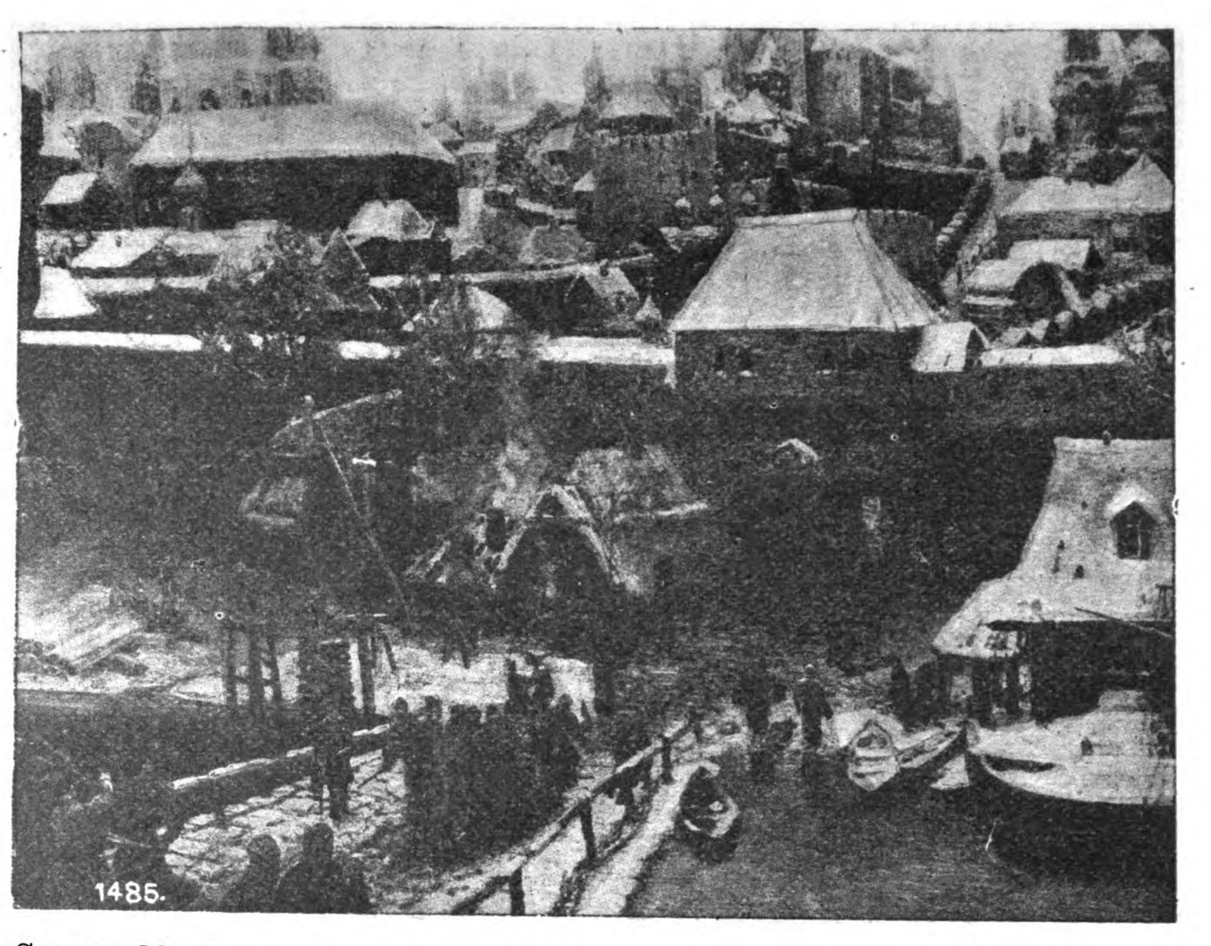
Московское поселеніе гнѣздилось на перекрестномъ очень бойкомъ пути всѣхъ внутреннихъ, такъ сказать, серединныхъ сношеній древняго населенія Русской Земли.

И. Забѣлинъ.

2. МОСКВА — ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЦЕНТРЪ ВЕЛИКОРОССІИ.

Москву часто называютъ географическимъ центромъ Европейской Россіи. Если взять Европейскую Россію въ ея нынѣшнихъ предѣлахъ, это названіе не окажется вполнѣ точнымъ ни въ физическомъ, ни въ этнографическомъ смыслѣ: для того, чтобы быть дѣйствительнымъ географическимъ центромъ Европейской Россіи, Москвѣ слѣдовало бы стоять нѣсколько восточнѣе и нѣсколько южнѣе. Но надо представить себѣ, какъ размѣщена была масса русскаго населенія, именно великорусскаго племени, въ XIII и XIV вв. Колонизація скучивала это населеніе въ междурѣчьи Оки и верхней Волги, и здѣсь населеніе долго задерживалось насильственно, не имѣя возможности выходить отсюда ни въ какую сторону. Разселенію на сѣверъ за Волгу мѣшало перерѣзывающее движеніе новгородской колонизаціи, пугавшей мирныхъ переселенцевъ своими разбойничьими ватагами, которыя распространяли новгородскіе предѣлы къ востоку отъ Новгорода. Вольный городъ въ тѣ вѣка высылалъ съ Волхова разбойничьи шайки удальцовъ ушкуйниковъ, которые на своихъ рѣчныхъ судахъ, ушкуяхъ, грабили по верхней Волгѣ и ея сѣвернымъ притокамъ, мѣшая своими разбоями свободному распространенію мирнаго населенія въ сѣверномъ Заволжьи. Паисій Ярославовъ въ своей лѣтописи Спасо-Каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ (XV в.) имѣлъ въ виду именно эти XIII и XIV вѣка, когда писалъ, что тогда еще не вся Заволжская земля была крещена и много было

некрещеныхъ людей: онъ хотѣлъ сказать, какъ скудно было тамъ русское христіанское населеніе, съ сѣверовостока, востока и юга скоплявшееся въ междурѣчьи русское населеніе задерживалось господствовавшими тамъ инородцами, мордвой и черемисой, а также разбойничавшими за Волгой вятчанами и, наконецъ, татарами; на западъ и югозападъ русское населеніе не могло распространяться, потому что съ начала XIV в. тамъ стояла уже объединившаяся Литва, готовясь къ своему первому усиленному натиску на восточную Русь. Такимъ образомъ масса русскаго населенія, скучившись въ центральномъ междурѣчьи, долго не имѣла выхода отсюда. Москва и возникла въ срединѣ пространства, на которомъ сосредоточивалось тогда наиболѣе густое русское населеніе, т.-е. въ центрѣ области тогдашняго распространенія великорусскаго племени. Значитъ, Москву можно считать если не географическимъ, то этнографическимъ центромъ Руси, какъ эта Русь размѣщена была въ XIV в. Это центральное положеніе Москвы прикрывало ее со всѣхъ сторонъ отъ внѣшнихъ враговъ; внѣшніе удары падали на сосѣднія княжества: Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское, и очень рѣдко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытію Московская область стала убѣжищемъ для окрайнаго русскаго населенія, всюду страдавшаго отъ внѣшнихъ нападеній. Послѣ татарскаго погрома болѣе столѣтія, до перваго Ольгердова нападенія въ 1368 г., Московская страна была, можетъ быть, единственнымъ краемъ сѣверной Руси, не страдавшимъ или такъ мало страдавшимъ отъ враже-



Старая Москва. А. Васнецова.

скихъ опустошеній; по крайней мѣрѣ за все это время здѣсь, за исключеніемъ захватившаго и Москву татарскаго нашествія 1293 г., не слышно по лѣтописямъ о такихъ бѣдствіяхъ. Столь рѣдкій тогда покой вызвалъ даже обратное движеніе русской колонизаціи междурѣчья съ В на З, изъ старыхъ ростовскихъ поселеній въ пустынные углы Московскаго княжества. Признаки этого поворота встрѣчаемъ въ житіи пр. Сергія Радонежскаго. Отецъ его, богатый ростовскій бояринъ Кириллъ, обнищалъ отъ разорительныхъ поѣздокъ со своимъ княземъ въ Орду, отъ частыхъ набѣговъ татарскихъ и другихъ бѣдствій, бросилъ все и вмѣстѣ съ другими ростовцами переселился въ глухой и мирный московскій городокъ Радонежъ. Около того же времени многіе люди изъ ростовскихъ городовъ и селъ переселились въ московскіе предѣлы. Сынъ Кирилла, рѣшившись отречься отъ міра, уединился неподалеку отъ Радонежа въ дремучемъ лѣсу скудоводнаго перевала съ верхней Клязьмы въ Дубну, Сестру и Волгу. Лѣтъ 15 прожилъ здѣсь преп. Сергій съ немногими сподвижниками; но потомъ ихъ лѣсное убѣжище быстро преобразилось: откуда-то нашло множество крестьянъ, исходили они тѣ лѣса вдоль и поперекъ и начали садиться вокругъ монастыря и невозбранно рубить лѣса, наставили починковъ, дворовъ и селъ, устроили поля чистыя и „исказили пустыню“, съ грустью прибавляетъ біографъ и сподвижникъ сергія, описывая одинъ изъ переливовъ сельскаго населенія въ Московскую область.

В. Ключевскій.

3. ПЕРЕНЕСЕНІЕ МИТРОПОЛИЧЬЕЙ КАѲЕДРЫ ВЪ МОСКВУ.

Самымъ важнымъ успѣхомъ московскаго князя было то, что онъ пріобрѣлъ своему стольному городу значеніе церковной столицы Руси. И въ этомъ пріобрѣтеніи ему помогло географическое положеніе города Москвы. Татарскимъ разгромомъ окончательно опустошена была старинная Кіевская Русь, пустовавшая съ половины XII в. Вслѣдъ за населеніемъ на сѣверъ ушелъ и высшій іерархъ русской Церкви, кіевскій митрополитъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что въ 1299 г. митрополитъ Максимъ, не стерпѣвъ насилія татарскаго, собрался со всѣмъ своимъ клиросомъ и уѣхалъ изъ Кіева во Владиміръ на Клязьму; тогда же и весь Кіевъ городъ разбѣжался, добавляетъ лѣтопись. Но остатки южнорусской паствы въ то тяжелое время не менѣе, даже болѣе прежняго нуждались въ заботахъ высшаго пастыря русской Церкви. Митрополитъ изъ Владиміра долженъ былъ время отъ времени посѣщать южнорусскія епархіи. Въ эти поѣздки онъ останавливался на перепутьи въ городѣ Москвѣ. Такъ, странствуя по Руси, проходя мѣста и города, по выраженію житія, часто бывалъ и подолгу живалъ въ Москвѣ преемникъ Максима митрополитъ Петръ. Благодаря тому у него завязалась тѣсная дружба съ княземъ Иваномъ Калитой, который правилъ Москвой еще при жизни старшаго брата Юрія во время его частыхъ отлучекъ. Оба они вмѣстѣ заложили каменный соборный храмъ Успенія въ Москвѣ. Можетъ быть, святитель и не думалъ о перенесеніи митропо-

личьей каѳедры съ Клязьмы на берега Москвы. Городъ Москва принадлежалъ ко Владимірской епархіи, архіереемъ которой былъ тотъ же митрополитъ со времени переселенія на Клязьму. Бывая въ Москвѣ, митрополитъ Петръ гостилъ у мѣстнаго князя, жилъ въ своемъ епархіальномъ городѣ, на старинномъ дворѣ кн. Юрія Долгорукаго, откуда потомъ перешелъ на то мѣсто, гдѣ вскорѣ былъ заложенъ Успенскій соборъ. Случилось такъ, что въ этомъ городѣ владыку и застигла смерть (въ 1326 г.). Но эта случайность стала завѣтомъ для дальнѣйшихъ митрополитовъ. Преемникъ Петра Ѳеогностъ уже не хотѣлъ жить во Владимірѣ, поселился на новомъ митрополичьемъ подворьѣ въ Москвѣ, у чудотворцева гроба въ новопостроенномъ Успенскомъ соборѣ. Такъ Москва стала церковной столицей Руси задолго прежде, чѣмъ сдѣлалась столицей политической Нити церковной жизни, далеко расходившіяся отъ митрополичьей каѳедры по Русской землѣ, притягивали теперь ея части къ Москвѣ, а богатыя матеріальныя средства, которыми располагала тогда русская Церковь, стали стекаться въ Москву, содѣйствуя ея обогащенію. Еще важнѣе было нравственное впечатлѣніе, произведенное этимъ перемѣщеніемъ митрополичьей каѳедры на населеніе сѣверной Руси. Здѣсь съ большимъ довѣріемъ стали относиться къ московскому князю, полагая, что всѣ его дѣйствія совершаются съ благословенія верховнаго святителя русской Церкви. Слѣдъ этого впечатлѣнія замѣтенъ въ разсказѣ лѣтописца. Повѣствуя о перенесеніи каѳедры изъ Владиміра въ Москву, этотъ лѣтописецъ замѣчаетъ:

„инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща“. Еще ярче выступаетъ это нравственно-церковное впечатлѣніе въ памятникахъ позднѣйшаго времени. Митрополитъ Петръ умеръ страдальцемъ за Русскую землю, путешествовалъ въ Орду ходатайствовать за свою паству, много труда понесъ въ своихъ заботахъ о пасомыхъ. Церковь русская причислила его къ сонму святыхъ предстателей Русской земли, и русскіе люди клялись его именемъ уже въ XIV в. Жизнь этого святителя описана его другомъ и современникомъ, ростовскимъ епископомъ Прохоромъ. Этотъ біографъ кратко и просто разсказываетъ о томъ, какъ скончался въ Москвѣ св. Петръ въ отсутствіе кн. Ивана Калиты. Въ концѣ XIV или въ началѣ XV в. одинъ изъ преемниковъ св. Петра сербъ Кипріанъ написалъ болѣе витіеватое жизнеописаніе святителя. Здѣсь встрѣчаемъ уже другое описаніе его кончины: св. Петръ умираетъ въ присутствіи Ивана Калиты, увѣщеваетъ князя достроить основанный ими обоими соборный храмъ Успенія Божіей Матери и при этомъ святитель изрекаетъ князю такое пророчество: „если, сынъ, меня послушаешь и храмъ Богородицы воздвигнешь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься болѣе другихъ князей, и прославятся сыны и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ среди всѣхъ городовъ русскихъ, и святители станутъ жить въ немъ, и взойдутъ руки его на плеча враговъ его, да и кости мои въ немъ положены будутъ“. Очевидно, Кипріанъ заимствовалъ эту подробность, неизвѣстную Прохору, изъ народнаго

сказанія, успѣвшаго сложиться подъ вліяніемъ событій XIV в. Русское церковное общество стало сочувственно относиться къ князю, дѣйствовавшему объ руку съ высшимъ пастыремъ русской Церкви. Это сочувствіе церковнаго общества, можетъ быть, всего болѣе помогло московскому князю укрѣпить за собою національное и нравственное значеніе въ сѣверной Руси.

В. Ключевскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ исторіи города Москвы.

Москва—Бѣлокаменная столица.

Бытъ Москвы.

РИСУНКИ.

АРХИТЕКТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СТАРОЙ МОСКВЫ.

1. КАМЕННЫЯ ПОСТРОЙКИ.

(Сокращено).

„Яко аще мене, сыну, послушаеши и храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнеши во своемъ градѣ, и самъ прославишися паче инѣхъ князей и сынове и внуцы твои въ роды, и градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ и святители поживутъ въ немъ и взыдутъ руки его на плеща враговъ его и Богъ прославится въ немъ, еще же и мои кости въ немъ положени будутъ“. Вотъ знаменательныя слова св. Петра митрополита, сказанныя имъ московскому удѣльному князю Ивану Даниловичу Калитѣ въ 1325 году. Эти слова предрекали князю и его роду великое княженіе, а городу возвышеніе, какъ новой великокняжеской и митрополичьей столицѣ.

Заложенный 4 августа 1326 года, московскій Успенскій соборъ былъ *первымъ* каменнымъ храмомъ, какъ бы основнымъ камнемъ для созиданія могущества и величія мало замѣтнаго до того времени города.

Благоукрашеніе городовъ въ древности составляли храмы и притомъ храмы каменные.—Вслѣдъ

за сооруженіемъ и освященіемъ 11 августа 1327 г. Успенскаго собора уже великокняжеская Москва украшается нѣсколькими каменными храмами.

Въ какихъ-нибудь 18—19 лѣтъ бѣдная, „честная кротостію“ Москва заботами великаго князя и митрополита стала столичнымъ городомъ, обладавшимъ видными произведеніями монументальнаго искусства.

Эта первоначальная Московская, еще областная, архитектура XIV и XV вѣковъ приближается къ древней архитектурѣ Владиміра и Суздаля.

Возможно, что тяготѣніе Москвы къ древнимъ Владиміро-Суздальскимъ формамъ обусловливалось, главнымъ образомъ, стремленіемъ подойти къ церковнымъ формамъ стольнаго города Владиміра, въ частности, къ формамъ каѳедральной митрополичьей церкви,—Владимірскаго Успенскаго собора. Видимо, Москва стремилась возсоздать обликъ прежней великокняжеской резиденціи.

Планъ раннихъ московскихъ церквей очень простъ. Это прямоугольникъ, почти квадратъ, съ четырьмя внутренними столбами и тремя примыкающими алтарными абсидами. Размѣръ прямоугольника колеблется между 18—20 аршинами.

Къ сожалѣнію, не осталось никакихъ свѣдѣній объ архитектурѣ главнѣйшаго московскаго собора, храма Успенія, старѣйшаго по времени, постройки 1326 года.

Въ 1470 году Московскій Успенскій соборъ погорѣлъ, одинъ изъ его придѣловъ отъ сильнаго огня совершенно разсыпался.

Филиппъ митрополитъ на личныя свои сред-

ства, при помощи доброхотныхъ дателей задумалъ выстроить новый соборъ, больше прежняго.

Къ постройкѣ собора были приглашены московскіе мастера Кривцевъ и Мышкинъ, которые и заложили его весной 1472 года. Но, когда приступили къ кладкѣ верха, соборъ обрушился.

Разрушеніе Успенскаго собора произвело чрезвычайно тягостное впечатлѣніе на москвичей и опечалило всѣхъ. Надежда на московскихъ мастеровъ исчезла. За дѣло постройки собора взялся самъ князь, чѣмъ и положилъ начало огромной строительной дѣятельности, въ которую внесъ переустройство чуть ли ни всѣхъ кремлевскихъ церквей.

Время перестройки этихъ древнѣйшихъ памятниковъ совпало съ появленіемъ въ Москвѣ „фрязиновъ", т.-е. итальянцевъ, приглашенныхъ Иваномъ III въ концѣ XV вѣка для исполненія задуманнаго имъ огромнаго переустройства столицы. Итальянцы произвели крупный переворотъ въ московскомъ строительномъ дѣлѣ, образовавъ цѣлую эпоху.

Неудача московскихъ мастеровъ при сооруженіи Успенскаго собора, доведшая до катастрофы, заставила обратиться къ болѣе опытнымъ мастерамъ, сначала къ псковичамъ, какъ лучшимъ строителямъ на Руси въ то время, а затѣмъ, за отказомъ послѣднихъ, пришлось обратиться къ иноземцамъ.

Посланный въ Венецію дьякъ, Семенъ Толбузинъ, встрѣчается тамъ съ Аристотелемъ Фіоравенти (Фіоравенти 1415—1485 гг.), довольно извѣстнымъ итальянскимъ строителемъ. Не безъ труда

Толбузину удалось уговорить Фіоравенти ѣхать въ далекую и малоизвѣстную Московію, куда онъ и пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ сыномъ Андреемъ и съ помощникомъ Петромъ 26 апрѣля 1475 года.

Съ 1475 года въ продолженіе четырехъ лѣтъ Фіоравенти строитъ Московскій соборъ.

Грандіозный и величественный Московскій Успенскій соборъ со времени своего сооруженія до самаго конца XVII вѣка не переставалъ быть всюду предметомъ посильныхъ подражаній.

Обширныя работы фрязиновъ въ Москвѣ при Іоаннѣ III, въ эпоху возвышенія ея на степень чуть не царственной столицы, привлекали волей или неволей чуть не всѣхъ мастеровъ Россіи и являлись разсадникомъ новыхъ архитектурныхъ пониманій.

Обветшавшій каменный кремль, т.-е. городовыя стѣны, не годился для Москвы, какъ для оплота всей Россіи отъ ослабѣвшихъ, но еще грозныхъ, татарскихъ царствъ. Онъ долженъ былъ по волѣ Іоанна III превратиться въ первоклассную европейски-оборудованную крѣпость, для сооруженія которой были приглашены соотечественники Аристотеля Фіоравенти, такъ хорошо зарекомендовавшаго себя постройкой Успенскаго собора.

Обширное *городовое дѣло* исподволь и осторожно было начато 19 іюля 1485 года Антономъ Фрязиномъ.

Этотъ великолѣпный образчикъ итальянскаго крѣпостного зодчества въ теченіе своего 400-лѣтняго существованія значительно видоизмѣненъ и утерялъ свойственный ему неприступный грозный боевой характеръ и итальянскій стиль. Исчезли



Успенскій соборъ. (Фотогр.).

ровъ и рѣка Неглинка, а съ ними вмѣстѣ исчезли всѣ пруды, плотины и подъемные мосты. Какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ древнѣйшій, самый первый московскій каменный мостъ у Троицкихъ воротъ съ отводной башней Кутафьей. Самый характеръ древнихъ башенъ или стрѣльницъ значительно видоизмѣненъ устройствомъ надъ ними сложныхъ каменныхъ шатровыхъ вышекъ, надстроенныхъ надъ невысокими стрѣльницами въ теченіе XVII вѣка, съ цѣлью не укрѣпленія, а украшенія Кремля, какъ царской резиденціи. Эти надстроенныя башни и не видали непріятеля передъ собой, если не считать Наполеона, велѣвшаго взорвать ихъ всѣ.

Отбрасывая мысленно позднѣйшія добавки и возстановляя въ воображеніи утраченныя части, въ Московскомъ Кремлѣ времени его сооруженія мы встрѣтимъ суровую твердыню, почти лишенную декоративныхъ формъ.

Походя внѣшностью на итальянскій замокъ, Московскій Кремль былъ переполненъ множествомъ громоздящихся другъ на друга, различныхъ каменныхъ и деревянныхъ зданій съ блестящими маковками и позлащенными главами церквей, что созидало чудную своеобразную картину русскаго города, не утерявшаго ничуть своихъ типичныхъ національныхъ чертъ отъ чужеземнаго характера ограды.

Вскорѣ, въ виду условій климата и мѣстныхъ стратегическихъ воззрѣній, Кремлевская ограда, это типичное итальянское сооруженіе, получаетъ добавки въ видѣ деревянныхъ шатровъ надъ стрѣльницами и деревянныхъ кровель надъ стѣ-

нами, что придавало Московскому Кремлю, т.-е. его оградѣ, типичный обликъ, свойственный тогдашнимъ крѣпостямъ Россіи.

Одновременно съ сооруженіемъ стѣнъ и башенъ Московскаго Кремля, при Іоаннѣ III началась замѣна деревянныхъ дворцовыхъ хоромъ каменными палатами—парадными и „для житья".

Отъ перечисленныхъ палатныхъ дворцовыхъ сооруженій осталось очень не многое, но и сохранившееся значительно видоизмѣнено.

Сооруженіемъ соборовъ, ограды Кремля и дворца не исчерпывается работа итальянцевъ въ Москвѣ. Растущій городъ со стороны посада потребовалъ сооруженія новой, каменной ограды по границѣ Китай-города. Эту работу исполняетъ уже при юномъ Іоаннѣ Грозномъ въ 1534—1538 годахъ Фрязинъ Петрокъ Малый.

Тотъ же Петрокъ Малый въ 1532 году строитъ огромную соборную звонницу въ Московскомъ Кремлѣ для тысячепудоваго колокола. Эта звонница существуетъ и понынѣ, но съ очень большой передѣлкой.

Съ 1475 года по 1538 годъ, т.-е. съ Аристотеля Фіоравенти до Петрока Малаго, включительно, въ теченіе 63 лѣтъ не прерывалась работа итальянцевъ, много способствовавшая формированію московской архитектуры XVI и XVII вѣка. Но и послѣ Петрока Малаго во многихъ зданіяхъ видна еще работа безымянныхъ итальянскихъ мастеровъ, если не приписывать ее ихъ ближайшимъ искуснымъ подражателямъ изъ русскихъ мастеровъ. При Іоаннѣ Грозномъ въ Москвѣ, за Яузой уже существовала Новая Нѣмецкая слобода. Надо думать

что среди населявшихъ ее „нѣмцевъ“ не мало было и итальянскихъ мастеровъ, издавна знавшихъ дорогу къ богатой Московіи.

Работы итальянцевъ въ Москвѣ производятъ цѣлую эволюцію не только среди московскихъ зодчихъ, но и на всей Руси. Москва была тѣмъ центромъ, гдѣ волей иль неволей сходились мастера со всей Руси для „Государева дѣла“. Здѣсь шла кипучая строительная дѣятельность. Каждый вносилъ свое и самъ пользовался многимъ. Здѣсь созидались новыя конструкціи и новыя строительныя формы, дававшія возможность въ „каменномъ дѣлѣ“ выдвинуть новыя комбинаціи храмовыхъ формъ.

Издревле на Руси на ряду съ освященными формами каменныхъ храмовъ существовали въ обширномъ поглощающемъ количествѣ деревянные храмы, въ которыхъ, какъ близкихъ по техникѣ къ исконному строительному дѣлу на Руси, рано проявились черты глубоко самобытныхъ формъ и взглядовъ, тѣсно связанныхъ съ привычными, вѣками выработанными, конструктивными пріемами въ зависимости отъ климатическихъ условій. Несомнѣнно, что даже первые деревянные храмы на Руси, несмотря на требуемую „освященность“ типа, были далеки отъ первичныхъ византійскихъ формъ каменнаго храма.

Древніе деревянные храмы достигали гигантскихъ размѣровъ въ высоту,—до 35 саженъ.

Въ поискахъ новыхъ формъ для каменныхъ храмовъ нуженъ былъ лишь толчокъ, направленный въ сторону исконныхъ деревянныхъ формъ, гдѣ свѣжесть неиспользованныхъ бытовыхъ моти-

вовъ давала большое поприще для новыхъ каменныхъ формъ.

Такимъ толчкомъ была постройка при царѣ Іоаннѣ Грозномъ церкви Василія Блаженнаго.

Ѳ. Горностаевъ.

2. ХРАМЪ ВАСИЛІЯ БЛАЖЕННАГО.

Соборный храмъ Покрова св. Богородицы (Василій Блаженный) служитъ какъ бы типическою чертою самой Москвы, особенною чертою самобытности и своеобразія, какими Москва, какъ старый русскій городъ, вообще отличается отъ городовъ западной Европы. Въ своемъ родѣ это такое же, если еще не бóльшее, московское старинное и притомъ народное диво, какъ Иванъ Великій, царь-колоколъ, царь-пушка. Западные путешественники и ученые изслѣдователи исторіи зодчества, очень чуткіе относительно всякой самобытности и оригинальности, давно уже оцѣнили по достоинству этотъ замѣчательный памятникъ русскаго художества. Храмъ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе особаго дива и тѣмъ въ большей степени, что вовсе не согласуется съ установленными понятіями объ архитектурныхъ формахъ, какими обыкновенно воспитывается и развивается эстетически-образованный глазъ: все въ немъ чудно, странно и на первый взглядъ не совсѣмъ понятно.

Нѣмецкій, напримѣръ, путешественникъ Блозіусъ разсказываетъ, что храмъ Василія Блаженнаго, самый диковинный изъ всѣхъ (въ Россіи), для русскаго зодчества имѣетъ почти такое же

значеніе, какъ Кёльнскій соборъ для древне-германскаго.

„Всѣ путешественники, — замѣчаетъ онъ, — прямо или не прямо, но въ одинъ голосъ заявляютъ, что церковь производитъ впечатлѣніе изумительное, поражающее европейскую мысль. Когда я самъ въ первый разъ неожиданно увидалъ это чудовище, то никакъ не могъ опомниться и понять, что это такое: колоссальное растеніе, группа крутыхъ скалъ или зданіе?... Разсмотрѣвши, что дѣйствительно это церковь, и тутъ ничего не понимаешь, не видишь, сколько сторонъ у зданія, гдѣ его лицо—фасадъ, сколько всѣхъ башенъ стоитъ въ этой группѣ? Входишь, наконецъ, въ храмъ (онъ вошелъ въ боковой предѣлъ, гдѣ обыкновенно совершается богослуженіе), тѣсный, мрачный, въ высшей степени неправильный, и окончательно теряешься въ соображеніяхъ, какимъ образомъ ничтожное внутреннее пространство церкви вяжется съ ея наружнымъ объемомъ, на видъ колоссальнымъ и обширнымъ. Чудище становится еще загадочнѣе!“

Присмотрѣвшись къ страннымъ, своеобразнымъ формамъ постройки и замѣтивъ во второмъ ярусѣ нѣкоторую симметрію въ расположеніи ея частей, путешественникъ все еще думалъ, что это настоящій лабиринтъ умышленнаго безпорядка. „Только взобравшись на верхъ,—говоритъ онъ,—начинаешь мало-по-малу понимать, что всѣ части храма расположены симметрично, что четыре большія башни стоятъ вокругъ средняго, главнаго зданія правильно, соотвѣтственно странамъ свѣта: на востокъ и западъ, на сѣверъ и югъ; что въ



Храмъ Василія Блаженнаго.

ихъ промежуткахъ расположены меньшія башни; что четыре пирамидальныя башенки на западной сторонѣ точно также размѣщены симметрично и покрываютъ крылечные входы". Вообще чертежъ второго яруса, по словамъ автора, уже достаточно обнаруживаетъ, что всѣ первоначальныя представленія о недостаткѣ симметріи и порядка въ расположеніи частей оказываются преждевременными и напрасными. Послѣ подробнаго осмотра всей постройки, авторъ убѣдился, наконецъ, что это не одинъ храмъ, не одна церковь, а собраніе церквей, цѣлая группа, въ которой и все цѣлое, и каждая часть въ отдѣльности, устроены одинаково.

„*Вмѣсто запутаннаго, нестройнаго лабиринта*,— оканчиваетъ путешественникъ,—*это ультра-національное архитектурное произведеніе являетъ полный смысла образцовый порядокъ и правильность*".

Признавъ въ устройствѣ храма строгую цѣлесообразность и порядокъ, авторъ удивляется только странности замысла всей постройки, и удивляется потому, почему и мы, теперешніе русскіе, удивляемся своеобразію этого памятника: мы вообще мало знаемъ свою старину и древность.

Храмъ Василія Блаженнаго можетъ почитаться типомъ древне-русскихъ крестчатыхъ и круглыхъ соборныхъ деревянныхъ церквей, форма которыхъ, именно форма храмовой группы, въ древности была любимымъ образцомъ и была выработана замысломъ самого народа, его религіозными потребностями и своеобычными понятіями о красотѣ Божьяго храма, безъ всякаго посредника какихъ-либо иноземныхъ руководительствъ и вліяній.

И. Забѣлинъ.

Жизнь старой Москвы по изображенію иностранныхъ путешественниковъ.

Въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія, въ Москву пріѣзжали иностранцы, которые описывали свои путешествія и оставили нѣсколько свѣдѣній и о самой Москвѣ. Первыя свѣдѣнія, относящіяся къ концу XV вѣка, весьма кратки. О Кремлѣ-замкѣ они говорятъ, что онъ расположенъ на холмѣ и со всѣхъ сторонъ окруженъ рощами; стало быть, и вся Москва была расположена, такъ сказать, въ лѣсу. Всѣ строенія въ городѣ были деревянныя, не исключая и крѣпости, говоритъ Контарини, бывшій въ Москвѣ въ 1473 г., когда еще Кремль стоялъ въ старыхъ, столѣтнихъ каменныхъ стѣнахъ, быть можетъ отъ ветхости по мѣстамъ обдѣланныхъ деревянными. Посреди города, говорятъ путешественники, протекаетъ рѣка, черезъ которую для сообщенія построено нѣсколько мостовъ. Всѣ иностранцы удивлялись необыкновенному изобилію и дешевизнѣ въ Москвѣ жизненныхъ припасовъ, особенно такъ называемой живности, то-есть мяса и птицъ. Говядину продавали не на вѣсъ, а по глазомѣру, и кусокъ

въ 3 фунта стоилъ не болѣе деньги или полукопѣйки серебра. А золотникъ серебра равнялся съ небольшимъ тремъ копѣйкамъ. Хлѣбъ въ зернѣ былъ также неимовѣрно дешевъ. Бочку зерна, которая именовалась *оковомъ* и заключала четыре четверти, покупали за гривну и дорого, если за 5 алтынъ, то-есть 15 коп. Отношеніе московскихъ цѣнъ къ цѣнамъ другихъ мѣстностей можно видѣть изъ того обстоятельства, что во время страшнаго голода по всей Московской области въ 1423 г. въ Москвѣ продавали бочку-оковъ хлѣба за 1 р., въ Костромѣ за 2 р., въ Нижнемъ за 6 р. Итальянцы особенно дивились нашей зимѣ. Стужа здѣсь такъ сильна, говорили они, что самыя даже рѣки замерзаютъ, что жителямъ приходится топить въ своихъ домахъ цѣлые девять мѣсяцевъ въ году. Но они замѣтили, что въ это именно время и поднимается особое движеніе русской жизни. Лѣтнія рѣки и рѣчки безъ мостовъ; болота и лѣсныя грязи зимою повсюду становились твердымъ и надежнымъ мостомъ, который отовсюду-же поднималъ людей и вызывалъ предпріимчивость торговую и промышленную. Тогда со всѣхъ сторонъ въ Москву тянулись безконечные обозы съ запасами изъ деревень для вотчинниковъ-бояръ и другихъ господъ и съ запасами крестьянскими на продажу. Московскій торгъ въ то время перебирался на Москву-рѣку, которая въ тѣ времена и замерзала раньше, чѣмъ теперь, обыкновенно въ концѣ октября. На крѣпкомъ льду купцы ставили свои лавки съ разными товарами, и такимъ образомъ устраивался большой рынокъ или ярмарка, такъ что въ городѣ торговля почти совсѣмъ пре-

кращалась. Купцы объясняли, что торгъ на льду Москвы-рѣки былъ тѣмъ хорошъ, что мѣсто было защищено отъ особой стужи и отъ вѣтровъ высокими берегами и городскимъ строеніемъ, а къ тому-же съ навезеннымъ зимнимъ товаромъ негдѣ было лучше и расположиться, какъ на этой обширной продольной площади, по самой срединѣ города.

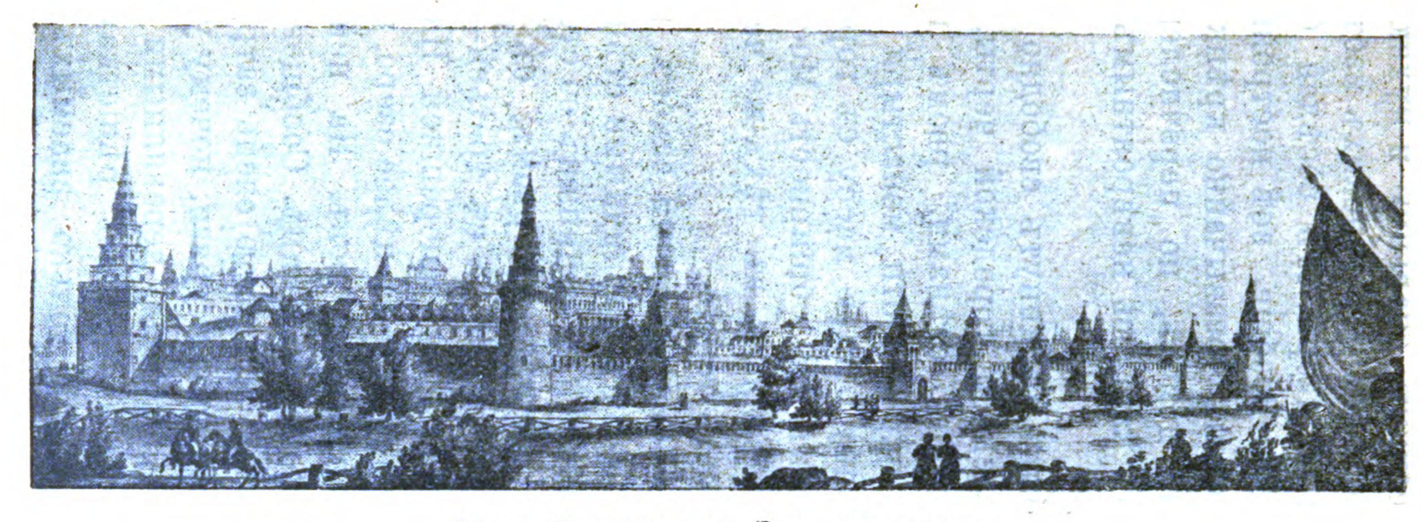
На этотъ рынокъ ежедневно въ продолженіе всей зимы привозили хлѣбъ, мясо, свиней, дрова, сѣно, всякія огородныя и садовыя овощи и всякіе надобные припасы. Мясо и разнородная живность больше всего привозились къ Николину дню. Въ Москву во время зимы съѣзжалось также множество купцовъ изъ Германіи и Польши для покупки различныхъ мѣховъ, такъ называемой *мягкой рухляди*, соболей, бобровъ, горностаевъ, бѣлокъ, волковъ и пр. Торговля мягкою рухлядью тоже была торговля по преимуществу зимняя, и потому въ это время въ Москву-же отовсюду, особенно съ сѣвера, тянулись длинные обозы и съ этимъ дорогимъ товаромъ. Итальянцы обратили вниманіе и на тогдашнія зимнія повозки, крытыя сани. Съ виду такая повозка походила на домъ, запрягалась въ одну лошадь и могла помѣстить лишь одного человѣка съ необходимымъ количествомъ дорожнаго запаса. Ѣзда была необычайно скорая.

Кромѣ того, на Москвѣ-рѣкѣ въ зимнее время бывали конскія ристанія и другія увеселенія (непремѣнно кулачные бои); но нерѣдко участвующіе въ сихъ игрищахъ, замѣчаетъ Контарини, ломаютъ себѣ шеи.

По отзывамъ иноземцевъ, москвитяне, какъ мужчины, такъ и женщины, вообще были красивы собою, но были весьма грубы и невѣжественны. Главнѣйшимъ ихъ порокомъ было пьянство, которымъ они даже похвалялись и презирали трезвыхъ. Винограднаго вина у нихъ не было, то-есть не было его въ народномъ употребленіи. Вмѣсто вина они пили медъ и пиво. Медъ въ особенности нравился иноземцамъ, не хуже дорогого вина. Съ торговыми людьми всякія дѣла можно было дѣлать только до полудня, когда они проводили свое время на рынкѣ; потомъ они отправлялись въ харчевни или домой ѣсть и пить. Послѣ обѣда, по обычаю, спали, и остальное время употребляли уже на домашнія дѣла. Спать послѣ обѣда повелѣвалъ еще Владиміръ Мономахъ, говоря, что въ это время и вся природа отдыхаетъ. Это былъ всеобщій древній русскій обычай. Движеніе въ городахъ въ это время прекращалось, и они становились мертвыми.

Спустя 50 лѣтъ, къ этимъ свѣдѣніямъ иностранцы прибавляютъ новыя и болѣе подробныя.

Прежде всего они замѣчаютъ, что Москва находится, если не въ Азіи, то на самомъ краю Европы; очень близко отъ Азіи. Городъ деревянный и очень обширный, а издали представляется еще пространнѣе отъ множества садовъ и огородовъ, которые находятся почти при каждомъ домѣ и служатъ для удовольствія хозяевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляютъ потребное количество плодовъ и овощей. Хоромы бояръ и знатныхъ людей были обширны и высоки. Дома рядовичей не были столь огромны, но и не слишкомъ малы и внутри



Видъ Кремля изъ Замоскворѣчья.

довольно просторны; каждый раздѣлялся на три комнаты: гостиную, спальную и кухню. Было множество и простыхъ деревенскихъ избъ, даже курныхъ. Каждый дворъ отъ сосѣдей былъ огороженъ заборомъ. Вообще, всѣ постройки сооружались изъ бревенъ чрезвычайно крѣпко, дешево и скоро. Число домовъ, по перечисленію 1520 г., иностранцамъ казалось невѣроятнымъ: ихъ считалось 41.500.

Городъ былъ раскинутъ свободно и не имѣлъ еще опредѣленной городской черты, то-есть не былъ укрѣпленъ стѣнами, рвомъ и башнями. Стоявшіе въ окрестности монастыри издали сливались въ одну общую массу съ городскими постройками, такъ что обширность Москвы и въ то время представлялась въ тѣхъ-же чертахъ, какъ она существуетъ теперь.

Кремль, весьма красивый зáмокъ, въ это время былъ уже обнесенъ кирпичными стѣнами съ башнями и бойницами и защищенъ со стороны городского торга обширнымъ рвомъ; съ другой стороны—Москвою-рѣкою, а съ третьей—Неглинною, которая у мѣстности теперешней Иверской площади была запружена въ цѣлое озеро, наполнявшее водою и упомянутый ровъ. На ней по теченію стояло множество мельницъ. Сообщеніе по городу особенно осенью и весною очень затруднялось по случаю непроходимой грязи, почему улицы и площади были покрыты деревянными мостовыми. Улицы на ночь запирались рѣшетками изъ бревенъ. Пропускали только знаемыхъ и почтенныхъ, которыхъ даже провожали до дому, а неизвѣстныхъ забирали подъ караулъ. Вообще,

улицъ было много, но онѣ прерывались большими промежутками, открытыми полями. Въ каждомъ почти кварталѣ или слободѣ существовала своя церковь.

Въ окрестныхъ поляхъ, принадлежавшихъ городу, водилось необычайное множество дикихъ козъ и зайцевъ; охота на нихъ была строго воспрещена, потому что составляла особую потѣху самого государя и приближенныхъ бояръ.

Москвичи, главнымъ образомъ торговцы, по отзыву Нѣмецкаго посла Герберштейна, почитались хитрѣе и лживѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ. Въ особенности на нихъ нельзя было полагаться въ исполненіи договоровъ и условій. Они сами знали за собою этотъ грѣхъ и, когда случились сдѣлки съ иностранцами, то для возбужденія къ себѣ большаго довѣрія, называли себя не москвичами, а иногородными, пріѣзжими купцами. Умѣнье обыграть дурачка — вотъ въ чемъ заключалось торговое искусство тогдашней Москвы, и вотъ гдѣ коренились всѣ обманы и хитрости, о которыхъ говорятъ иностранцы. Изъ числа обмановъ первое мѣсто и занималъ *запросъ*, или, такъ сказать, испытаніе покупателя въ его опытности или знакомствѣ съ предметомъ купли, а введеніе въ торговый обычай запроса, по всему вѣроятію, зависѣло отъ свойствъ главнѣйшаго въ то время московскаго товара, именно дорогихъ мѣховъ, достоинство которыхъ было такъ различно, что надлежащая цѣна имъ могла установиться только по доброй, такъ сказать, охотничей волѣ покупателя и продавца. Произволъ и своенравіе въ этомъ случаѣ господствовали въ полной силѣ. Такъ, напримѣръ,

собольи мѣха, продававшіеся обыкновенно сороками, цѣнились отъ 40 до 400 р. за сорокъ штукъ и выше. Такое распредѣленіе достоинства мѣха давало полную возможность и вовсе не обманное основаніе ставить запросъ въ этой торговлѣ на первомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ продавецъ въ иныхъ случаяхъ никакъ не могъ угадать настоящей цѣны такому своенравному товару, который и добывался не рукодѣльемъ, а только Божіею милостію и счастьемъ охотника. Это до чрезвычайности неуловимая цѣна мѣховому товару, доставлявшая широкую возможность вести торговую игру въ дурачки, приносила Москвѣ очень много выгодъ.

Случалось иногда, что иностранный купецъ, привезши въ Москву товаръ и продавши его съ выгодою, могъ обратно купить тотъ-же самый свой товаръ по такой пониженной цѣнѣ, что охотно увозилъ его домой и продавалъ еще съ бо̀льшею выгодою.

Привозимый товаръ подвергался осмотру и оцѣнкѣ для взятія пошлинъ, но, кромѣ того, если вещи были очень дорогія, рѣдкія или потребныя для великаго князя, продавать ихъ воспрещалось до того времени, пока не будутъ показаны во дворцѣ. По этому случаю происходила иногда долгая проволочка, очень стѣснявшая купцовъ. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы самые лучшіе товары всегда находились только въ государевой казнѣ, потому что изъ казны товаръ шелъ въ награды и подарки своимъ людямъ за службу, а также и въ посольскіе дары. Великій князь

имѣлъ обычай дарить только то, чего нельзя было достать на рынкѣ ни за какія деньги.

Не всякій купецъ изъ иностранныхъ могъ пріѣхать въ Москву свободно, прямо отъ своего лица. Такимъ правомъ пользовались только поляки и литовцы. Шведамъ и нѣмцамъ позволялось торговать только въ Новгородѣ; туркамъ и татарамъ— только на ярмаркѣ Холопьяго городка, на устьѣ Малаги, гдѣ собирались и всѣ прочіе иноземцы. Но иностранные купцы всѣхъ земель, принятые подъ покровительство какого-либо посольства, могли съ тѣмъ посольствомъ свободно и безпошлинно ѣхать въ Москву и торговать отъ своего лица. Это былъ старый обычай, которымъ всѣ и пользовались. Не зная хорошо страны, каждый иностранецъ, пріѣзжая въ Москву, прежде всего попадалъ въ руки хитрыхъ пройдохъ со стороны гостинаго двора или великокняжескаго дворянства, дьячества и подъячества. Поэтому всѣ неодобрительные отзывы заѣзжихъ гостей о московскихъ и вообще русскихъ нравахъ нельзя принимать огульно въ полной истинѣ.

Многіе изъ иностранныхъ покупателей распространяли увѣреніе, что всѣ русскіе плуты, всѣ коварны и лживы и не надежны ни въ какой сдѣлкѣ. Пріѣзжавшій въ Москву отъ римскаго императора посолъ Варкочь такъ говоритъ объ этомъ: „Нѣкоторые писатели изображаютъ москвитянъ непостоянными и грубыми до варварства, а потому и совѣтуютъ не вступать съ ними ни въ какія дѣла, но я долженъ замѣтить, что они имѣютъ тонкій, смѣтливый умъ и отличаются особенной приверженностью къ христіанской церкви,

что доказывается уже тѣмъ, что клятвопреступничество нигдѣ не наказываютъ такъ строго, какъ у нихъ. По моему мнѣнію, они могутъ быть для насъ весьма полезными союзниками, хотя, съ другой стороны, могутъ и причинить намъ большой вредъ, если того захотятъ“.

Многіе иностранцы почитали, и весьма справедливо, серединою или центромъ Москвы Китай-городъ, говоря, что *подлѣ* него находится крѣпость или царскій дворецъ, отдѣленный отъ него стѣнами и глубокимъ рвомъ.

Теперь послушаемъ, что разсказываетъ о немъ очевидецъ, бывшій въ Москвѣ въ началѣ XVII столѣтія, еще до ея разоренія въ Смутное время.

„Трудно вообразить, какое множество тамъ лавокъ, коихъ считается до 40.000; какой вездѣ порядокъ ибо для каждаго рода товаровъ, для каждаго ремесленника, самаго ничтожнаго, есть особый рядъ лавокъ; даже цырюльники бреютъ въ своемъ ряду“... Петрей къ этому прибавляетъ, что Китайскій торгъ или рынокъ представлялъ четыреугольную площадь съ выстроенными изъ кирпича лавками, которыя были расположены улицами, рядами, по 20 съ каждой стороны четыреугольника.

„На каждой улицѣ встрѣчаются особенные и разные товары, такъ что на одной изъ нихъ совсѣмъ не тѣ, какіе на другихъ. На одной можно покупать разныя пряности, благовонія; на другой—разное сукно и полотно всякихъ цвѣтовъ и красокъ, какіе только можно назвать; на третьей—разнаго рода бархатъ, камку, атласъ и шелкъ; на четвертой—серебряныя и золотыя вещи; на пя-

той—жемчугъ, драгоцѣнныя вещи и разныя украшенія, золотыя и серебряныя; также точно и дальше, такъ что на всякой улицѣ особенный товаръ".

Спустя лѣтъ 60 послѣ московской разрухи, другой иностранецъ, Рейтенфельсъ, описываетъ московскій торгъ слѣдующимъ образомъ:

„Красная площадь передъ Кремлемъ и другія мѣста, поблизости къ ней, цѣлый день кишатъ народомъ. Въ торговыхъ рядахъ каждый товаръ продается въ особой лавкѣ... Для каждаго рода товаровъ назначено особое мѣсто, въ томъ числѣ для продажи стараго платья и для низенькихъ лавочекъ брадобреевъ. Все это устроено такъ умно, что покупщику, изъ множества однородныхъ вещей, вмѣстѣ расположенныхъ, весьма легко выбирать самую лучшую".

„На рынкѣ стоятъ всегда до 200 извозчиковъ, то-есть хлопцевъ съ одинакими санями, запряженными въ одну лошадь. Кто захочетъ быть въ отдаленной части города, тому лучше нанять извозчика, чѣмъ идти пѣшкомъ: за грошъ онъ скачетъ какъ бѣшеный, поминутно крича во все горло: гись, гись, гись (берегись),—и народъ разступается въ обѣ стороны. Въ извѣстныхъ мѣстахъ извозчикъ останавливается и не везетъ далѣе, пока не получитъ другого гроша. Этимъ способомъ онъ снискиваетъ себѣ пропитаніе и не мало платитъ своему государю. Все ихъ имѣніе—лошадь и повозка. Въ ѣздѣ они такъ упрямы, что, встрѣчаясь одинъ съ другимъ, скорѣе готовы сломать свои колеса, чѣмъ уступить одинъ другому дорогу, если только въ это дѣло не вмѣшаются сѣдоки".

Обликъ народной толпы на улицахъ относительно одежды въ древней Москвѣ отличался отъ нынѣшняго. Покрой одежды былъ одинаковъ и у богатыхъ и у бѣдныхъ—все отличіе заключалось въ достоинствѣ тканей. Богатые носили дорогое сукно и шелкъ, простой народъ—сермягу, армячину и другія сукна деревенскаго издѣлія.

И. Забѣлинъ.

1812 ГОДЪ ВЪ МОСКВѢ.

1. НАПОЛЕОНЪ НА ПОКЛОННОЙ ГОРѢ.

1-го сентября въ ночь отданъ приказъ Кутузова объ отступленіи русскихъ войскъ черезъ Москву на Рязанскую дорогу.

Первыя войска двинулись въ ночь. Войска, шедшія ночью, не торопились и двигались медленно и степенно; но на разсвѣтѣ двигавшіяся войска, подходя къ Дорогомиловскому мосту, увидали впереди себя, на другой сторонѣ, тѣснящіяся, спѣшащія по мосту и на той сторонѣ поднимающіяся и запружающія улицы и переулки, а позади себя напирающія, безконечныя массы войскъ. И безпричинная поспѣшность и тревога овладѣли войсками. Все бросилось впередъ къ мосту, на мостъ, въ броды и въ лодки. Кутузовъ велѣлъ обвезти себя задними улицами на ту сторону Москвы.

Къ 10-ти часамъ утра 2-го сентября въ дорогомиловскомъ предмѣстьи оставались на просторѣ одни войска арьергарда. Армія была уже на той сторонѣ Москвы и за Москвою.

Въ это же время, въ 10 часовъ утра 2-го сентября, Наполеонъ стоялъ между своими войсками на Поклонной горѣ и смотрѣлъ на открывавшееся передъ нимъ зрѣлище. Начиная съ 26-го августа

и по 2-е сентября, отъ Бородинскаго сраженія и до вступленія непріятеля въ Москву, во всѣ дни этой тревожной, этой памятной недѣли, стояла та необычайная, всегда удивляющая людей, осенняя погода, когда низкое солнце грѣетъ жарче, чѣмъ весной, когда все блеститъ въ рѣдкомъ, чистомъ воздухѣ, такъ что глаза рѣжетъ; когда грудь крѣпнетъ и свѣжѣетъ, вдыхая осенній пахучій воздухъ; когда ночи даже бываютъ теплыя, и когда въ темныхъ, теплыхъ ночахъ этихъ съ неба безпрестанно, пугая и радуя, сыплются золотыя звѣзды.

2-го сентября въ 10 часовъ утра была такая погода.

Блескъ утра былъ волшебный. Москва съ Поклонной горы разстилалась просторно съ своей рѣкой, своими садами и церквами и, казалось, жила своею жизнью, трепеща, какъ звѣзды, своими куполами въ лучахъ солнца.

При видѣ страннаго города съ невиданными формами необыкновенной архитектуры Наполеонъ испытывалъ то нѣсколько завистливое и безпокойное любопытство, которое испытываютъ люди при видѣ формъ не знающей о нихъ, чуждой жизни. Очевидно, городъ этотъ жилъ всѣми силами своей жизни. По тѣмъ неопредѣлимымъ признакамъ, по которымъ на дальнемъ разстояніи безошибочно узнается живое тѣло отъ мертваго, Наполеонъ съ Поклонной горы видѣлъ трепетаніе жизни въ городѣ и чувствовалъ какъ бы дыханіе этого большого и красиваго тѣла.

Всякій русскій человѣкъ, глядя на Москву, чувствуетъ, что она мать; всякій иностранецъ, глядя на нее и не зная ея материнскаго значенія, дол-



Наполеонъ на Поклонной горѣ. **В.** Верещагинъ.

женъ чувствовать женственный характеръ этого города; и Наполеонъ чувствовалъ его.

— Cette ville asiatique aux innombrables églises, Moscou la sainte. La voilà donc enfin, cette fameuse ville! Il était temps a[1]) — сказалъ Наполеонъ и, слѣзши съ лошади, велѣлъ разложить передъ собою планъ этой Moscou и подозвалъ переводчика Lelorme d'Ideville. „Une ville occurée par l'ennemi ressemble à une fille qui a perdu son honneur" [2]), думалъ онъ. И съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ, невиданную еще имъ, восточную красавицу. Ему странно было самому, что, наконецъ, свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможнымъ, желаніе. Въ ясномъ утреннемъ свѣтѣ онъ смотрѣлъ то на городъ, то на планъ, провѣряя подробности этого города, и увѣренность обладанія волновала и ужасала его.

„Но развѣ могло быть иначе?" подумалъ онъ. „Вотъ она — эта столица — у моихъ ногъ, ожидая судьбы своей. Гдѣ теперь Александръ, и что думаетъ онъ? Странный, красивый, величественный городъ! И странная и величественная эта минута! Въ какомъ свѣтѣ представляюсь я имъ?" думалъ онъ о своихъ войскахъ. „Вотъ она—награда—для всѣхъ этихъ маловѣрныхъ (думалъ онъ, оглядываясь на приближенныхъ и на подходившія и строившіяся войска). Одно мое слово, одно движеніе моей руки, и погибла эта древняя столица

---

[1]) Вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый азіатскій городъ съ своими безчисленными церквами, священная Москва! Давно пора!

[2]) Городъ, занятый непріятелемъ, подобенъ дѣвушкѣ, потерявшей невинность.

des Czars. Mais ma clémence est toujours prompte a descendre sur les vaincus [1]). Я долженъ быть великодушенъ и истинно великъ... Но нѣтъ, это правда, что я въ Москвѣ (вдругъ приходило ему въ голову). Однако вотъ она лежитъ у моихъ ногъ, играя и дрожа золотыми куполами и крестами въ лучахъ солнца. Но я пощажу ее. На древнихъ памятникахъ варварства и деспотизма я напишу великія слова справедливости и милосердія... Александръ больнѣе всего пойметъ именно это, я знаю его. (Наполеону казалось, что главное значеніе того, что совершалось, заключалось въ личной борьбѣ его съ Александромъ). Съ высотъ Кремля—да, это Кремль, да!—я дамъ имъ законы справедливости, я покажу имъ значеніе истинной цивилизаціи, я заставлю поколѣнія бояръ съ любовью поминать имя своего завоевателя. Я скажу депутаціи, что я не хочу войны; что я велъ войну только съ ложной политикой ихъ Двора; что я люблю и уважаю Александра, и что приму условія мира въ Москвѣ, достойныя меня и моихъ народовъ. Я не хочу воспользоваться счастьемъ войны для униженія уважаемаго государя. „Бояре!“ скажу я имъ, „я не хочу войны, а хочу мира и благоденствія всѣхъ моихъ подданныхъ“. Впрочемъ, я знаю, что присутствіе ихъ воодушевитъ меня, и я скажу имъ, какъ я всегда говорю: ясно, торжественно и велико. Но неужели это правда, что я въ Москвѣ? Да, вотъ она!“

---

[1]) Но мое милосердіе всегда готово снизойти къ побѣжденнымъ.

— Qu'on m'amène les boyards [1]), —обратился онъ къ свитѣ.

Генералъ съ блестящей свитой тотчасъ же поскакалъ за боярами.

Прошло два часа. Наполеонъ позавтракалъ и опять стоялъ на томъ же мѣстѣ на Поклонной горѣ, ожидая депутаціи. Рѣчь его къ боярамъ уже ясно сложилась въ его воображеніи. Рѣчь эта была исполнена достоинства и того величія, которое понималъ Наполеонъ.

Тотъ тонъ великодушія, въ которомъ намѣренъ былъ дѣйствовать въ Москвѣ Наполеонъ, увлекъ его самого. Онъ въ воображеніи своемъ назначилъ дни réunion dans le palais des Czars [2]), гдѣ должны были сходиться русскіе вельможи съ вельможами французскаго императора. Онъ назначалъ мысленно губернатора, такого, который бы сумѣлъ привлечь къ себѣ населеніе. Узнавъ о томъ, что въ Москвѣ много богоугодныхъ заведеній, онъ въ воображеніи своемъ рѣшалъ, что всѣ эти заведенія будутъ осыпаны его милостями. Онъ думалъ, что какъ въ Африкѣ надо было сидѣть въ бурнусѣ въ мечети, такъ и въ Москвѣ надо было быть милостивымъ, какъ цари. И, чтобы окончательно тронуть сердца русскихъ, онъ, какъ и каждый французъ, не могущій себѣ вообразить ничего чувствительнаго безъ упоминанія о *ma chère, ma tendre, ma pauvre mère* [3]), онъ рѣшилъ, что на всѣхъ этихъ заведеніяхъ онъ велитъ написать большими буквами: „Etablissemen

---

[1]) Пусть приведутъ ко мнѣ бояръ.

[2]) Дни собраній во дворцѣ царей.

[3]) Моей милой, нѣжной, бѣдной матери.

dédié à ma chère Mère“. Нѣтъ, просто „Maison de ma Mère [1]), рѣшилъ онъ самъ съ собой. „Но неужели я въ Москвѣ? Да, вотъ она передо мной; но что же такъ долго не является депутація города?“ думалъ онъ.

Между тѣмъ въ задахъ свиты императора происходило шопотомъ взволнованное совѣщаніе между его генералами и маршалами. Посланные за депутаціей вернулись съ извѣстіемъ, что Москва пуста, что всѣ уѣхали и ушли изъ нея. Лица совѣщавшихся были блѣдны и взволнованны. Не то, что Москва была оставлена жителями (какъ ни важно казалось это событіе) пугало ихъ, но ихъ пугало то, какимъ образомъ объявить о томъ императору, какимъ образомъ, не ставя его величество въ то страшное, называемое французами ridicule [2]), положеніе объявить ему, что онъ напрасно ждалъ бояръ такъ долго, что есть толпы пьяныхъ, но никого больше. Одни говорили, что надо было во что бы то ни стало собрать хоть какую-нибудь депутацію; другіе оспаривали это мнѣніе и утверждали, что надо, осторожно и умно приготовивъ императора, объявить ему правду.

— Il faudra le lui dire tout de même... [3])—говорили господа свиты.—Mais, messieurs...

Положеніе было тѣмъ тяжелѣе, что императоръ, обдумывая свои планы великодушія, терпѣливо ходилъ взадъ и впередъ передъ планомъ, посма-

---

[1]) Заведеніе, посвященное моей матери. — Нѣтъ просто: Домъ моей матери.

[2]) Смѣшнымъ.

[3]) А все-таки надо ему сказать.

тривая изрѣдка изъ-подъ руки по дорогѣ въ Москву и весело и гордо улыбаясь.

— Mais c'est impossible... [1])—пожимая плечами, говорили господа свиты, не рѣшаясь выговорить подразумѣваемое страшное слово: le ridicule...

Между тѣмъ императоръ, уставши отъ тщетнаго ожиданія и своимъ актерскимъ чутьемъ чувствуя, что величественная минута, продолжаясь слишкомъ долго, начинаетъ терять свою величественность, подалъ рукой знакъ. Раздался одинокій выстрѣлъ сигнальной пушки, и войска, съ разныхъ сторонъ обложившія Москву, двинулись въ Москву — въ Тверскую, Калужскую и Дорогомиловскую заставы. Быстрѣе и быстрѣе, перегоняя одни другихъ, бѣглымъ шагомъ и рысью, двигались войска, скрываясь въ поднимаемыхъ ими облакахъ пыли и оглашая воздухъ сливающимися гулами криковъ.

Увлеченный движеніемъ войскъ, Наполеонъ доѣхалъ съ войсками до Дорогомиловской заставы, но тамъ опять остановился и, слѣзши съ лошади, долго ходилъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая депутаціи.

Москва между тѣмъ была пуста. Въ ней были еще люди, въ ней оставалась еще пятидесятая часть всѣхъ бывшихъ прежде жителей, но она была пуста. Она была пуста, какъ бываетъ пустъ домирающій, обезматочившій улей.

Въ разныхъ углахъ Москвы только безмысленно еще шевелились люди, соблюдая старыя привычки и не понимая того, что̀ они дѣлали.

Когда Наполеону съ должною осторожностью

---

[1]) Но это невозможно...

было объявлено, что Москва пуста, онъ сердито взглянулъ на доносившаго объ этомъ и, отвернувшись, продолжалъ ходить молча.

— Подать экипажъ,—сказалъ онъ.

Онъ сѣлъ въ карету рядомъ съ дежурнымъ адъютантомъ и поѣхалъ въ предмѣстье. „Moscou déserte! Quel évènement invraisemblable“ [1]), говорилъ онъ самъ съ собой.

Онъ не поѣхалъ въ городъ, а остановился на постояломъ дворѣ дорогомиловскаго предмѣстья.

Le coup de théâtre avait raté [2]).

2. ВСТУПЛЕНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ МОСКВУ.

Въ 4-мъ часу пополудни войска Мюрата вступали въ Москву. Впереди ѣхалъ отрядъ виртембергскихъ гусаръ, позади верхомъ, съ большой свитой, ѣхалъ самъ неаполитанскій король.

Около середины Арбата, близъ Николы Явленнаго, Мюратъ остановился, ожидая извѣстія отъ передового отряда о томъ, въ какомъ положеніи находилась городская крѣпость—*le Kremlin.*

Вокругъ Мюрата собралась небольшая кучка людей изъ остававшихся въ Москвѣ жителей. Всѣ съ робкимъ недоумѣніемъ смотрѣли на страннаго, изукрашеннаго перьями и золотомъ длинноволосаго начальника.

— Что-жъ, это самъ, что ли, царь ихній? Ничего!—слышались тихіе голоса.

Переводчикъ подъѣхалъ къ кучкѣ народа.

---

[1]) Москва пуста! Какое невѣроятное событіе.

[2]) Не удалась развязка театральнаго представленія.

— Шапку-то сними... шапку-то,—заговорили въ толпѣ, обращаясь другъ къ другу.

Переводчикъ обратился къ одному старому дворнику и спросилъ, далеко ли до Кремля. Дворникъ, прислушиваясь съ недоумѣніемъ къ чуждому ему польскому акценту и не признавая звуки говора переводчика за русскую рѣчь, не понималъ, что̀ ему говорили и прятался за другихъ.

Мюра̀тъ подвинулся къ переводчику и велѣлъ спросить, гдѣ русскія войска. Одинъ изъ русскихъ людей понялъ, чего у него спрашивали, и нѣсколько голосовъ вдругъ стали отвѣчать переводчику. Французскій офицеръ изъ передового отряда подъѣхалъ къ Мюрату и доложилъ, что ворота въ крѣпость задѣланы и что, вѣроятно, тамъ засада. „Хорошо“, сказалъ Мюратъ и, обратившись къ одному изъ господъ своей свиты, приказалъ выдвинуть четыре легкихъ орудія и обстрѣлять ворота.

Артиллерія на рысяхъ выѣхала изъ-за колонны, шедшей за Мюратомъ, и поѣхала по Арбату. Спустившись до конца Воздвиженки, артиллерія остановилась и выстроилась на площади. Нѣсколько французскихъ офицеровъ распоряжались пушками, разстанавливая ихъ, и смотрѣли въ Кремль въ зрительную трубу.

Въ Кремлѣ раздавался благовѣстъ къ вечернѣ, и этотъ звонъ смущалъ французовъ. Они предполагали, что это былъ призывъ къ оружію. Нѣсколько человѣкъ пѣхотныхъ солдатъ бѣжали къ Кутафьевскимъ воротамъ. Въ воротахъ лежали бревна и тесовыя щиты. Два ружейные выстрѣла раздались изъ-подъ воротъ, какъ только офицеръ

съ командой сталъ подбѣгать къ нимъ. Генералъ, стоявшій у пушекъ, крикнулъ офицеру командныя слова, и офицеръ съ солдатомъ побѣжалъ назадъ.

Послышалось еще три выстрѣла изъ воротъ.

Одинъ выстрѣлъ задѣлъ въ ногу французскаго солдата, и странный крикъ немногихъ голосовъ послышался изъ-за щитовъ. На лицахъ французскихъ генерала, офицеровъ и солдатъ одновременно, какъ по командѣ, прежнее выраженіе веселости и спокойствія замѣнить упорнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ готовность на борьбу и страданія. Для нихъ всѣхъ, начиная отъ маршала и до послѣдняго солдата, это мѣсто не было Воздвиженка, Моховая, Кутафья и Троицкія ворота, а это была новая мѣстность новаго поля, вѣроятно, кровопролитнаго сраженія. И всѣ приготовились къ этому сраженію. Крики изъ воротъ затихли. Орудія были выдвинуты. Артиллеристы сдули нагорѣвшіе пальники. Офицеръ скомандовалъ: feu [1]), и два свистящіе звука жестянокъ раздались одинъ за другимъ. Картечныя пули затрещали по камню воротъ, бревнамъ и щитамъ, и два облака дыма заколебались на площади.

Нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ затихли перекаты выстрѣловъ по каменному Кремлю, странный звукъ послышался надъ головами французовъ. Огромныя стая галокъ поднялась надъ стѣнами и, каркая и шумя тысячами крылъ, закружилась въ воздухѣ. Вмѣстѣ съ этимъ звукомъ раздался человѣческій одинокій крикъ въ воротахъ, и изъ-за дыма появилась фигура человѣка

---

[1]) Пли!

безъ шапки и въ кафтанѣ. Держа ружье, онъ цѣлился во французовъ. „Feu!“ повторилъ артиллерійскій офицеръ, и въ одно и то же время раздались одинъ ружейный и два орудійныхъ выстрѣла. Дымъ опять закрылъ ворота.

За щитами больше ничего не шевелилось, и пѣхотные французскіе солдаты съ офицерами пошли къ воротамъ. Въ воротахъ лежало три раненыхъ и четыре убитыхъ человѣка. Два человѣка въ кафтанахъ убѣгали низомъ вдоль стѣнъ къ Знаменкѣ.

— Enlevez-moi ça [1]),—сказалъ офицеръ, указывая на бревна и трупы, и французы, добивъ раненыхъ, перебросили трупы внизъ за ограду.

Кто были эти люди, никто не зналъ „Enlevez-moi ça“, только сказано было про нихъ, и ихъ выбросили и прибрали потомъ, чтобы они не воняли. Одинъ Тьеръ посвятилъ ихъ памяти нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ: „Ces misèrables avaient envahi la citadelle sacrée, s'étaient emparés des fusils de l'arsenal, et tiraient (ces misérables) sur les français. On en sabra quelquesuns et on purgea le Kremlin de leur présence“ [2]).

Мюрату было доложено, что путь расчищенъ. Французы вошли въ ворота и стали размѣщаться лагеремъ на Сенатской площади. Солдаты выкидывали стулья изъ оконъ сената на площадь и раскладывали огни.

Другіе отряды проходили черезъ Кремль и раз-

---

[1]) Уберите это.

[2]) Эти несчастные захватили священную крѣпость, овладѣли ружьями арсенала и стрѣляли по французамъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ порубили саблями и очистили Кремль отъ ихъ присутствія.

мѣщались по Маросейкѣ, Лубянкѣ, Покровкѣ. Третьи еще размѣщались по Воздвиженкѣ, Знаменкѣ, Никольской, Тверской. Вездѣ, не находя хозяевъ, французы размѣщались не какъ въ городѣ на квартирахъ, а какъ въ лагерѣ, который расположенъ въ городѣ.

Хотя и оборванные, голодные, измученные и уменьшенные до 1/2 части своей прежней численности, французскіе солдаты вступили въ Москву еще въ стройномъ порядкѣ. Это было измученное истощенное, но еще боевое и грозное войско. Но это было войско только до той минуты, пока солдаты этого войска не разошлись по квартирамъ. Какъ только люди полковъ стали расходиться по пустымъ и богатымъ домамъ, такъ навсегда уничтожилось войско, и образовались не жители и не солдаты, а что-то среднее, называемое мародерами. Когда, черезъ пять недѣль, тѣ же самые люди вышли изъ Москвы, они уже не составляли болѣе войска. Это была толпа мародеровъ, изъ которыхъ каждый везъ или несъ съ собой кучу вещей, которыя ему казались цѣнны и нужны. Цѣль каждаго изъ этихъ людей при выходѣ изъ Москвы не состояла, какъ прежде, въ томъ, чтобы завоевать, а только въ томъ, чтобы удержать пріобрѣтенное. Подобно той обезьянѣ, которая, запустивъ руку въ узкое горло кувшина и захвативъ горсть орѣховъ, не разжимаетъ кулака, чтобы не потерять схваченнаго, и этимъ гу битъ себя, французы, при выходѣ изъ Москвы, очевидно, должны были погибнуть вслѣдствіе того, что они тащили съ собой награбленное, но бросить это награбленное имъ было такъ же невозможно, какъ невозможно обезьянѣ разжать горсть

съ орѣхами. Черезъ десять минутъ послѣ вступленія каждаго французскаго полка въ какой-нибудь кварталъ Москвы не оставалось ни одного солдата и офицера. Въ окнахъ домовъ видны были люди въ шинеляхъ и штиблетахъ, смѣясь прохаживающіеся по комнатамъ; въ погребахъ, въ подвалахъ такіе же люди хозяйничали съ провизіей; на дворахъ такіе же люди отпирали или отбивали ворота сараевъ и конюшенъ; въ кухняхъ раскладывали огни, съ засученными рукавами пекли, мѣсили и варили, пугали, смѣшили и ласкали женщинъ и дѣтей. И этихъ людей вездѣ, и по лавкамъ и по домамъ, было много; но войска уже не было.

Въ тотъ же день приказъ за приказомъ отдавались французскими начальниками о томъ, чтобы запретить войскамъ расходиться по городу, строго запретить насиліе жителей и мародерство, о томъ, чтобы нынче же вечеромъ сдѣлать общую перекличку; но, несмотря ни на какія мѣры, люди, прежде составлявшіе войско, расплывались по богатому, обильному удобствами и запасами, пустому городу. Какъ голодное стадо идетъ кучей по голому полю, но тотчасъ же неудержимо разбредается, какъ только нападетъ на богатыя пастбища, такъ неудержимо разбредалось и войско по богатому городу.

Жителей въ Москвѣ не было, и солдаты, какъ вода въ песокъ, всачивались въ нее и неудержимой звѣздой расплывались во всѣ стороны отъ Кремля, въ который они вошли прежде всего. Солдаты-кавалеристы, входя въ оставленный со всѣмъ добромъ купеческій домъ и находя стойла не

только для своихъ лошадей, но и лишнія, все-таки шли рядомъ занимать другой домъ, который имъ казался лучше. Многіе занимали нѣсколько домовъ, надписывая мѣломъ, кѣмъ онъ занятъ, и спорили и даже дрались съ другими командами. Не успѣвъ помѣститься еще, солдаты бѣжали на улицу осматривать городъ и по слуху о томъ, что все брошено, стремились туда, гдѣ можно было забрать даромъ цѣнныя вещи. Начальники ходили останавливать солдатъ и сами вовлекались невольно въ тѣ же дѣйствія. Въ Каретномъ ряду оставались лавки съ экипажами, и генералы толпились тамъ, выбирая коляски и кареты. Остававшіеся жители приглашали къ себѣ начальниковъ, надѣясь тѣмъ обезпечиться отъ грабежа. Богатствъ было пропасть, и конца имъ не видно было; вездѣ кругомъ того мѣста, которое заняли французы, были еще неизвѣданныя, незанятыя мѣста, въ которыхъ какъ казалось французамъ, было еще больше богатствъ. И Москва все дальше и дальше всасывала ихъ въ себя. Точно, какъ вслѣдствіе того, что нальется вода на сухую землю, исчезаетъ вода и сухая земля: точно такъ же вслѣдствіе того, что голодное войско вошло въ обильный пустой городъ, уничтожилось войско, и уничтожился обильный городъ; и сдѣлалась грязь, сдѣлались пожары и мародерство.

Французы приписывали пожаръ Москвы au patriotisme féroce de Rastopchine [1]), русскіе—изувѣрству французовъ. Въ сущности же причинъ

---

[1]) Дикому патріотизму Растопчина.

пожара Москвы въ томъ смыслѣ, чтобы отнести пожаръ этотъ на отвѣтственность одного или нѣсколько лицъ, такихъ причинъ не было и не могло быть. Москва сгорѣла вслѣдствіе того, что она была поставлена въ такія условія, при которыхъ всякій деревянный городъ долженъ сгорѣть, независимо отъ того, имѣются ли или не имѣются въ городѣ 130 плохихъ пожарныхъ трубъ. Москва должна была сгорѣть вслѣдствіе того, что изъ нея выѣхали жители, и такъ же неизбѣжно, какъ должна загорѣться куча стружекъ, на которую въ продолженіе нѣсколькихъ дней будутъ сыпаться искры огня. Деревянный городъ, въ которомъ при жителяхъ-владѣльцахъ домовъ и при полиціи бываютъ почти каждый день пожары, не можетъ не сгорѣть, когда въ немъ нѣтъ жителей, а живутъ войска, курящія трубки, раскладывающія костры на Сенатской площади изъ сенатскихъ стульевъ и варящіе себѣ ѣсть два раза въ день. Стоитъ въ мирное время войскамъ расположиться на квартирахъ по деревнямъ въ извѣстной мѣстности, и количество пожаровъ въ этой мѣстности тотчасъ увеличивается. Въ какой же степени должна увеличиться вѣроятность пожаровъ въ пустомъ деревянномъ городѣ, въ которомъ расположится чужое войско? Le patriotisme féroce de Rastopchine и изувѣрство французовъ тутъ ни въ чемъ не виноваты. Москва загорѣлась отъ трубокъ, отъ кухонь, отъ костровъ, отъ неряшливости непріятельскихъ солдатъ, жителей-нехозяевъ домовъ. Ежели и были поджоги (что весьма сомнительно, потому что поджигать никому не было никакой причины, а во всякомъ случаѣ хлопотливо и опасно), то поджоги

нельзя принять за причину, такъ какъ безъ поджоговъ было бы то же самое.

Какъ ни лестно было французамъ обвинять звѣрство Растопчина и русскимъ обвинять злодѣя Бонапарта или потомъ влагать героическій факелъ въ руки своего народа, нельзя не видѣть, что такой непосредственной причины пожара не могло быть, потому что Москва должна была сгорѣть, какъ должна сгорѣть каждая деревня, фабрика, всякій домъ, изъ котораго выйдутъ хозяева и въ который пустятъ хозяйничать и варить себѣ кашу чужихъ людей. Москва сожжена жителями, это правда; но не тѣми жителями, которые оставались въ ней, а тѣми, которые выѣхали изъ нея. Москва, занятая непріятелемъ, не осталась цѣла, какъ Берлинъ, Вѣна и другіе города, только вслѣдствіе того, что жители ея не подносили хлѣбъ-соль и ключи французамъ, а выѣхали изъ нея.

3. НАПОЛЕОНЪ ВЪ МОСКВѢ.

Въ военномъ отношеніи, тотчасъ по вступленіи въ Москву, Наполеонъ строго приказываетъ генералу Себастіани слѣдить за движеніями русской арміи, разсылаетъ корпуса по разнымъ дорогамъ и Мюрату приказываетъ найти Кутузова. Потомъ онъ старательно распоряжается объ укрѣпленіи Кремля; потомъ дѣлаетъ геніальный планъ будущей кампаніи по всей картѣ Россіи.

Въ отношеніи дипломатическомъ, Наполеонъ призываетъ къ себѣ ограбленнаго и оборваннаго капитана Яковлева, не знающаго, какъ выбраться изъ Москвы, подробно излагаетъ ему всю свою

политику и свое великодушіе и, написавъ письмо къ императору Александру, въ которомъ онъ считаетъ своимъ долгомъ сообщить своему другу и брату, что Растопчинъ дурно распорядился въ Москвѣ, онъ отправляетъ Яковлева въ Петербургъ. Изложивъ такъ же подробно свои виды и великодушіе передъ Тутоломинымъ, онъ и этого старичка отправляетъ въ Петербургъ для переговоровъ.

Въ отношеніи юридическомъ, тотчасъ же послѣ пожаровъ велѣно найти виновныхъ и казнить ихъ. И злодѣй Растопчинъ наказанъ тѣмъ, что велѣно сжечь его дома.

Въ отношеніи административномъ, Москвѣ дарована конституція. Учрежденъ муниципалитетъ и обнародовано слѣдующее:

„Жители Москвы!

„Несчастья ваши жестоки, но его величество императоръ и король хочетъ прекратить теченіе оныхъ. Страшные примѣры васъ научили, какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленіе. Строгія мѣры взяты, чтобы прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность. Отеческая администрація, избранная изъ самихъ васъ, составлять будетъ вашъ муниципалитетъ, или градское правленіе. Оное будетъ пещись о васъ, о вашихъ нуждахъ, о вашей пользѣ. Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить черезъ плечо, а градской голова будетъ имѣть сверхъ онаго бѣлый поясъ. Но, исключая время должности ихъ, они будутъ имѣть только красную ленту вокругъ лѣвой руки.

„Городовая полиція учреждена по прежнему поло-

женію, а черезъ ея дѣятельность уже лучше существуетъ порядокъ. Правительство назначило двухъ генеральныхъ комиссаровъ, или полицмейстеровъ, и 20 комиссаровъ, или частныхъ приставовъ, поставленныхъ во всѣхъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки. Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣданія открыты, и въ нихъ безпрепятственно отправляется божественная служба. Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобы они въ нихъ находили помощь и покровительство, слѣдуемыя несчастью. Сіи суть средства, которыя правительство употребило, чтобы возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе. Но чтобы достигнуть до того, нужно, чтобы вы съ нимъ соединили ваши старанія; чтобы забыли, ежели можно, ваши несчастья, которыя претерпѣли; предались надеждѣ не столь жестокой судьбы; были увѣрены, что неизбѣжимая и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутъ на ваши особы и оставшіяся ваши имущества; а напослѣдокъ и не сомнѣвались, что оныя будутъ сохранены, — ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ. Солдаты и жители, какой бы вы націи ни были! Возстановите публичное довѣріе, источникъ счастья государства; живите, какъ братья; дайте взаимно другъ другу помощь и покровительство; соединитесь, чтобъ опровергнуть намѣренія зломыслящихъ; повинуйтесь воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ: и скоро ваши слезы течь перестанутъ“.

Въ отношеніи продовольствія войска, Наполеонъ предписалъ всѣмъ войскамъ поочередно ходить въ

Москву à la maraude для заготовленія себѣ провіанта, такъ чтобы, такимъ образомъ, армія была обезпечена на будущее время.

Въ отношеніи религіозномъ, Наполеонъ приказалъ ramener les popes [1]) и возобновить служеніе въ церквахъ.

Въ торговомъ отношеніи и для продовольствія арміи, было развѣшено вездѣ слѣдующее:

Провозглашеніе.

„Вы, спокойные московскіе жители, мастеровые и рабочіе люди, которыхъ несчастья удалили изъ города, и вы, разсѣянные земледѣльцы, которыхъ неосновательный страхъ еще задерживаетъ въ поляхъ, слушайте! Тишина возвращается въ сію столицу, и порядокъ въ ней возстановляется. Ваши земляки выходятъ смѣло изъ своихъ убѣжищъ, видя, что ихъ уважаютъ. Всякое насильствіе, учиненное противъ нихъ и ихъ собственности, немедленно наказывается. Е. в. императоръ и король ихъ покровительствуетъ и между вами никого не почитаетъ за своихъ непріятелей, кромѣ тѣхъ, кои ослушиваются его повелѣніямъ. Онъ хочетъ прекратить ваши несчастья и возвратить васъ вашимъ дворамъ и вашимъ семействамъ. Соотвѣтствуйте же его благотворительнымъ намѣреніямъ и приходите къ намъ безъ всякой опасности. Жители! возвращайтесь съ довѣріемъ въ ваши жилища: вы скоро найдете способы удовлетворить вашимъ нуждамъ! Ремесленники и трудолюбивые мастеровые! Приходите обратно къ вашимъ рукодѣліямъ:

---

[1]) Привести назадъ поповъ.

домы, лавки, охранительные караулы васъ ожидаютъ, а за вашу работу получите должную вамъ плату! И вы, наконецъ, крестьяне, выходите изъ лѣсовъ, гдѣ отъ ужаса скрылись, возвращайтесь безъ страха въ ваши избы, въ точномъ увѣреніи, что найдете защищеніе. Лабазы учреждены въ городѣ, куда крестьяне могутъ привозить излишніе свои запасы и земельныя растенія. Правительство приняло слѣдующія мѣры, чтобъ обезпечить имъ свободную продажу: 1) Считая отъ сего числа, крестьяне, земледѣльцы и живущіе въ окрестностяхъ Москвы могутъ безъ всякой опасности привозить въ городъ свои припасы, какого бы рода они ни были, въ двухъ назначенныхъ лабазахъ, т.-е. на Моховую и въ Охотный рядъ. 2) Оныя продовольствія будутъ покупаться у нихъ по такой цѣнѣ, на какую покупатель и продавецъ согласятся между собою; но ежели продавецъ не получитъ требуемую имъ справедливую цѣну, то продавецъ воленъ будетъ повезти ихъ обратно въ свою деревню, въ чемъ никто ему ни подъ какимъ видомъ препятствовать не можетъ. 3) Каждое воскресенье и среда назначены еженедѣльно для большихъ торговыхъ дней; почему достаточное число войскъ будетъ разставлено по вторникамъ и субботамъ на всѣхъ большихъ дорогахъ, въ такомъ разстояніи отъ города, чтобъ защищать тѣ обозы. 4) Таковыя же мѣры будутъ взяты, чтобъ на возвратномъ пути крестьянамъ съ ихъ повозками и лошадьми не послѣдовало препятствія. 5) Немедленно средства употреблены будутъ для возстановленія обыкновенныхъ торговъ. Жители города и деревень, и вы, работники и мастеровые, какой

бы вы націи ни были! Васъ вызываютъ исполнять отеческія намѣренія е. в. императора и короля и способствовать съ нимъ къ общему благополучію. Несите къ его стопамъ почтеніе и довѣріе и не медлите соединиться съ нами!“

Въ отношеніи поднятія духа войска и народа, безпрестанно дѣлались смотры, раздавались награды. Императоръ разъѣзжалъ верхомъ по улицамъ и утѣшалъ жителей; и, несмотря на всю озабоченность государственными дѣлами, самъ посѣтилъ учрежденные по его приказанію театры.

Въ отношеніи благотворительности, лучшей доблести вѣнценосцевъ,—Наполеонъ дѣлалъ тоже все, что̀ отъ него зависѣло. На богоугодныхъ заведеніяхъ онъ велѣлъ надписать: Maison de ma mère“, соединяя этимъ актомъ нѣжное сыновнее чувство съ величіемъ добродѣтели монарха. Онъ посѣтилъ воспитательный домъ и, давъ облобызать свои бѣлыя руки спасеннымъ имъ сиротамъ, милостиво бесѣдовалъ съ Тутолминымъ. Потомъ, по краснорѣчивому изложенію Тьера, онъ велѣлъ раздать жалованье своимъ войскамъ русскими, сдѣланными имъ, фальшивыми деньгами. „Relevant l'emploi de ces moyenz par un acte digne de lui et de l'armée française, il fit distribuer des secours aux incendiés. Mais les vivres étant trop précieux pour être donnés à des étrangers, la plupart ennemis, Napoléon aima mieux leur fournir de l'argent à fin qu'ils se fournissent au dehors, et il leur fit distribuer des roubles papiers“ [1]).

[1]) Возвышая употребленіе этихъ мѣръ дѣйствіемъ, достойнымъ его и французской арміи, онъ приказалъ раздать пособія погорѣвшимъ. Но такъ какъ съѣстные припасы были

Въ отношеніи дисциплины арміи, безпрестанно выдавались приказы о строгихъ взысканіяхъ за неисполненіе долга службы и о прекращеніи грабежа.

Но, странное дѣло, всѣ эти распоряженія, заботы и планы, бывшіе вовсе не хуже другихъ, издаваемыхъ въ подобныхъ же случаяхъ, не затрогивали сущности дѣла, а, какъ стрѣлки циферблата въ часахъ, отдѣленнаго отъ механизма, вертѣлись произвольно и безцѣльно, не захватывая колесъ.

Въ военномъ отношеніи, геніальный планъ кампаніи, про который Тьеръ говоритъ: „que son génie n'avait jamais rien imaginé de plus profond, de plus habile et de plus admirable“ [1]), и относительно котораго Тьеръ, вступая въ полемику съ г-мъ Феномъ, доказываетъ, что составленіе этого геніальнаго плана должно быть отнесено не къ 4-му, а къ 15-му октября,—планъ этотъ никогда не былъ и не могъ быть исполненъ, потому что ничего не имѣлъ близкаго къ дѣйствительности. Укрѣпленіе Кремля, для котораго надо было срыть la Mosquée (такъ Наполеонъ назвалъ церковь Василія Блаженнаго), оказалось совершенно безполезнымъ. Подведеніе минъ подъ Кремлемъ, только содѣйствовало исполненію желанія императора при выходѣ изъ Москвы, чтобы Кремль былъ взорванъ, т.-е.

слишкомъ дороги для того, чтобы давать ихъ людямъ чужой земли и по большей части враждебно расположеннымъ, Наполеонъ счелъ лучшимъ дать имъ денегъ, чтобы они добывали себѣ продовольствіе на сторонѣ; и онъ приказалъ одѣлять ихъ бумажными рублями.

[1]) Геній его никогда не изобрѣталъ ничего болѣе глубокаго, болѣе искуснаго и болѣе удивительнаго.

чтобы былъ побитъ тотъ полъ, о который убился ребенокъ. Преслѣдованіе русской арміи, которое такъ озабочивало Наполеона, представило неслыханное явленіе. Французскіе военачальники потеряли 60-тысячную русскую армію, и только, по словамъ Тьера, искусству и, кажется тоже, геніальности Мюрата удалось найти, какъ булавку, эту 60-тысячную русскую армію.

Въ дипломатическомъ отношеніи, всѣ доводы Наполеона о своемъ великодушіи и справедливости и передъ Тутолминымъ и передъ Яковлевымъ, озабоченнымъ преимущественно пріобрѣтеніемъ шинели и повозки, оказались безполезны: Александръ не принялъ этихъ пословъ и не отвѣчалъ на ихъ посольство.

Въ отношеніи юридическомъ, послѣ казни мнимыхъ поджигателей сгорѣла другая половина Москвы.

Въ отношеніи административномъ, учрежденіе муниципалитета не остановило грабежа и принесло только пользу нѣкоторымъ лицамъ, участвовавшимъ въ этомъ муниципалитетѣ и, подъ предлогомъ соблюденія порядка, грабившимъ Москву или сохранявшимъ свое отъ грабежа.

Въ отношеніи религіозномъ, такъ легко устроенное дѣло въ Египтѣ, посредствомъ посѣщенія мечети, здѣсь не принесло никакихъ результатовъ. Два или три священника, найденные въ Москвѣ, попробовали исполнить волю Наполеона, но одного изъ нихъ по щекамъ прибилъ французскій солдатъ во время службы, а про другого доносилъ слѣдующее французскій чиновникъ: „Le prêtre, que j'avais découvert et invité á recommencer á

dire la messe, e nettoyé et fermé l'église. Cette nuit on est venu de nouveau enfoncer les portes, casser les cadenas, déchirer les livres et commettre d'autres desordrls“ [1]).

Въ торговомъ отношеніи, на провозглашеніе трудолюбивымъ ремесленникамъ и всѣмъ крестьянамъ не послѣдовало никакого отвѣта. Трудолюбивыхъ ремесленниковъ не было, а крестьяне ловили тѣхъ комиссаровъ, которые слишкомъ далеко заѣзжали съ этимъ провозглашеніемъ, и убивали ихъ.

Въ отношеніи увеселеній народа и войска театрами, дѣло точно также не удалось. Учрежденные въ Кремлѣ и въ домѣ Познякова театры тотчасъ же закрылись, потому что ограбили актрисъ и актеровъ.

Благотворительность—и та не принесла желаемыхъ результатовъ. Фальшивыя ассигнаціи и нефальшивыя наполняли Москву и не имѣли цѣны. Для французовъ, собиравшихъ добычу, нужно было только золото. Не только фальшивыя ассигнаціи, которыя Наполеонъ такъ милостиво раздавалъ несчастнымъ, не имѣли цѣны, но серебро отдавалось ниже своей стоимости за золото.

Но самое поразительное явленіе недѣйствительности высшихъ распоряженій въ то время было стараніе Наполеона остановить грабежи и возстановить дисциплину.

Вотъ что доносили чины арміи:

---

[1]) Священникъ, котораго я нашелъ и пригласилъ начать служить обѣдни, вычистилъ и заперъ церковь. Въ ту же ночь пришли опять ломать двери и замки, рвать книги и производить другіе безпорядки.

„Грабежи продолжаются въ городѣ, несмотря на повелѣніе прекратить ихъ. Порядокъ еще не возстановленъ, и нѣтъ ни одного купца, отправляющаго торговлю законнымъ образомъ. Только маркитанты позволяютъ себѣ продавать, да и то награбленныя вещи".

„La partie de mon arrondissement continue á être en proie au pillage des soldats du 3 corps, qui, non contents d'arracher aux malheureux réfugiés dans des souterrains le peu qui leur reste, ont même la ferocité de les dlesser à coups de sabre, comme j'en ai vu plusieurs exemples" [1]).

„Rien de nouveau outre que les soldats se permettent de voler et de piller, le 9 octobre".

„Le vol et le pillage continulnt. Il y a une bande be voleurs dans notre distriet qu il faudra faire arrêter par de fortes gardes le 11 octobre" [2]).

„Императоръ чрезвычайно недоволенъ, что, несмотря на строгія повелѣнія остановить грабежъ, только и видны отряды гвардейскихъ мародеровъ, возвращающіеся въ Кремль.—Въ старой гвардіи безпорядки и грабежъ сильнѣе, нежели когда-либо, возобновились вчера, въ послѣднюю ночь и сегодня.

---

[1]) Часть моего округа продолжаетъ подвергаться грабежу солдатъ 3-го корпуса, которые не довольствуются тѣмъ, что отнимаютъ скудное достояніе несчастныхъ жителей, попрятавшихся въ подвалы, но еще и съ жестокостью бьютъ ихъ саблями, какъ я самъ много разъ видѣлъ.

[2]) Ничего новаго, только, что солдаты позволяютъ себѣ грабить и воровать, 9-го октября.

Воровство и грабежъ продолжаются. Существуетъ шайка воровъ въ нашемъ уѣздѣ, которую надо будетъ остановить сильными отрядами, 11-го октября.

Съ соболѣзнованіемъ видитъ императоръ, что отборные солдаты, назначенные охранять его особу, долженствующіе подавать примѣръ подчиненности, до такой степени простираютъ ослушаніе, что разбиваютъ погреба и магазины, заготовленные для арміи. Другіе унизились до того, что не слушали часовыхъ и караульныхъ офицеровъ, ругали ихъ и били".

„Le frand maréchal du palais se plaint vivement", писалъ губернаторъ, „due malgré les défenses réitérées, les soldats continuent à faire leurs besoins dans toutes les cours et même jusque sous les fenêtres de l'Empereur [1]).

Войско это, какъ распущенное стадо, топча подъ ногами тотъ кормъ, который могъ бы спасти его отъ голодной смерти, распадалось и гибло съ каждымъ днемъ лишняго пребыванія въ Москвѣ. Но оно не двигалось.

Оно побѣжало только тогда, когда его вдругъ охватилъ паническій страхъ, произведенный перехватами обозовъ по Смоленской дорогѣ и Тарутинскимъ сраженіемъ. Это же самое извѣстіе о Тарутинскомъ сраженіи, неожиданно на смотру полученное Наполеономъ, вызвало въ немъ желаніе наказать русскихъ, какъ говоритъ Тьеръ, и онъ отдалъ приказаніе о выступленіи, котораго требовало все войско.

Убѣгая изъ Москвы, люди этого войска захватили съ собой все, что было награблено. Наполеонъ

---

[1]) Оберъ-церемоніймейстеръ дворца сильно жалуется на то, что, несмотря на всѣ запрещенія, солдаты продолжаютъ ходить на-часъ во всѣхъ дворахъ и даже подъ окнами императора.

тоже увозилъ съ собой свой собственный trésor. Увидавъ обозъ, загромождавшій армію, Наполеонъ ужаснулся (какъ говоритъ Тьеръ). Но онъ, съ своею опытностью войны, не велѣлъ сжечь всѣ лишнія повозки, какъ онъ это сдѣлалъ съ повозками маршала, подходя къ Москвѣ; онъ посмотрѣлъ на эти коляски и кареты, въ которыхъ ѣхали солдаты, и сказалъ, что это очень хорошо, что экипажи эти употребятся для провіанта, больныхъ и раненыхъ.

Положеніе всего войска было подобно положенію раненаго животнаго, чувствующаго свою погибель и не знающаго, что̀ оно дѣлаетъ. Изучать искусные маневры и цѣли Наполеона и его войска, со времени вступленія въ Москву и до уничтоженія этого войска, все равно, что изучать значеніе предсмертныхъ прыжковъ и судорогъ смертельно раненаго животнаго. Очень часто раненое животное, заслышавъ шорохъ, бросается на выстрѣлъ охотника, бѣжитъ впередъ, назадъ и само ускоряетъ свой конецъ. То же самое дѣлалъ Наполеонъ подъ давленіемъ всего его войска. Шорохъ Тарутинскаго сраженія спугнулъ звѣря, и онъ бросился впередъ на выстрѣлъ, добѣжалъ до охотника, вернулся опять назадъ и наконецъ, какъ всякій звѣрь, побѣжалъ назадъ, по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому слѣду.

4. БѢГСТВО ФРАНЦУЗОВЪ.

Въ ночь съ 6-го на 7-е октября началось движеніе выступавшихъ французовъ: ломались кухни, балаганы, укладывались повозки и двигались войска и обозы.



По переулкамъ Хамовниковъ плѣнные шли одни съ своимъ конвоемъ и повозками и фурами, принадлежавшими конвойнымъ и ѣхавшими сзади; но, выйдя къ провіантскимъ магазинамъ, они попали въ середину огромнаго, тѣсно двигавшагося артиллерійскаго обоза, перемѣшаннаго съ частными повозками.

У самаго моста всѣ остановились, дожидаясь того, чтобы продвинулись ѣхавшіе впереди. Съ моста плѣннымъ открылись сзади и впереди безконечные ряды другихъ двигавшихся обозовъ. Направо, тамъ, гдѣ загибалась Калужская дорога мимо Нескучнаго, пропадая вдали, тянулись безконечные ряды войскъ и обозовъ. Это были вышедшія прежде всѣхъ войска корпуса Богарне; назади, по Набережной и черезъ Каменный мостъ, тянулись войска и обозы Нея.

Войска Даву, къ которымъ принадлежали плѣнные, шли черезъ Крымскій Бродъ и уже отчасти вступали въ Калужскую улицу. Но обозы такъ растянулись, что послѣдніе обозы Богарне еще не вышли изъ Москвы въ Калужскую улицу, а голова войскъ Нея уже выходила изъ Большой Ордынки.

Пройдя Крымскій Бродъ, плѣнные двигались по нѣскольку шаговъ и останавливались, и опять двигались, и со всѣхъ сторонъ экипажи и люди все больше и больше стѣснялись. Пройдя болѣе часа тѣ нѣсколько сотъ шаговъ, которые отдѣляютъ мостъ отъ Калужской улицы, и дойдя до площади, гдѣ сходятся замоскворѣцкія улицы съ Калужской, плѣнные, сжатые въ кучу, остановились и нѣсколько часовъ простояли на этомъ перекресткѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались неумолкае-



мый, какъ шумъ моря, грохотъ колесъ и топотъ ногъ и неумолкаемые сердитые крики и ругательства.

Нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ, чтобы лучше видѣть, взлѣзли на стѣну обгорѣлаго дома.

— Народу-то! Эка народу!... И на пушкахъ-то навалили! Смотри, мѣха...—говорили они.—Вишь, стервецы, награбили... Вотъ у того-то сзади, на телѣгѣ... Вѣдь это—съ иконы, ей-Богу!.. Это нѣмцы, должно-быть. И нашъ мужикъ, ей-Богу!.. Ахъ, подлецы!.. Вишь, навьючился-то, насилу идетъ! Вотъ-те на, дрожки и тѣ захватили!.. Вишь, усѣлся на сундукахъ-то. Батюшки!.. подрались!..

— Такъ его по мордѣ-то, по мордѣ! Этакъ до вечера не дождешься. Гляди, глядите... а это, вѣрно, самого Наполеона. Видишь, лошади-то какія! въ вензеляхъ, съ короной. Это домъ складной. Уронилъ мѣшокъ, не видитъ. Опять подрались... Женщина съ ребеночкомъ, и не дурна. Да, какъ же; такъ тебя и пропустятъ... Смотрите и конца нѣтъ. Дѣвки русскія, ей-Богу, дѣвки. Въ коляскахъ вѣдь какъ покойно усѣлись.

Опять волна общаго любопытства, какъ и около церкви въ Хамовникахъ, надвинула всѣхъ плѣнныхъ къ дорогѣ. Въ трехъ коляскахъ, замѣшавшихся между зарядными ящиками, ѣхали, тѣсно сидя другъ на другѣ, разряженныя въ яркихъ цвѣтахъ, нарумяненныя, что-то кричащія пискливыми голосами женщины.

Поѣздъ женщинъ проѣхалъ. За нимъ тянулись опять телѣги, солдаты, фуры; солдаты, палубы, кареты; солдаты, ящики, солдаты; изрѣдка женщины.

Всѣ эти люди, лошади какъ будто гнались ка-



кою-то невидимою силой. Всѣ они выплывали изъ разныхъ улицъ съ однимъ и тѣмъ же желаніемъ скорѣе пройти; всѣ они одинаково, сталкиваясь съ другими, начинали сердиться, драться: оскаливались бѣлые зубы, хмурились брови, перебрасывались все одни и тѣ же ругательства, и на всѣхъ лицахъ было одно и то же молодечески-рѣшительное и жестоко-холодное выраженіе.

Шли очень скоро, не отдыхая, и остановились только, когда уже солнце стало садиться. Обозы надвинулись одни на другихъ, и люди стали готовиться къ ночлегу. Всѣ казались сердиты и недовольны. Долго съ разныхъ сторонъ слышались ругательства, злобные крики и драки. Карета, ѣхавшая сзади конвойныхъ, надвинулась на повозку конвойныхъ и пробила ее дышломъ. Нѣсколько солдатъ съ разныхъ сторонъ сбѣжались къ повозкѣ; одни били по головамъ лошадей, запряженныхъ въ каретѣ, сворачивая ихъ, другіе дрались между собой.

Казалось, всѣ эти люди испытывали теперь, когда остановились посреди поля въ холодныхъ сумеркахъ осенняго вечера, одно и то же чувство непріятнаго пробужденія отъ охватившей всѣхъ при выходѣ поспѣшности и стремительнаго куда-то движенія. Остановившись, всѣ какъ будто поняли, что неизвѣстно еще куда идутъ и что на этомъ движеніи много будетъ тяжелаго и труднаго.

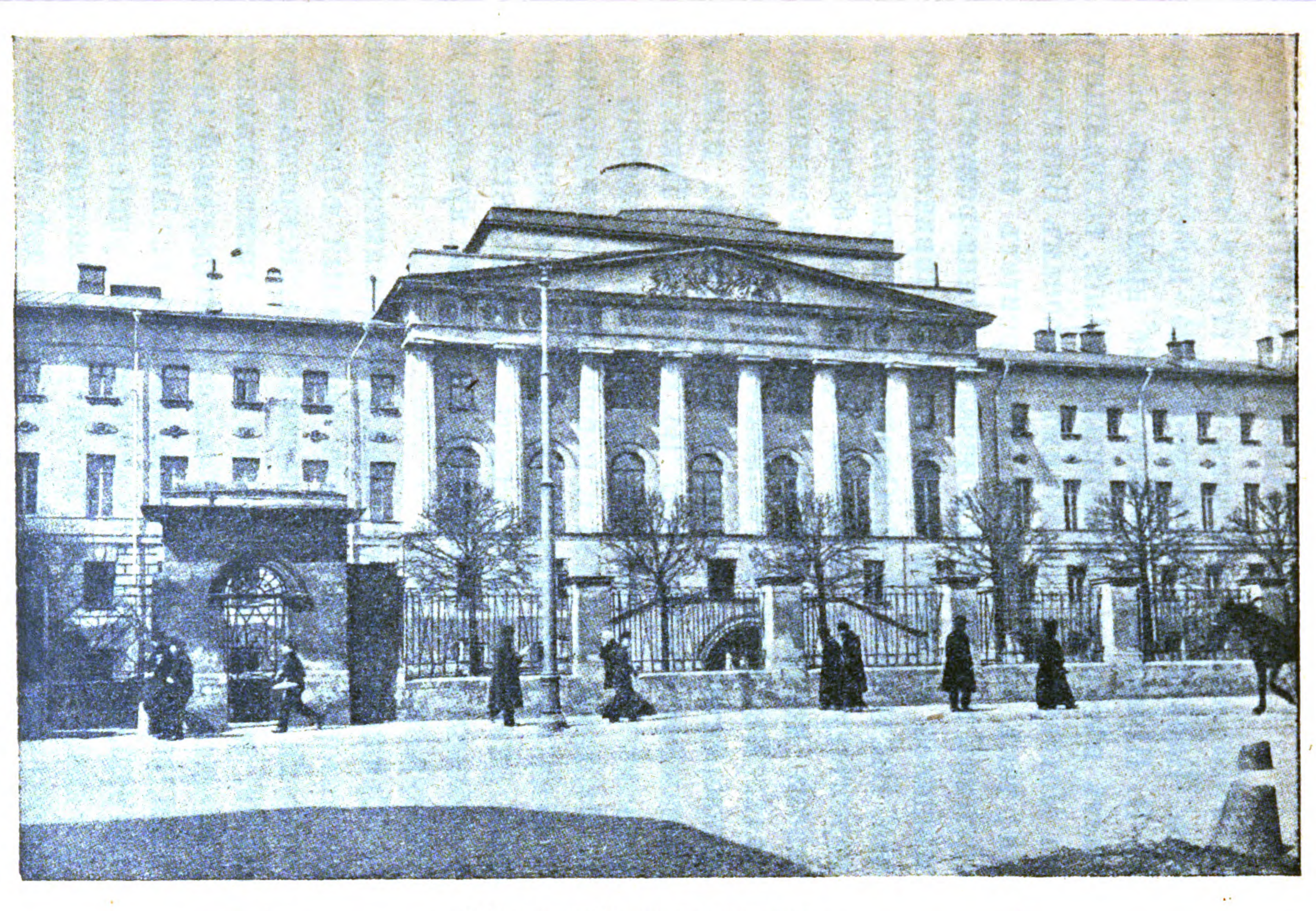
Левъ Толстой.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

1. ЗНАЧЕНІЕ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Ни въ одномъ русскомъ городѣ, не исключая и Петербурга, университетъ не играетъ такой роли, какъ въ Москвѣ. Исторія московскаго университета, его славное прошлое, центральное положеніе Москвы, привлекающее каждый годъ толпы молодыхъ людей,—все это дѣлаетъ университетъ мѣстомъ, куда умственные интересы стягиваютъ гораздо больше, чѣмъ въ Петербургѣ, публику изъ всѣхъ слоевъ общества. Въ зданіяхъ Московскаго университа помѣщается нѣсколько ученыхъ обществъ, посѣщаемыхъ всегда довольно усердно. Диспуты и торжественные акты, происходящіе въ аудиторіяхъ и въ большой залѣ стараго и новаго университетскихъ зданій, всегда дѣлаются въ Москвѣ нѣкотораго рода событіями. На актахъ, диспутахъ, пробныхъ и публичныхъ лекціяхъ вы находите гораздо болѣе разнообразную и оживленную публику, чѣмъ въ Петербургѣ или губернскихъ университетскихъ городахъ. Нѣсколько тысячъ студентовъ населяютъ окрестныя улицы и переулки и придаютъ уличному движенію своеобычный оттѣнокъ.

П. Боборыкинъ.



Московскій университетъ.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Университетъ основанъ въ 1775 г. императрицею Елизаветою Петровною, по проекту графа И. И. Шувалова. Въ настоящее время онъ занимаетъ нѣсколько обширныхъ зданій, выходящихъ на Моховую ул., по обѣимъ сторонамъ Никитской ул.; такъ наз. „новый“ университетъ находится противъ манежа. Первоначально университетъ помѣщался на мѣстѣ нынѣшняго Историческаго музея. Въ 1780 г. П. С. Сумароковъ подарилъ университету свой домъ за Сухаревой башней, на мѣстѣ котораго теперь разведенъ ботаническій садъ. Въ 1785 году Екатерина II пожаловала университету мѣсто на Моховой улицѣ, принадлежавшее прежде кн. Волконскому. Такъ наз. „новое“ зданіе было пріобрѣтено впослѣдствіи отъ г. Пашкова. Въ 1786 г. послѣдовала закладка зданія, по проекту архитектора М. Ѳ. Казакова („старый университетъ“); послѣ пожара 1812 г. оно возобновлено въ настоящемъ видѣ арх. Д. И. Жилярди.

Средина „стараго“ зданія занята актовой залой, въ которой замѣчателенъ мозаичный образъ работы Ломоносова; въ „новомъ“ зданіи, кромѣ аудиторій, расположенныхъ во всѣхъ трехъ этажахъ, помѣщается *церковь св. Татіаны*, празднуемой 12 января, въ день подписанія, въ 1755 г., Елизаветою Петровной Указа объ учрежденіи университета. Церковь расписана въ первоначальномъ видѣ архитекторомъ Клауди; въ ней двѣ иконы — св. Николая Чудотворца и св. Елизаветы, писанныя извѣстнымъ итальянскимъ живописцемъ Рубіо.

И. Машковъ.

3. ДВА ПРОФЕССОРА — Т. Н. ГРАНОВСКІЙ (РОД. 1813 г., УМЕРЪ 1855 г.) и А. И. ЧУПРОВЪ (РОД. 1842 г., УМЕРЪ 1908 г.).

Auch die Todten sollen leben.
Шиллеръ.

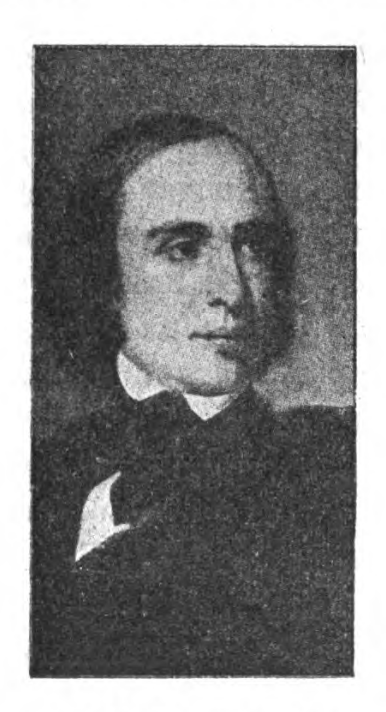
Вчера были похороны Грановскаго. Не буду говорить вамъ, какъ сильно поразила меня его смерть. Потеря его принадлежитъ къ числу общественныхъ потерь, и отзовется горькимъ недоумѣніемъ и скорбью во многихъ сердцахъ по всей Россіи. Похороны его были чѣмъ-то умилительнымъ и глубоко-знаменательнымъ; онѣ останутся событіемъ въ памяти каждаго участвовавшаго въ нихъ. Никогда не забуду я этого длиннаго шествія, этого гроба, тихо колыхавшагося на плечахъ студентовъ, этихъ обнаженныхъ головъ и молодыхъ лицъ, облагороженныхъ выраженіемъ честной и искренней печали, этого невольнаго замедленія многихъ между разбросанными могилами кладбища, даже тогда, когда уже все было кончено, и послѣдняя горсть земли упала на прахъ людимаго учителя... Одни и тѣ же ощущенія наполняли всѣхъ, высказывались во всѣхъ устахъ, во всѣхъ взорахъ; всѣмъ хотѣлось продлить ихъ въ себѣ, и расходиться было жутко... Всякое общее чувство, даже скорбное, связуя людей, возвышаетъ ихъ. Каждый изъ пришедшихъ на кладбище, къ какому бы направленію ни принадлежалъ онъ, слишкомъ хорошо зналъ, чего лишилась въ Грановскомъ русская жизнь и русская наука. Для душъ молодыхъ, еще не искушен-

ныхъ, не утомленныхъ „плоской незначительностью“ житейскихъ дрязгъ, такія ощущенія особенно благотворны; подъ наитіемъ ихъ сердце крѣпнетъ, и сѣмена будущихъ добрыхъ дѣлъ и доблестныхъ поступковъ зрѣютъ въ немъ... Дай Богъ, чтобы мы научились хотя эту пользу извлекать изъ нашихъ утратъ!

Вѣроятно, о Грановскомъ будетъ написано много; на ученикахъ его, на его товарищахъ лежитъ долгъ растолковать его значеніе, объяснить причины общаго сочувствія къ нему, оцѣнить его вліяніе. Сообщу вамъ нѣсколько моихъ воспоминаній о немъ. Я познакомился съ нимъ въ 1835 году, въ С.-Петербургѣ, въ университетѣ, въ которомъ мы были оба студентами, хотя онъ былъ старше меня лѣтами и во время моего поступленія находился уже на послѣднемъ курсѣ. Онъ не занимался исключительно исторіей; онъ даже писалъ тогда стихи (кто ихъ не писалъ въ молодости?), и я смутно помню отрывокъ изъ драмы „Фаустъ“, прочитанный мнѣ имъ въ одинъ темный зимній вечеръ въ большой и пустой его комнатѣ, за шаткимъ столикомъ, на которомъ, вмѣсто всякаго угощенія, стоялъ графинъ воды и банка варенья.

Въ отрывкѣ этомъ Фаустъ былъ представленъ (со словъ одной старинной нѣмецкой легенды) высоко поднявшимся на воздухъ, въ стеклянномъ ящикѣ, вмѣстѣ съ Мефистофелемъ; обозрѣвая широко раскинувшуюся землю, рѣки, лѣса, поля, жилища людей, Фаустъ произносилъ задумчивый, полный грустнаго созерцанія монологъ, показавшійся мнѣ тогда прекраснымъ... Мефистофель

безмолвствовалъ; я впрочемъ, и теперь не могу себѣ представить, какія бы рѣчи вложилъ Грановскій въ уста бѣсу... Иронія, особенно иронія ѣдкая и безжалостная, была чужда его свѣтлой душѣ. Помню я еще другой вечеръ и другое чтеніе: мы вмѣстѣ съ жадностью перелистывали только-что вышедшее собраніе стихотвореній одного поэта,



Т. Н. Грановскій.

имя котораго, теперь если не безызвѣстное, то уже отзвучавшее—прогремѣло тогда по всей Россіи. Съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ Грановскій новыя надежды русской поэзіи, какъ исполнялся весь благородной радостію сочувствія!

Я впрочемъ въ Петербургѣ видалъ его рѣдко, но каждое свиданіе съ нимъ оставляло во мнѣ глубокое впечатлѣніе.

Чуждый педантизма, исполненный плѣнительнаго добродушія, онъ уже тогда внушалъ то невольное уваженіе къ себѣ, которое столь многіе потомъ испытали. Отъ него вѣяло чѣмъ-то возвышено-чистымъ; ему было дано (рѣдкое и благодатное свойство) не убѣжденіями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное въ душѣ другого; онъ былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — идеалистъ не въ одиночку. Онъ имѣлъ точно право сказать: „ничто человѣческое мнѣ не чуждо", и потому и его не чуждалось ничто человѣческое.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я встрѣтился съ нимъ въ Берлинѣ. Я почти не видался съ нимъ тогда— и мы не сошлись... Говоря правду, я тогда не стоилъ того, чтобы сойтись съ нимъ. Притомъ, онъ въ то время подружился съ Н. В. Станкевичемъ, человѣкомъ, о которомъ говорить мало нельзя, а много—теперь не мѣсто и не время. Станкевичъ имѣлъ величайшее вліяніе на Грановскаго и часть его духа перешла на него.

Познакомился я съ Грановскимъ окончательно въ Москвѣ; но другіе гораздо чаще меня его видѣли, и могутъ сообщить намъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ его московскомъ житьѣ, объ его университетской дѣятельности.

Ограничусь только двумя словами. Всѣ единодушно согласны въ томъ, что Грановскій былъ профессоръ превосходный, что, несмотря на его нѣсколько замедленную рѣчь, онъ владѣлъ тайною истиннаго краснорѣчія; но, все-таки, иные, судя о немъ по литературнымъ его трудамъ, зная также, что на званіе спеціалиста, ученаго въ стро-

гомъ смыслѣ слова, онъ не имѣлъ притязанія— дивятся какъ бы непонятной тайнѣ, силѣ и обширности вліянія его на людей.

Разгадка этой тайны весьма проста: она вся заключается въ самой личности Грановскаго.

Въ природахъ гармоническихъ, какова была его, самые недостатки необходимы; будь личность Грановскаго болѣе своеобразна, болѣе рѣзко выражена—молодые его ученики не такъ бы довѣрчиво къ нему обращались. Грановскій былъ доступенъ во всякое время, не отталкивалъ никогда никого. Проникнутый весь наукой, посвятивъ себя всего дѣлу просвѣщенія и образованія,—онъ считалъ самого себя какъ бы общественнымъ достояніемъ, какъ бы принадлежностью всякаго, кто хотѣлъ образоваться и просвѣтиться... Къ нему, какъ къ роднику близъ дороги, всякій подходилъ свободно и черпалъ живительную влагу изученія, которая струилась тѣмъ чище, чѣмъ самъ преподаватель меньше прибавлялъ въ нее своего. Свое, оригинальное въ его поученіи было именно это благородное самоотреченіе—это отсутствіе личныхъ прихотей и умствованій.—Онъ передавалъ науку, которую уважалъ глубоко и въ которую честно вѣрилъ, какъ самъ принималъ ее—не искажая ея, не силясь согнуть ее, если не въ систему, такъ въ дугу. Этой же добросовѣстностью въ передаваніи науки объясняется изящная красота его рѣчи; такъ свѣтъ, проходя черезъ прозрачный кристаллъ, не измѣняясь въ существѣ своемъ, играетъ живыми красками.

Люди вообще настолько имѣютъ значенія и вліянія, насколько нужны; а люди, подобные Гра-

новскому, теперь намъ крайне нужны. Время еще впереди, когда настанетъ для насъ потребность въ спеціалистахъ, въ ученыхъ; мы нуждаемся теперь въ безкорыстныхъ и неуклонныхъ служителяхъ науки, которые бы твердой рукою держали и высоко поднимали ея свѣточъ, которые, говоря намъ о добротѣ и нравственности—о человѣческомъ достоинствѣ и чести, собственною жизнью подтвержали бы истину своихъ словъ... Таковъ былъ Грановскій—и вотъ отчего льются слезы о немъ; вотъ отчего онъ, человѣкъ безсемейный, былъ окруженъ такой любовью и при жизни, и въ смерти... Замѣнить его теперь не можетъ ни одинъ человѣкъ, но самъ онъ будетъ еще дѣйствовать за гробомъ,—дѣйствовать долго и благотворно. Онъ жилъ не даромъ—онъ не умретъ. Во всей его дѣятельности ничего не было такого, въ чемъ бы не могъ онъ громко и ясно признаться передъ всѣми; онъ сѣялъ свои сѣмена днемъ, при свѣтѣ солнца, и когда они взойдутъ и принесутъ плоды—въ нихъ не будетъ ничего горькаго...

Выше этой похвалы и этой награды для человѣка нѣтъ.

И. Тургеневъ.

Въ лицѣ Чупрова ушелъ изъ жизни одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ „шестидесятниковъ",—изъ тѣхъ людей, которые воспитались на началахъ, вложенныхъ въ великія реформы Александра II, и явились въ своей дѣятельности ихъ истолкователями, поборниками и защитниками въ то печальное время, когда невѣжественная

самоувѣренность однихъ и услужливое предательство другихъ стремились вывѣтрить изъ этихъ началъ „духъ живъ“. Талантливый работникъ, безстрашная мысль котораго умѣла облекаться въ изящную и всѣмъ доступную форму, результатъ его глубокихъ и многостороннихъ знаній,—Чупровъ явилъ собою олицетвореніе профессора лучшихъ временъ московскаго университета.

Неизмѣнное благородство взглядовъ и убѣжденій и нравственное вліяніе на слушателей давали основаніе сравнивать его съ Грановскимъ и торжественно поднести ему въ подтвержденіе этого сравненія портретъ Тимофея Николаевича съ соотвѣтствующей надписью. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже превосходилъ послѣдняго; число находившихся подъ его обаяніемъ слушателей по условіямъ времени было несравненно многочисленнѣе, его печатные труды, составившіе ему почетное имя среди европейскихъ ученыхъ, были значительно богаче качественно и количественно, а область дѣятельности разнообразнѣе. Онъ былъ не только профессоромъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, но и учителемъ, организаторомъ и насадителемъ такого сложнаго и обширнаго дѣла, какъ русская земская статистика, отцомъ которой его по справедливости можно считать. Наконецъ, возникала ли государственная потребность, гдѣ были нужны его знанія и опытъ,—какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, объ упорядоченіи тарифовъ и въ изслѣдованіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи или при переписи московскаго населенія,—его приходилось призывать на плодотворную работу;

постигало ли родину какое-либо общественное бѣдствіе или являлась неотложная нужда въ средствахъ для просвѣщенія,—онъ приходилъ на помощь со своимъ спокойнымъ по внѣшности, горячимъ по существу, краснорѣчивымъ словомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ, гдѣ можно было дѣлать дѣло и быть cheville ouvrière, оставаясь въ тѣни, неся трудъ и отдавая „оказательство" его другимъ, онъ это дѣламъ со скромностью, ему свойственною.

Судя по воспоминаніямъ учениковъ, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминалъ и другого выдающагося московскаго профессора, незабвеннаго Никиту Ивановича Крылова. Такъ же, какъ послѣдній, онъ умѣлъ вносить жизнь въ преподаваемые имъ предметы и съ тонкостью психолога и искусствомъ художника устанавливать между слушателями и собой духовную связь, изъ которой быстро вырастало благодарное съ ихъ стороны уваженіе. Подобно тому, какъ Крыловъ, разбирая и разъясняя институты римскаго права, дѣлалъ изъ нихъ выводы для критическаго освѣщенія окружавшей дѣйствительности, такъ и Чупровъ несмотря на строго ученое изложеніе своего предмета, умѣлъ отзываться въ немъ на жизненные, жгучіе и наболѣвшіе вопросы современности. Въ его преподаваніи такая по внѣшности сухая наука, какъ статистика, оживала и являлась своего рода объединеніемъ не только соціальныхъ, но и естественно-историческихъ знаній и пріобрѣтала тотъ строгій характеръ, который дѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшій услужливый подборъ цифровыхъ выводовъ, благодаря которому къ статистикѣ

въ рукахъ новѣйшихъ законодательныхъ дѣльцовъ примѣнимо названіе шекспировской комедіи: „Какъ кому угодно“. И это все дѣлалось имъ со спокойнымъ достоинствомъ, безъ всякаго исканія популярности, которая тѣмъ не менѣе все росла въ кругу чуткой молодежи. Въ эпоху поверхностнаго хватанія верховъ онъ ее *училъ учиться*; въ періоды явнаго эготизма и плохо прикрытаго карьеризма, ждавшихъ ее за порогомъ университета, онъ внушалъ ей сознаніе ея отвѣтственности



А. И. Чупровъ (фотогр.).

передъ родиной за тѣ свѣдѣнія, которыя она *обязана* вынести изъ высшей школы, и за умѣніе полезно приложить ихъ къ дѣлу. То же въ свое время своеобразно и въ болѣе тѣсной обстановкѣ дѣлалъ и Крыловъ. Поэтому лучи ума и сердца ихъ обоихъ долгіе-долгіе годы по оставленіи ихъ слушателями своей alma mater свѣтили имъ и побуждали ихъ, говоря словами Шиллера, „für die Träume seiner Jugend Achtung zu haben“. При введеніи судебной реформы въ провинціи прихо-

дилось ревизовать судебныхъ слѣдователей при судахъ стараго устройства и встрѣчать среди нихъ людей достаточно опустившихся, увязнувшихъ въ бытовой тинѣ уѣзднаго городка или большого села и тянувшихъ свою служебную лямку лишь для того, чтобы имѣть средства для безцвѣтнаго и безпросвѣтнаго существованія съ многочисленной семьей. Но стоило такому человѣку, если только онъ былъ воспитанникомъ московскаго университета, напомнить про Крылова, и онъ преображался и въ благодарныхъ воспоминаніяхъ о Никитѣ (такъ звали студенты Крылова) поднимался хоть на время надъ прозой и пошлостью окружающей среды. Такое же впечатлѣніе, повидимому, производило на бывшихъ слушателей Чупрова воспоминаніе о немъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ разсказъ учительницы народнаго училища Болдыревой о томъ, что уѣзжая въ захолустье, она взяла рекомендательное письмо отъ Чупрова и съ нимъ пришла къ инспектору народныхъ училищъ, старому и обрюзгшему человѣку. Холодно взявъ письменную рекомендацію, старикъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ: „Господи! Александръ Ивановичъ Чупровъ! Да вѣдь я былъ его слушателемъ!“ И онъ заходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, погрузившись весь въ прошлое и забывъ о присутствующихъ. Имя Чупрова и нѣсколько строкъ, написанныхъ его рукою, очевидно, всколыхнули все, что было лучшаго въ человѣкѣ, и озарили его тѣмъ свѣсвѣтомъ, который былъ такъ присущъ его старому профессору. Послѣ долгаго молчанія онъ вспомнилъ о пришедшей и, быстро подойдя къ

ней, сказалъ взволнованно: „Я сдѣлаю для васъ все, что могу".

Вотъ почему, вспоминая преподавательскую дѣятельность Чупрова, приходится признать, что онъ имѣлъ бы основаніе обратиться къ своимъ слушателямъ съ тѣми же словами, которыя высказалъ своимъ ученикамъ въ Болоньѣ знаменитый Кардуччи: „Не мнѣ судить, многому ли я научилъ васъ, но я всегда старался воспитать въ васъ два принципа: сбросивъ испорченныя лохмотья, въ которыя часто облекается общество, умѣть видѣть въ жизни не то, что кажется, а что есть въ дѣйствительности,—ставить на первое мѣсто долгъ, а не удовольствіе,—а въ наукѣ и искусствѣ любить простоту, а не придуманность, предпочитая силу помпѣ и ставя на первое мѣсто правду и справедливость, а не славу. Принимая отъ науки все то хорошее, что она даетъ, я всегда старался поднять васъ къ идеалу и возбуждать любовь къ свѣтлымъ традиціямъ".

А. Ѳ. Кони.

Есть у Лонгфело стихотвореніе—„Excelsior"!.. Въ этомъ кличѣ — весь Александръ Ивановичъ Чупровъ: всегда въ высь! изъ мрака — къ свѣту! изъ заболоченныхъ отравами житейской пошлости долинъ — къ вершинамъ, сіяющимъ красотою и правдою немеркнущихъ историческихъ идеаловъ всечеловѣческаго единства — свободы, равенства, братства!

Excelsior!.. Девизъ этотъ звучалъ мнѣ изъ устъ Чупрова, когда онъ былъ еще румянымъ и голубо-

глазнымъ кандидатомъ правъ, а я, мальчишкой, едва отъ земли, бѣгалъ за нимъ по горкамъ и лѣсамъ калужской глуши. Звучалъ онъ мнѣ изъ тѣхъ же устъ съ каѳедры, на которую, при громѣ апплодисментовъ, полной настолько, что некуда упасть яблоку, Большой Словесной аудиторіи, вошелъ Чупровъ, уже ординарный профессоръ, чтобы поздравить насъ, первокурсниковъ, съ пріобщеніемъ съ alma mater и объяснить намъ великое значеніе университетскаго періода въ жизни русскаго человѣка.

Незабвенная лекція! Даже двадцать пять лѣтъ спустя, я не утратилъ ея волнующаго впечатлѣнія. Она описана въ моихъ „Восьмидесятникахъ“, и я позволю себѣ привести здѣсь эту цитату, чтобы дать понять, какъ бралъ насъ Чупровъ въ мягкую, любвеобильную власть свою, за что мы его обожали:

„Вмѣстѣ съ своимъ и старшимъ курсоотъ, Володя горячо апплодировалъ любимцу московской молодежи, А. И. Чупрову, когда тотъ впервые показался предъ аудиторіей первокурсниковъ и не успѣлъ произнести еще ни одного слова. Профессоръ—талантливый живой человѣкъ, изъ категоріи „мыслью честныхъ, сердцемъ чистыхъ либераловъ-идеалистовъ“ — былъ тронутъ и, вмѣсто лекціи, сказалъ блестящую рѣчь. Восторженно сверкая увлаженными глазами изъ-подъ золотыхъ очковъ, онъ говорилъ — трепетнымъ голосомъ радостно взолнованнаго, убѣжденно проникнутаго идеей, человѣка—о свѣтломъ значеніи короткихъ студенческихъ годовъ для всей жизни русскаго интеллигента, о задачахъ и обязанностяхъ образован-

наго класса, о культурныхъ результатахъ эпохи великихъ реформъ, многими изъ которыхъ Россія всецѣло обязана людямъ, воспитавшимъ свой образъ мыслей въ лонѣ московской alma mater.

— Господа!—звенѣлъ въ ушахъ Володи и поднималъ его, и тянулъ къ себѣ порывистый, бодрый голосъ,—мы пережили періодъ необычайнаго нравственнаго подъема, выраженный рядомъ великихъ преобразованій, окружившихъ святое дѣло 19 февраля 1861 года, какъ самую яркую звѣзду блестящаго созвѣздія. Я вѣрю, я хочу и буду вѣрить, что славный героическій періодъ не отбылъ безсрочно въ прошлое! Живой духъ его вѣетъ надъ нами, тропа его не глохнетъ, — онъ ждетъ продолженія и развитія своихъ началъ отъ новыхъ поколѣній, идущихъ на смѣну былымъ бойцамъ и дѣятелямъ. Старое старится, молодое растетъ. За юностью будущее. Господа! Стѣны этихъ аудиторій полтораста лѣтъ оглашаются завѣтами просвѣщенія — во имя любви къ человѣчеству! Лучшими и благороднѣйшими завѣтами нашей души! Господа! Наши аудиторіи еще помнятъ Тимофея Николаевича Грановскаго...

И профессоръ заговорилъ о Грановскомъ, Рулье, Кудрявцевѣ, помянулъ Соловьева, Никиту Крылова и своего предшественника по каѳедрѣ, политико-эконома Ивана Кондратьевича Бабста. Володя слушалъ, очарованный, запѣтый, и очнулся онъ — отъ страшнаго, стихійнаго грохота, будто въ аудиторіи рухнулъ потолокъ. Пятьсотъ человѣкъ хлопали ладонями, стучали ногами, кричали протяжно, громко, весело, бѣжали къ каѳедрѣ, лѣзли черезъ скамьи. Отъ топота и суеты пыль повисла обла-

комъ и весело заплясала въ солнечныхъ столбахъ, прорѣзавшихъ длинный, сѣроголубой залъ. Чупрова вынесли на рукахъ — и Володя завидовалъ студенту, котораго ученый невзначай задѣлъ каблукомъ по головѣ".

А. Амфитеатровъ.

4. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО ПРОФЕССОРА.

Въ безъ четверти десять нужно идти къ моимъ милымъ мальчикамъ читать лекцію. Одѣваюсь и иду по дорогѣ, которая знакома мнѣ уже 30 лѣтъ.

Вотъ мрачныя, давно не ремонтированныя университетскія ворота; скучающій дворникъ въ тулупѣ, метла, куча снѣга... На свѣжаго мальчика, пріѣхавшаго изъ провинціи и воображающаго, что храмъ науки въ самомъ дѣлѣ храмъ, такія ворота не могутъ произвести здороваго впечатлѣнія. Вообще ветхость университетскихъ построекъ, мрачность коридоровъ, копоть стѣнъ, недостатокъ свѣта, унылый видъ ступеней, вѣшалокъ и скамей въ исторіи русскаго пессимизма занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ на ряду причинъ предрасполагающихъ... Вотъ и нашъ садъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ студентомъ, онъ, кажется, не сталъ ни лучше, ни хуже. Я его не люблю. Было бы гораздо умнѣе, если бы вмѣсто чахоточныхъ липъ, желтой акаціи и рѣдкой, стриженой сирени росли тутъ высокія сосны и хорошіе дубы. Студентъ, настроеніе котораго въ большинствѣ создается обстановкой, на каждомъ шагу, тамъ, гдѣ онъ учится, долженъ видѣть передъ собою только высокое,

сильное и изящное... Храни его Богъ отъ тощихъ деревьевъ, разбитыхъ оконъ, сѣрыхъ стѣнъ и дверей, обитыхъ рваной клеенкой.

Когда подхожу я къ своему крыльцу, дверь распахивается и меня встрѣчаетъ мой старый сослуживецъ, сверстникъ и тезка швейцаръ Николай. Впустивъ меня, онъ крякаетъ и говоритъ;

— Морозъ, ваше превосходительство!

Или же, если моя шуба мокрая, то:

— Дождикъ, ваше превосходительство!

Затѣмъ онъ бѣжитъ впереди меня и отворяетъ на моемъ пути всѣ двери. Въ кабинетѣ онъ бережно снимаетъ съ меня шубу и въ это время успѣваетъ сообщить мнѣ какую-нибудь университетскую новость. Благодаря короткому знакомству, какое существуетъ между всѣми университетскими швейцарами и сторожами, ему извѣстно все, что происходитъ на четырехъ факультетахъ, въ канцеляріи, въ кабинетѣ ректора, въ библіотекѣ. Чего только онъ не знаетъ? Когда у насъ злобою дня бываетъ, напримѣръ, отставка ректора или декана, то я слышу, какъ онъ, разговаривая съ молодыми сторожами, называетъ кандидатовъ и тутъ же поясняетъ, что такого-то не утвердитъ министръ, такой-то самъ откажется, потомъ вдается въ фантастическія подробности о какихъ-то таинственныхъ бумагахъ, полученныхъ въ канцеляріи, о секретномъ разговорѣ, бывшемъ якобы у министра съ попечителемъ и т. п. Если исключить эти подробности, то въ общемъ онъ почти всегда оказывается правымъ. Характеристики, дѣлаемыя имъ каждому изъ кандидатовъ, своеобразны, но тоже вѣрны. Если вамъ нужно узнать, въ какомъ году

кто защищалъ диссертацію, поступилъ на службу, вышелъ въ отставку, или умеръ, то призовите къ себѣ на помощь громадную память этого солдата, и онъ не только назоветъ вамъ годъ, мѣсяцъ и число, но и сообщитъ также подробности, которыми сопровождалось то или другое обстоятельство. Такъ помнить можетъ только тотъ, кто любитъ.

Онъ хранитель университетскихъ преданій. Отъ своихъ предшественниковъ-швейцаровъ онъ получилъ въ наслѣдство много легендъ изъ университетской жизни, прибавилъ къ этому богатству много своего добра, добытаго за время службы, и если хотите, то онъ разскажетъ вамъ много длинныхъ и короткихъ исторій. Онъ можетъ разсказать о необыкновенныхъ мудрецахъ, знавшихъ *все*, о замѣчательныхъ труженикахъ, не спавшихъ по недѣлямъ, о многочисленныхъ мученикахъ и жертвахъ науки; добро торжествуетъ у него надъ зломъ, слабый всегда побѣждаетъ сильнаго, мудрый глупаго, скромный гордаго, молодой стараго... Нѣтъ надобности принимать всѣ эти легенды и небылицы за чистую монету, но процѣдите ихъ, и у васъ на фильтрѣ останется то, что нужно: наши хорошія традиціи и имена истинныхъ героевъ, признанныхъ всѣми.

Въ нашемъ обществѣ всѣ свѣдѣнія о мірѣ ученыхъ исчерпываются анекдотами о необыкновенной разсѣянности старыхъ профессоровъ и двумя-тремя остротами, которыя приписываются то Груберу, то мнѣ, то Бабухину. Для образованнаго общества этого мало. Если бы оно любило науку, ученыхъ и студентовъ такъ, какъ Николай, то его литература давно бы уже имѣла цѣлыя эпопеи, сказанія

и житія, какихъ, къ сожалѣнію, она не имѣетъ теперь.

Сообщивъ мнѣ новость, Николай придаетъ своему лицу строгое выраженіе, и у насъ начинается дѣловой разговоръ. Если бы въ это время кто-нибудь посторонній послушалъ, какъ Николай свободно обращается съ терминологіей, то, пожалуй, могъ бы подумать, что это ученый, замаскированный солдатомъ. Кстати сказать, толки объ учености университетскихъ сторожей сильно преувеличены. Правда, Николай знаетъ больше сотни латинскихъ названій, умѣетъ собрать скелетъ, иногда приготовитъ препаратъ, разсмѣшитъ студентовъ какой-нибудь длинной, ученой цитатой, но, напримѣръ, незамысловатая теорія кровообращенія для него и теперь такъ же темна, какъ 20 лѣтъ назадъ.

За столомъ въ кабинетѣ, низко нагнувшись надъ книгой или препаратомъ, сидитъ мой прозекторъ Петръ Игнатьевичъ, трудолюбивый, скромный, но безталанный человѣкъ, лѣтъ 35, уже плѣшивый и съ большимъ животомъ. Работаетъ онъ отъ утра до ночи, читаетъ массу, отлично помнитъ все прочитанное—и въ этомъ отношеніи онъ не человѣкъ, а золото; въ остальномъ же прочемъ—это ломовой конь, или, какъ иначе говорятъ, ученый тупица. Характерныя черты ломового коня, отличающія его отъ таланта, таковы: кругозоръ его тѣсенъ и рѣзко ограниченъ спеціальностью; внѣ своей спеціальности онъ наивенъ какъ ребенокъ. Помнится, какъ-то утромъ я вошелъ въ кабинетъ и сказалъ:

— Представьте, какое несчастье! Говорятъ, Скобелевъ умеръ.

Николай перекрестился, и Петръ Игнатьевичъ обернулся ко мнѣ и спросилъ:

— Какой это Скобелевъ?

Въ другой разъ—это было нѣсколько раньше—я объявилъ, что умеръ профессоръ Перовъ. Милѣйшій Петръ Игнатьевичъ спросилъ:

— А что онъ читалъ?

Кажется, запой у него подъ самымъ ухомъ Патти, напади на Россію полчища китайцевъ, случись землетрясеніе, онъ не пошевельнется ни однимъ членомъ и преспокойно будетъ смотрѣть прищуреннымъ глазомъ въ своей микроскопъ.

Другая черта: фанатическая вѣра въ непогрѣшимость науки и главнымъ образомъ всего того, что пишутъ нѣмцы. Онъ увѣренъ въ самомъ себѣ, въ своихъ препаратахъ, знаетъ цѣль жизни и совершенно не знакомъ съ сомнѣніями и разочарованіями, отъ которыхъ сѣдѣютъ таланты. Рабское поклоненіе авторитетамъ и отсутствіе потребности самостоятельно мыслить. Разубѣдить его въ чемъ-нибудь трудно, спорить съ нимъ невозможно. Извольте-ка поспорить съ человѣкомъ, который глубоко убѣжденъ, что самая лучшая наука—медицина; самые лучшіе люди—врачи, самыя лучшія традиціи — медицинскія. Отъ недобраго медицинскаго прошлаго уцѣлѣла только одна традиція—бѣлый галстукъ, который носятъ теперь доктора; для ученаго же и вообщее образованнаго человѣка могутъ существовать только традиціи обще-университетскія, безъ всякаго дѣленія ихъ на медицинскія юридическія и т. п., но Петру Игнатьевичу трудно согласиться съ этимъ и онъ готовъ спорить съ вами до страшнаго суда.

Будущность его представляется мнѣ ясно. За всю свою жизнь онъ приготовитъ нѣсколько сотенъ препаратовъ необыкновенной чистоты, напишетъ много сухихъ, очень приличныхъ рефератовъ, сдѣлаетъ съ десятокъ добросовѣстныхъ переводовъ, но пороха не выдумаетъ. Для пороха нужны фантазія, изобрѣтательность, умѣніе угадывать, а у Петра Игнатьевича нѣтъ ничего подобнаго. Короче говоря, это не хозяинъ въ наукѣ, а работникъ.

Я, Петръ Игнатьевичъ и Николай говоримъ вполголоса. Намъ немножко не по себѣ. Чувствуешь что-то особенное, когда за дверью моремъ гудитъ аудиторія. За 30 лѣтъ я не привыкъ къ этому чувству и испытываю его каждое утро. Я нервно застегиваю сюртукъ, задаю Николаю лишніе вопросы, сержусь... Похоже на то, какъ будто я трушу, но это не трусость, а что-то другое, чего я не въ состояніи ни назвать ни описать.

Безъ всякой надобности я смотрю на часы и говорю:

Что-жъ? Надо идти.

И мы шествуемъ въ такомъ порядкѣ: впереди идетъ Николай съ препаратами или съ атласами, за нимъ я, а за мною, скромно поникнувъ головою, шагаетъ ломовой конь; или же, если нужно, впереди на носилкахъ несутъ трупъ, за трупомъ идетъ Николай и т. д. При моемъ появленіи студенты встаютъ, потомъ садятся, и шумъ моря внезапно стихаетъ. Наступаетъ штиль.

Я знаю, о чемъ буду читать, но не знаю, какъ буду читать, съ чего начну и чѣмъ кончу. Въ головѣ нѣтъ ни одной готовой фразы. Но стоитъ мнѣ

только оглядѣть аудиторію (она построена у меня амфитеатромъ) и произнести стереотипное „въ прошлой лекціи мы остановились на...“, какъ фразы длинной вереницей вылетаютъ изъ моей души и— пошла писать губернія! Говорю я неудержимо быстро, страстно и, кажется, нѣтъ той силы, которая могла бы прервать теченіе моей рѣчи. Чтобы читать хорошо, т. е. нескучно и съ пользой для слушателей, нужно, кромѣ таланта, имѣть еще сноровку и опытъ, нужно обладать самымъ яснымъ представленіемъ о своихъ силахъ, о тѣхъ, кому читаешь, и о томъ, что составляетъ предметъ твоей рѣчи. Кромѣ того, надо быть человѣкомъ себѣ на умѣ, слѣдить зорко и ни на одну секунду не терять поля зрѣнія.

Хорошій дирижеръ, передавая мысль композитора, дѣлаетъ сразу двадцать дѣлъ: читаетъ партитуру, машетъ палочкой, слѣдитъ за пѣвцомъ, дѣлаетъ движеніе въ сторону то барабана, то волторны и проч. То же самое и я, когда читаю. Предо мною полтораста лицъ непохожихъ одно на другое, и триста глазъ, глядящихъ мнѣ прямо въ лицо. Цѣль моя—побѣдить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имѣю ясное представленіе о степени ея вниманія и о силѣ разумѣнія, то она въ моей власти. Другой мой противникъ сидитъ во мнѣ самомъ. Это—безконечное разнообразіе формъ, явленій и законовъ и множество ими обусловленныхъ своихъ и чужихъ мыслей. Каждую минуту я долженъ имѣть ловкость выхватывать изъ этого громаднаго матеріала самое важное и нужное, и такъ же быстро, какъ течетъ моя рѣчь, облекать свою мысль въ такую

форму, которая была бы доступна разумѣнію гидры и возбуждала бы ея вниманіе, причемъ надо зорко слѣдить, чтобы мысли передавались не по мѣрѣ ихъ накопленія, а въ извѣстномъ порядкѣ, необходимомъ для правильной компановки картины, какую я хочу нарисовать. Далѣе я стараюсь, чтобы рѣчь моя была литературна, опредѣленія кратки и точны, фраза возможно проста и красива. Каждую минуту я долженъ осаживать себя и помнить, что въ моемъ распоряженіи имѣются только часъ и сорокъ минутъ. Однимъ словомъ, работы не мало. Въ одно и то же время приходится изображать изъ себя и ученаго, и педагога, и оратора, и плохо дѣло, если ораторъ побѣдитъ въ васъ педагога и ученаго, или наоборотъ.

Читаешь четверть, полчаса и вотъ замѣчаешь, что студенты начинаютъ поглядывать на потолокъ, на Петра Игнатьевича, одинъ полѣзетъ за платкомъ, другой сядетъ поудобнѣе, третій улыбнется своимъ мыслямъ... Это значитъ, что вниманіе утомлено. Нужно принять мѣры. Пользуясь первымъ удобнымъ случаемъ, я говорю какой-нибудь каламбуръ. Всѣ полтораста лицъ широко улыбаются, глаза весело блестятъ, слышится ненадолго гулъ моря... Я тоже смѣюсь. Вниманіе освѣжилось, и я могу продолжать.

Никакой спортъ, никакія развлеченія и игры никогда не доставляли мнѣ такого наслажденія, какъ чтеніе лекціи. Только на лекціи я могъ весь отдаваться страсти и понималъ, что вдохновеніе не выдумка поэтовъ, а существуетъ на самомъ дѣлѣ. И я думаю, Геркулесъ послѣ самаго пикантнаго изъ своихъ подвиговъ не чувствовалъ

такого сладостнаго изнеможенія, какое переживалъ я всякій разъ послѣ лекцій.

Послѣ лекціи я сижу у себя дома и работаю. Читаю журналы, диссертаціи, или готовлюсь къ слѣдующей лекціи, иногда пишу что-нибудь. Работаю съ перерывами, такъ какъ приходится принимать посѣтителей.

Слышится звонокъ. Это товарищъ пришелъ поговорить о дѣлѣ. Онъ входитъ ко мнѣ со шляпой, съ палкой и, протягивая ко мнѣ ту и другую, говоритъ:

— Я на минуту, на минуту! Сидите, collega! Только два слова!

Первымъ дѣломъ мы стараемся показать другъ другу, что мы оба необыкновенно вѣжливы и очень рады видѣть другъ друга. Я усаживаю его въ кресло, а онъ усаживаетъ меня; при этомъ мы осторожно поглаживаемъ другъ друга по таліямъ, касаемся пуговицъ и похоже на то, какъ будто мы ощупываемъ другъ друга и боимся обжечься. Оба смѣемся, хотя не говоримъ ничего смѣшного. Усѣвшись, наклоняемся другъ къ другу головами и начинаемъ говорить вполголоса. Какъ бы сердечно мы ни были расположены другъ къ другу, мы не можемъ, чтобы не золотить нашей рѣчи всякой китайщиной, въ родѣ: „вы изволили справедливо замѣтить“, или „какъ я уже имѣлъ честь вамъ сказать“, не можемъ, чтобы не хохотать, если кто изъ насъ состритъ, хотя бы неудачно. Кончивъ говорить о дѣлѣ, товарищъ порывисто встаетъ и, помахивая шляпой въ сторону моей работы, начинаетъ прощаться. Опять щупаемъ другъ друга и смѣемся. Провожаю до передней; тутъ помогаю то-

варищу надѣть шубу, но онъ всячески уклоняется отъ этой высокой чести. Затѣмъ, когда Егоръ отворяетъ дверь, товарищъ увѣряетъ меня, что я простужусь, а я дѣлаю видъ, что готовъ идти за нимъ даже на улицу. И когда, наконецъ, я возвращаюсь къ себѣ въ кабинетъ, лицо мое все еще продолжаетъ улыбаться, должно-быть, по инерціи.

Немного погодя, другой звонокъ. Кто-то входитъ въ переднюю, долго раздѣвается и кашляетъ. Егоръ докладываетъ, что пришелъ студентъ. Я говорю: проси. Черезъ минуту входитъ ко мнѣ молодой человѣкъ пріятной наружности. Вотъ ужъ годъ, какъ мы съ нимъ находимся въ натянутыхъ отношеніяхъ; онъ отвратительно отвѣчаетъ мнѣ на экзаменахъ, а я ставлю ему единицы. Такихъ молодцовъ, которыхъ я, выражаясь на студенческомъ языкѣ, гоняю или проваливаю, у меня ежегодно набирается человѣкъ семь. Тѣ изъ нихъ, которые не выдерживаютъ экзамена по неспособности или по болѣзни, обыкновенно несутъ свой крестъ терпѣливо и не торгуются со мной; торгуются же и ходятъ ко мнѣ на домъ только сангвиники, широкія натуры, которымъ проволочка на экзаменахъ портитъ аппетитъ и мѣшаетъ аккуратно посѣщать оперу. Первымъ я мирволю, а вторыхъ гоняю по цѣлому году.

— Садитесь,—говорю я гостю.—Что скажете?

— Извините, профессоръ, за безпокойство...—начинаетъ онъ, заикаясь и не глядя мнѣ въ лицо.—Я бы не посмѣлъ безпокоить васъ, если бы не... Я держалъ у васъ экзаменъ уже пять разъ и... и срѣзался. Прошу васъ, будьте добры, поставьте мнѣ „удовлетворительно“, потому что...

Аргументъ, который всѣ лѣнтяи приводятъ въ свою пользу, всегда одинъ и тотъ же: они прекрасно выдержали по всѣмъ предметамъ и срѣзались только на моемъ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что по моему предмету они занимались всегда очень усердно и знаютъ его прекрасно; срѣзались же они, благодаря какому-то непонятному недоразумѣнію.

— Извините, мой другъ,—говорю я гостю:—поставить вамъ „удовлетворительно" я не могу. Подите еще почитайте лекціи и приходите. Тогда увидимъ.

Пауза. Мнѣ приходитъ охота немножко помучить студента за то, что пиво и оперу онъ любитъ больше, чѣмъ науку, и я говорю со вздохомъ:

— По-моему, самое лучшее, что вы можете теперь сдѣлать, это—совсѣмъ оставить медицинскій факультетъ. Если при вашихъ способностяхъ вамъ никакъ не удается выдержать экзамена, то, очевидно, у васъ нѣтъ ни желанія, ни призванія быть врачомъ.

Лицо сангвиника вытягивается.

— Простите, профессоръ,—усмѣхается онъ:—но это было бы съ моей стороны по меньшей мѣрѣ странно. Проучиться пять лѣтъ и вдругъ... уйти!

— Ну, да! Лучше потерять даромъ пять лѣтъ, чѣмъ потомъ всю жизнь заниматься дѣломъ, котораго не любишь.

Но тотчасъ же мнѣ становится жаль его и я спѣшу сказать:

— Впрочемъ, какъ знаете. Итакъ, почитайте еще немножко и приходите.

— Когда?—глухо спрашиваетъ лѣнтяй.

— Когда хотите. Хоть завтра.

И въ его добрыхъ глазахъ я читаю: „Придти-то можно, но вѣдь ты, скотина, опять меня прогонишь!“

— Конечно,—говорю я:—вы не станете ученѣе оттого, что будете у меня экзаменоваться еще пятнадцать разъ, но это воспитаетъ въ васъ характеръ. И на томъ спасибо.

Наступаетъ молчаніе. Я поднимаюсь и жду, когда уйдетъ гость, а онъ стоитъ, смотритъ на окно, теребитъ свою бородку и думаетъ. Становится скучно.

Голосъ у сангвиника пріятный, сочный, глаза умные, насмѣшливые, лицо благодушное, нѣсколько помятое отъ частаго употребленія пива и долгаго леданья на диванѣ; повидимому, онъ могъ бы разсказать мнѣ много интереснаго про оперу, про свои любовныя похожденія, про товарищей, которыхъ онъ любитъ, но, къ сожалѣнію, говорить объ этомъ не принято. А я бы охотно послушалъ.

— Профессоръ! Даю вамъ честное слово, что если вы поставите мнѣ „удовлетворительно“, то я...

Какъ только дѣло дошло до „честнаго слова“, я махаю руками и сажусь за столъ. Студентъ думаетъ еще минуту и говоритъ уныло:

— Въ такомъ случаѣ прощайте... Извините.

— Прощайте, мой другъ. Добраго здоровья.

Онъ нерѣшительно идетъ въ переднюю, медленно одѣвается тамъ и, выйдя на улицу, вѣроятно, опять долго думаетъ; ничего не придумавъ, кромѣ „стараго чорта“ по моему адресу, онъ идетъ въ плохой ресторанъ пить пиво и обѣдать, а потомъ къ себѣ домой спать. Миръ праху твоему, честный труженикъ!

Третій звонокъ. Входитъ молодой докторъ въ новой черной парѣ, въ золотыхъ очкахъ и, конечно, въ бѣломъ галстукѣ. Рекомендуется. Прошу садиться и спрашиваю, что угодно. Не безъ волненія молодой жрецъ науки начинаетъ говорить мнѣ, что въ этомъ году онъ выдержалъ экзаменъ на докторанта и что ему остается теперь только написать диссертацію. Ему хотѣлось бы поработать у меня, подъ моимъ руководствомъ, и я бы премного обязалъ его, если бы далъ ему тему для диссертаціи.

— Очень радъ быть полезнымъ, коллега,—говорю я:—но давайте сначала споемся относительно того, что такое диссертація. Подъ этимъ словомъ принято разумѣть сочиненіе, составляющее продуктъ самостоятельнаго творчества. Не такъ ли? Сочиненіе же, написанное на чужую тему и подъ чужимъ руководствомъ, называется иначе...

Докторантъ молчитъ. Я вспыхиваю и вскакиваю съ мѣста.

— Что вы всѣ ко мнѣ ходите, не понимаю?—кричу я сердито.—Лавочка у меня, что ли? Я не торгую темами! Въ тысячу первый разъ прошу васъ всѣхъ оставить меня въ покоѣ! Извините за неделикатность, но мнѣ, наконецъ, это надоѣло!

Докторантъ молчитъ и только около его скулъ выступаетъ легкая краска. Лицо его выражаетъ глубокое уваженіе къ моему знаменитому имени и учености, а по глазамъ его я вижу, что онъ презираетъ и мой голосъ, и мою жалкую фигуру, и нервную жестикуляцію. Въ своемъ гнѣвѣ я представляюсь ему чудакомъ.

— У меня не лавочка!—сержусь я.—И удиви-

тельное дѣло! Отчего вы не хотите быть самостоятельными? Отчего вамъ такъ противна свобода?

Говорю я много, а онъ все молчитъ. Въ концѣ концовъ я мало-по-малу стихаю и, разумѣется, сдаюсь. Докторантъ получитъ отъ меня тему, которой грошъ цѣна, напишетъ подъ моимъ наблюденіемъ никому ненужную диссертацію, съ достоинствомъ выдержитъ скучный диспутъ и получитъ ненужную ему ученую степень.

А. Чеховъ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ (1880 г.).

1. ВОСПОМИНАНІЯ УЧАСТНИКА ТОРЖЕСТВЪ.

Открытіе памятника Пушкина было однимъ изъ незабвенныхъ событій русской общественной жизни послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Тотъ, кто въ немъ участвовалъ, конечно, навсегда сохранилъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе. Послѣ ряда удушливыхъ въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ лѣтъ, съ начала 1880 года стало легче дышать, и общественная мысль и чувство начали принимать хотя и не вполнѣ опредѣленныя, но во всякомъ случаѣ болѣе свободныя формы. Въ затхлой атмосферѣ застоя, гдѣ все стало покрываться ржавчиной отсталости, вдругъ пронеслись свѣжія струи чистаго воздуха—и все постепенно стало оживать. Блестящимъ проявленіемъ такого оживленія былъ и Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ. Мнѣ пришлось въ немъ участвовать въ качествѣ представителя петербургскаго юридическаго общества и начать испытывать прекрасныя впечатлѣнія, имъ вызванныя, отъ самаго момента выѣзда въ Москву. Дѣло въ томъ, что открытіе памятника было первоначально назначено на 26-ое мая, но смерть импе-



Тверской бульваръ и памятникъ Пушкина.

ратрицы Маріи Александровны заставила отнести это открытіе на 2-ое іюня, а какое-то недоразуміе при вторичномъ докладѣ о томъ предсѣдателя комиссіи по сооруженію памятника, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, вызвало новую отсрочку до 6-го іюня. Между тѣмъ, управленіе Николаевской желѣзной дороги объявило объ отправленіи экстреннаго удешевленнаго поѣзда въ Москву и обратно для желающихъ присутствовать при открытіи памятника. Къ 24-му мая на поѣздъ записалась масса народу. Когда послѣдовала отсрочка, большинство тѣхъ, кого поѣздка интересовала исключительно, своею дешевизной, а въ Москву привлекали личныя дѣла, отказалось отъ взятія записанныхъ на себя билетовъ, хотя всетаки осталось довольно много желавшихъ ѣхать. Но послѣ второй отсрочки записавшимися на поѣздъ оказались ѣхавшіе для участія въ открытіи памятника. Поэтому поѣздъ, отправившійся изъ Петербурга 4-го іюня въ четыре часа, носилъ совершенно своеобразный характеръ. Въ его вагонахъ сошлись очень многіе видные представители литературы и искусства и депутаты отъ различныхъ обществъ и учрежденій. Общность цѣли скоро сблизила всѣхъ въ одномъ радостномъ ощущеніи того, что впослѣдствіи А. Н. Островскій назвалъ въ своей рѣчи „праздникомъ на нашей улицѣ“. Хорошему настроенію соотвѣтствовалъ прекрасный лѣтній день, смѣнившійся теплымъ и яснымъ луннымъ вечеромъ. Въ поѣздѣ оказался нѣкто Мюнстеръ, знавшій наизусть почти всѣ стихотворенія Пушкина и прекрасно ихъ декламировавшій. Когда смерклось, онъ согласился про-

честь нѣкоторыя изъ нихъ. Вѣсть объ этомъ облетѣла поѣздъ, и вскорѣ въ длинномъ вагонѣ перваго класса на откинутыхъ креслахъ и на полу размѣстились чуть не всѣ ѣхавшіе. Короткая лѣтняя ночь прошла въ благоговѣйномъ слушаніи „Фауста", „Скупого рыцаря", отрывковъ изъ „Мѣднаго всадника", писемъ и объясненій Онѣгина и Татьяны, „Египетскихъ ночей", діалога между Моцартомъ и Сальери. Мюнстеръ такъ приподнялъ общее настроеніе, что, когда онъ окончилъ, на середину вагона выступилъ Яковъ Петровичъ Полонскій и прочелъ свое прелестное стихотвореніе, предназначенное для будущихъ празднествъ и начинавшееся словами: „Пушкинъ—это старой няни сказка". За нимъ послѣдовалъ Плещеевъ, тоже со стихотвореніемъ ad hoc,—и всѣ мы встрѣтили, послѣ этого поэтическаго всенощнаго бдѣнія, восходящее солнце растроганные и умиленные.

Въ день пріѣзда въ Москву послѣдовалъ торжественный пріемъ депутацій въ залѣ Городской Думы и чтеніе адресовъ и присутствій, при чемъ вслѣдствіе того, что юридическія общества прислали представителей, не озаботясь снабдить ихъ адресами, я прочелъ петербургскій адресъ, какъ привѣтствіе отъ *всѣхъ* русскихъ юридическихъ обществъ, въ группѣ представителей которыхъ общее вниманіе привлекала докторъ правъ лейпцигскаго университета Анна Михайловна Евреинова. На другой день, съ утра, Москва приняла праздничный видъ, и у памятника, закутаннаго пеленой, собрались многочисленныя депутаціи съ вѣнками и хоругвями трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, крас-

наго и синяго—для правительственныхъ учрежденій, ученыхъ и литературныхъ обществъ и редакцій. Ко времени окончанія литургіи въ Страстномъ монастырѣ яркіе лучи солнца прорѣзали облачное небо, и, когда изъ монастырскихъ воротъ показалась официальная процессія, колокольный звонъ слился съ звуками оркестровъ, исполнявшихъ коронаціонный маршъ Мендельсона. На эстраду взошелъ принцъ Ольденбургскій со свиткомъ акта о передачѣ памятника городу. Наступила минута торжественнаго молчанія: городской голова махнулъ свиткомъ, пелена развернулась и упала, и, подъ восторженные крики „ура“ и пѣніе хоровъ, запѣвшихъ „Славься“ Глинки, предстала фигура Пушкина съ задумчиво склоненной надъ толпою головой. Казалось, что въ эту минуту великій поэтъ простилъ русскому обществу его старую вину передъ собою и временное забвеніе. У многихъ на глазахъ заблистали слезы... Хоругви задвигались, поочередно склоняясь передъ памятникомъ, и у подножья его стала быстро расти гора вѣнковъ.

Черезъ часъ, въ обширной актовой залѣ университета, наполненной такъ, что яблоку было негдѣ упасть, состоялось торжественное засѣданіе. На каѳедру взошелъ ректоръ университета, Н. С. Тихонравовъ, и съ обычнымъ легкимъ косноязычіемъ объявилъ, что университетъ, по случаю великаго праздника русскаго просвѣщенія, избралъ въ свои почетные члены предсѣдателя комиссіи по сооруженію памятника, академика Якова Карловича Грота и Павла Васильевича Анненкова, такъ много содѣйствовавшаго распространенію и

критической разработкѣ творенiй Пушкина. Единодушныя рукоплесканiя привѣтствовали эти заявленiя. „Затѣмъ—сказалъ Тихонравовъ—университетъ счелъ своимъ долгомъ просить принять это почетное званiе нашего знаме...“, но ему не дали договорить. Точно электрическая искра пробѣжала по залѣ, возбудивъ во всѣхъ одно и то же представленiе и заставивъ въ сердцѣ каждаго прозвучать одно и то же имя. Неописуемый взрывъ рукоплесканiй и привѣтственныхъ криковъ внезапно возникъ въ обширномъ залѣ и бурными волнами сталъ носиться по ней. Тургеневъ всталъ, растерянно улыбаясь и низко наклоняя свою сѣдую голову съ падающею на лобъ прядью волосъ. Къ нему тѣснились, жали ему руки, кричали ему ласковыя слова, и, когда до него, наконецъ, добрался министръ народнаго просвѣщенiя Сабуровъ и обнялъ его, утихавшiй было шумъ поднялся съ новой силой. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, русское мыслящее общество какъ бы вѣнчало въ немъ достойнѣйшаго изъ современныхъ ему преемниковъ Пушкина. Лишь появившiйся на каѳедрѣ Ключевскiй, начавшiй свою замѣчательную рѣчь о герояхъ произведенiй Пушкина, заставилъ утихнуть общее восторженное волненiе.

Несмотря на слабый голосъ, онъ быстро овладѣлъ присутствующими. Въ его манерѣ говорить я почувствовалъ особое умѣнье настороживать и обострить вниманiе слушателей. Простое, безъ всякихъ вычуръ, слово его было такъ полновѣсно и съ такимъ искусствомъ соединяло въ себѣ отвлеченныя опредѣленiя, широкiя обобщенiя и

жизненные образы, что слушающій очень скоро почувствовалъ себя вполнѣ во власти лектора. Въ сжатое и точное его изложеніе по временамъ и совершенно неожиданно вправлялись афоризмы, въ которыхъ одновременно блистали яркая мысль и тонкое остроуміе. Пушкинъ-поэтъ и Пушкинъ-историкъ предстали въ рѣчи Ключевскаго передъ слушателями въ своемъ взаимоотношеніи, освѣщенномъ ново и оригинально. Пушкинъ оказался всего менѣе историкомъ въ своихъ историческихъ сюжетахъ—въ „Полтавѣ“, „Борисѣ Годуновѣ“ и др. и далъ цѣнный матеріалъ для историка въ повѣсти, написанной между дѣломъ и безъ претензій на историческую довѣренность. „Капитанская дочка“, по мнѣнію Ключевскаго, представляла такое правдивое воспроизведеніе эпохи, такую выхваченную изъ подлинной жизни того времени картину, что спеціальное изслѣдованіе Пушкина „Исторія Пугачевскаго бунта“ можетъ быть разсматриваемо только, какъ подробное примѣчаніе къ „Капитанской дочкѣ“. А затѣмъ Ключевскій представилъ послѣдовательное развитіе главнѣйшихъ типовъ XVIII и начала XIX столѣтій, закрѣпленныхъ Пушкинымъ въ различныхъ его произведеніяхъ. Указывая на генетическую связь между ними, онъ въ особенности остановился на одномъ зародившемся слишкомъ двѣсти лѣтъ назадъ, въ лицѣ выдающагося историческаго дѣльца—Ордина-Нащокина, и выраженномъ во времена Пушкина скучающимъ отъ бездѣлья Евгеніемъ Онѣгинымъ. „Это русскій человѣкъ, — говорилъ Ключевскій, — который выросъ въ убѣжденіи, что, хотя онъ и не родился европейцемъ,

но *обязанъ* стать имъ. Безъ его біографіи пустѣетъ исторія нашего общества послѣднихъ двухъ столѣтій. Около него сосредоточиваются, иногда отъ него исходятъ самыя важныя умственныя, а подчасъ и политическія движенія". Въ рядѣ почерпнутыхъ у Пушкина, опредѣленно и рельефно описанныхъ образовъ прошли передъ нами разнообразные виды этого типа, зависѣвшіе отъ различныхъ способовъ рѣшенія рокового вопроса о томъ, какъ сдѣлаться европейцемъ, родившись русскимъ, и рѣшивъ, что русскій—не европеецъ. Тутъ были и тѣ, которые находили, что русское надо дѣлать по-западно-европейски, и тѣ, которые стремились передѣлать русское въ западно-европейское, и тѣ, которые думали стать европейцами, оставаясь русскими, и, наконецъ, тѣ, которые находили, что необходимо перестать быть русскими. Между ними оказывались желающіе заимствовать съ Запада свѣтъ знанія, но безъ огня, и желающіе взять его цѣликомъ съ тѣмъ, чтобы не подносить, однако, близко къ глазамъ. Каждый изъ этихъ видовъ — арапъ Ибрагимъ, капитанъ Мироновъ, поручикъ Гриневъ, Дубровскій и Троекуровъ—все эти типы, драгоцѣнные для историка. Сами по себѣ будучи продуктомъ поэтическаго вымысла, они, однако, составляютъ существенное дополненіе къ историческимъ актамъ и мемуарамъ. Галлерея заключалась историческимъ недорослемъ—не карикатурой, а простымъ и вседневнымъ явленіемъ, не лишеннымъ довольно почтенныхъ качествъ. Это былъ самый обыкновенный русскій дворянинъ средней руки, учившійся понемногу, сквозь слезы, при Петрѣ, со скукой при Екатеринѣ II, но сдѣ-

лавшій нашу военную исторію и протоптавшій славный путь подъ руководствомъ Румянцевыхъ и Суворовыхъ. Къ этой послѣдней разновидности Пушкинъ относился съ сочувствіемъ, заставивъ капитанскую дочку предпочесть добродушнаго армейца Гринева блестящему гвардейцу Швабрину. „Историку восемнадцатаго столѣтія,—заявилъ Ключевскій,—остается одобрить и сочувствіе Пушкина, и вкусъ капитанской дочки". Свое чтеніе Ключевскій закончилъ характеристикой Евгенія Онѣгина и его ближайшихъ потомковъ—Чацкаго и Печорина и указаніемъ, что заслуга Пушкина для исторіи въ томъ, что онъ далъ связную лѣтопись нашего общества въ лицахъ слишкомъ за цѣлое столѣтіе и какъ художникъ сталъ между составителемъ мемуаровъ и историкомъ, къ великой радости послѣдняго.

Рѣчь Ключевскаго, освѣтивъ творчество Пушкина съ новой стороны, произвела глубокое впечатлѣніе и вызвала во многихъ мѣстахъ шопотъ сочувствія, которое еще до конца ея выразилось въ громкихъ рукоплесканіяхъ.

Вечеромъ, въ залѣ Дворянскаго Собранія, былъ первый изъ трехъ устроенныхъ въ память Пушкина концертовъ, съ пѣніемъ и чтеніемъ поэтическихъ произведеній. На устроенной въ залѣ сценѣ стоялъ среди тропическихъ растеній большой бюстъ Пушкина, и на нее поочередно выходили представители громкихъ литературныхъ именъ, и каждый читалъ что-либо изъ Пушкина или о Пушкинѣ. Островскій, Полонскій, Плещеевъ, Чаевъ, вперемежку съ артистами и пѣвцами, прошли предъ горячо настроенной публикой. Появился и

грузный, съ типическимъ лицомъ и выговоромъ костромского крестьянина, всклокоченный и съ большими глазами на выкатѣ Писемскій. Вышелъ и Тургеневъ. Привѣтствуемый особенно шумно, онъ подошелъ къ рампѣ и сталъ декламировать на память, и нельзя сказать, чтобы особенно искусно. „Послѣднюю тучу разсѣянной бури“, но на третьемъ стихѣ запнулся, очевидно его позабывъ, и, безпомощно разведя руками, остановился. Тогда изъ публики, съ разныхъ концовъ, ему стали подсказывать все громче и громче. Онъ улыбнулся и сказалъ конецъ стихотворенія вмѣстѣ со всею залой. Этотъ милый эпизодъ еще болѣе подогрѣлъ общее чувство къ нему, и когда, въ концѣ вечера, подъ звуки музыки всѣ участники вышли на сцену съ нимъ во главѣ, и онъ возложилъ на голову бюста лавровый вѣнокъ, а Писемскій затѣмъ, снявъ этотъ вѣнокъ, сдѣлалъ видъ, что кладетъ его на голову Тургенева,—весь залъ огласился нескончаемыми рукоплесканіями и громкими криками „браво“. На слѣдующій день, въ торжественномъ засѣданіи Общества любителей Россійской Словесности въ томъ же Дворянскомъ Собраніи, Иванъ Сергѣевичъ читалъ свое слово о Пушкинѣ съ большимъ одушевленіемъ и чувствомъ, и заключительныя слова его о томъ, что должно настать время, когда на вопросъ, кому подставленъ только-что открытый наканунѣ памятникъ, простой русскій человѣкъ отвѣтитъ: „учителю!“—снова вызвали бурную овацію.

Три дня продолжались празднества и растроганное настроеніе такъ или иначе причастныхъ къ нимъ, при чемъ главнымъ живымъ героемъ

этихъ торжествъ являлся, по общему признанію, Тургеневъ. Но на третій день его замѣнилъ въ этой роли Өедоръ Михайловичъ Достоевскій. Тому, кто слышалъ его извѣстную рѣчь въ этотъ день, конечно, съ полной ясностью представилось, какой громадной силой и вліяніемъ можетъ обладать человѣческое слово, когда оно сказано съ горячей искренностью среди назрѣвшаго душевнаго настроенія слушателей. Сутуловатый, небольшого роста, обыкновенно со слегка опущенной головой и усталыми глазами, съ нерѣшительнымъ жестомъ и тихимъ голосомъ, Достоевскій совершенно преобразился, произнося свою рѣчь. Еще наканунѣ, слушая его на вечерѣ превосходно читающимъ „Какъ весенней раннею порою" и декламирующимъ Пушкинскаго „Пророка", нельзя было предвидѣть того полнаго преображенія, которое съ нимъ произошло во время его рѣчи, хотя стихи были сказаны имъ прекрасно и производили сильное впечатлѣніе, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, вытянувъ передъ собою руку и какъ бы держа въ ней что-то, сказалъ дрожащимъ голосомъ: „И сердце трепетное вынулъ!" — Рѣчь Достоевскаго въ чтеніи не производитъ и десятой доли того впечатлѣнія, которое она вызвала при произнесеніи. Содержаніе ея, въ свое время, дало поводъ къ ряду не лишенныхъ основанія возраженій. Но тогда, въ Пушкинскіе дни, съ эстрады Дворянскаго Собранія, предъ нервно-настроенной и воспріимчивой публикой, она была совсѣмъ иною. Участники этихъ дней не только особенно горячо любили въ это время Пушкина, но многіе простаивали подолгу передъ его памятникомъ,

какъ бы не въ силахъ будучи наглядѣться на бронзовое воплощеніе „властителя думъ“ и виновника общаго захватывающаго одушевленія. Въ мысляхъ о судьбѣ и творчествѣ безвременно погибшаго поэта сливались скорбь и восторгъ, гнѣвъ и гордость истинною, непререкаемою славой русскаго народнаго генія. Эти чувства, безъ сомнѣнія, глубоко вліяли и на Достоевскаго, которому лишь въ концѣ его „судьбой отсчитанныхъ дней“ пришлось испытать общее признаніе послѣ долгихъ лѣтъ тяжелыхъ страданій, матеріальной нужды, упорнаго труда и вольнаго и невольнаго непониманія со стороны литературныхъ судей. На эстрадѣ онъ выросъ, гордо поднялъ голову, его глаза на блѣдномъ отъ волненія лицѣ заблистали, голосъ окрѣпъ и зазвучалъ съ особой силой, а жестъ сталъ энергическимъ и повелительнымъ. Съ самаго начала рѣчи между нимъ и всею массой слушателей установилась та внутренняя духовная связь, сознаніе и ощущеніе которой всегда заставляютъ оратора почувствовать и расправить свои крылья. Въ залѣ началось сдержанное волненіе, которое все росло, и когда Θедоръ Михайловичъ окончилъ, то наступила минута молчанія, а затѣмъ, какъ бурный потокъ, прорвался неслыханный и невиданный мною въ жизни восторгъ. Рукоплесканія, крики, стукъ стульями сливались воедино и, какъ говорится, потрясли стѣны зала. Многіе плакали, обращались къ незнакомымъ сосѣдямъ съ возгласами и привѣтствіями; многіе бросились къ эстрадѣ, и какой-то молодой человѣкъ лишился чувствъ отъ охватившаго его волненія. Почти всѣ были въ такомъ состояніи, что,

казалось, пошли бы за ораторомъ, по первому его призыву, куда угодно! Такъ, вѣроятно, въ далекое время, умѣлъ подѣйствовать на собравшуюся толпу Савонарола. Послѣ Достоевскаго долженъ былъ говорить Аксаковъ, но онъ вышелъ предъ продолжавшею волноваться публикой и, назвавъ только-что слышанную рѣчь „событіемъ", заявилъ, что не въ состояніи говорить послѣ Ѳедора Михайловича. Засѣданіе было возобновлено лишь черезъ полчаса. Рѣчь Достоевскаго поразила даже и иностранцевъ, которые, однако, не могли чувствовать таинственныхъ нитей, связывающихъ нѣкоторыя ея мѣста и выраженія съ сердцемъ русскихъ людей въ его сокровенной глубинѣ. Профессоръ русской литературы въ парижскомъ университетѣ, Луи Лежэ, пріѣхавшій спеціально на Пушкинскія празднества, говорилъ мнѣ вечеромъ въ тотъ же день, что совершенно подавленъ блескомъ и силой этой рѣчи, весь находится подъ ея обаяніемъ и желалъ бы передать свои впечатлѣнія во всемъ ихъ объемѣ „au Maître", т. е. Виктору Гюго, въ талантѣ котораго, по его мнѣнію, такъ много общаго съ Достоевскимъ.

А. Ѳ. Кони.

2. РѢЧЬ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

(въ сокращеніи).

Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа, сказалъ Гоголь. Прибавлю отъ себя: и пророческое. Да, въ появленіи его заключается для всѣхъ насъ, русскихъ, нѣчто безспорно пророческое. Пушкинъ

какъ разъ приходитъ въ самомъ началѣ правильнаго самосознанія нашего, едва лишь начавшагося и зародившагося въ обществѣ нашемъ послѣ цѣлаго столѣтія съ Петровской реформы, и появленіе его сильно способствуетъ освѣщенію темной дороги нашей новымъ направляющимъ свѣтомъ. Въ этомъ-то смыслѣ Пушкинъ есть пророчество и указаніе.

Въ европейскихъ литературахъ были громадной величины художественные геніи—Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного изъ этихъ великихъ геніевъ, который бы обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ. И эту-то способность, главнѣйшую способность нашей національности, онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ, главнѣйше, онъ и народный поэтъ. Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ такой силой геній чужого, сосѣдняго, можетъ быть, съ ними народа, духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія, какъ могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обращаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по-своему. Даже у Шекспира, его итальянцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изо всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность. Вотъ сцены изъ *Фауста,* вотъ *Скупой Рыцарь* и баллада *Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный.* Перечтите *Донъ-Жуана,* и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это на-

писалъ не испанецъ. Какіе глубокіе, фантастическіе образы въ поэмѣ: *Пиръ во время чумы!* Но въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ геній Англіи; эта чудесная пѣсня о чумѣ героя поэмы, эта пѣсня Мери со стихами:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,

это англійскія пѣсни, это тоска британскаго генія, его плачъ, его страдальческое предчувствіе своего грядущаго. Вспомните странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой—

Это почти буквальное переложеніе первыхъ трехъ страницъ изъ странной мистической книги, написанной въ прозѣ, одного древняго англійскаго религіознаго сектатора,—но развѣ это только переложеніе? Въ грустной и восторженной музыкѣ этихъ стиховъ чувствуется самая душа сѣвернаго протестантизма, англійскаго ересіарха, безбрежнаго мистика, съ его тупымъ, мрачнымъ и непреоборимымъ стремленіемъ и со всѣмъ безудержемъ мистическаго мечтанія. Читая эти странные стихи, вамъ какъ бы слышится духъ вѣковъ реформаціи; вамъ понятенъ становится этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма, понятна становится наконецъ самая исторія, и не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали съ ними въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ съ ними въ то, во что̀ они повѣрили. Кстати: вотъ рядомъ съ этимъ религіознымъ мистицизмомъ, религіозныя-же строфы изъ Корана или „Подражанія Ко-

рану“: развѣ тутъ не мусульманинъ, развѣ это не самый духъ Корана и мечъ его, простодушная величавость вѣры и грозная кровавая сила ея? А вотъ и древній міръ, вотъ *Египетскія Ночи*, вотъ эти земные боги, сѣвшіе надъ народомъ своимъ богами, уже презирающіе геній народный и стремленія его, уже не вѣрящіе въ него болѣе, ставшіе впрямь уединенными богами и обезумѣвшіе въ отъединеніи своемъ, въ предсмертной скукѣ своей и тоскѣ тѣшащіе себя фанатическими звѣрствами, сладострастіемъ насѣкомыхъ, сладострастіемъ пауковой самки съѣдающей своего самца. Нѣтъ, положительно скажу, не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью какъ Пушкинъ, и не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, перевоплощеніи почти совершенномъ, а потому и чудесномъ, потому что нигдѣ ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось. Это только у Пушкина, и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ явленіе невиданное и неслыханное, а, по нашему, и пророческое, ибо... ибо тутъ-то и выразилась наиболѣе его національная русская сила, выразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ, и выразилась пророчески. Ибо что̀ такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и ко всечеловѣчности? Ставъ вполнѣ народнымъ поэтомъ, Пушкинъ тотчасъ-же, какъ только прикоснулся къ силѣ народной, такъ уже и предчувствуетъ великое грядущее

назначеніе этой силы. Тутъ онъ угадчикъ, тутъ онъ пророкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое для насъ Петровская реформа, и не въ будущемъ только, а даже и въ томъ, что̀ уже было, произошло, что̀ уже явилось во очію? Что̀ означала для насъ эта реформа? Вѣдь не была-же она только для насъ усвоеніемъ европейскихъ костюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской науки. Вникнемъ какъ дѣло было, поглядимъ пристальнѣе. Да, очень можетъ быть, что Петръ первоначально только въ этомъ смыслѣ и началъ производить ее, т.-е. въ смыслѣ ближайше-утилитарномъ, но впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи имъ своей идеи, Петръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенному чутью, которое влекло его, въ его дѣлѣ, къ цѣлямъ будущимъ, несомнѣнно огромнѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайшій утилитаризмъ. Такъ точно и русскій народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу, а несомнѣнно уже ощутивъ своимъ предчувствіемъ почти тотчасъ-же нѣкоторую дальнѣйшую, несравненно болѣе высшую цѣль, чѣмъ ближайшій утилитаризмъ, — ощутивъ эту цѣль, опять-таки, конечно, повторяю это, безсознательно, но однако же и непосредственно и вполнѣ жизненно. Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному возсоединенію, къ единенію всечеловѣческому! Мы не враждебно (какъ казалось должно-бы было случиться), а дружественно, съ полною любовію приняли въ душу нашу геніи чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго перваго шагу различать,

снимать противорѣчія, извинять и примѣрять различія, и тѣмъ уже выказали готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только-что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому возсоединенію со всѣми племенами великаго арійскаго рода. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только (въ концѣ концовъ, это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящаго русскаго Европа и удѣлъ всего великаго арійскаго племени такъ-же дороги, какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ возсоединенію людей. Если захотите вникнуть въ нашу исторію послѣ Петровской реформы, вы найдете уже слѣды и указанія этой мысли, этого мечтанія моего, если хотите, въ характерѣ общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ государственной политикѣ нашей. Ибо что̀ дѣлала Россія во всѣ эти два вѣка въ своей политикѣ, какъ не служила Европѣ, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ себѣ самой? Не думаю, чтобъ отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило. О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги! И впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, то-есть конечно, не мы, а будущіе грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ рус-

скимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовію всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ-концовъ, можетъ быть, и изречь окончательное Слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону! Знаю, слишкомъ знаю, что слова мои могутъ показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что ихъ высказалъ. Этому надлежало быть высказаннымъ, но особенно теперь, въ минуту торжества нашего, въ минуту чествованія нашего великаго генія, эту именно идею въ художественной силѣ своей воплощавшаго. Да и высказывалась уже эта мысль не разъ, я ничуть не новое говорю. Главное, все это покажется самонадѣяннымъ: „это намъ-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой землѣ такой удѣлъ? Это намъ-то предназначено въ человѣчествѣ высказать новое слово?“ Что-же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всемірному, ко всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское, можетъ быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено, вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ геніи Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю „въ рабскомъ видѣ исходилъ благословляя Христосъ“. Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго слова Его? Да и самъ онъ не

въ ясляхъ-ли родился? Повторяю: по крайней мѣрѣ, мы уже можемъ указать на Пушкина, на всемірность и всечеловѣчность его генія. Вѣдь могъ-же онъ вмѣстить чужіе геніи въ душѣ своей, какъ родные. Въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ, въ художественномъ творчествѣ, онъ проявилъ эту всемірность стремленія русскаго духа неоспоримо, а въ этомъ уже великое указаніе. Если наша мысль есть фантазія, то съ Пушкинымъ есть, по крайней мѣрѣ, на чемъ этой фантазіи основаться. Если-бы жилъ онъ дольше, можетъ быть, явилъ-бы безсмертные и великіе образы души русской, уже понятные нашимъ европейскимъ братьямъ, привлекъ-бы ихъ къ намъ гораздо болѣе и ближе, чѣмъ теперь, можетъ быть, успѣлъ-бы имъ разъяснить всю правду стремленій нашихъ, и они уже болѣе понимали-бы насъ, чѣмъ теперь, стали-бы насъ предугадывать, перестали-бы на насъ смотрѣть столь недовѣрчиво и высокомѣрно, какъ теперь еще смотрятъ. Жилъ-бы Пушкинъ долѣе такъ и между нами было-бы, можетъ быть, менѣе недоразумѣній и споровъ, чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ.



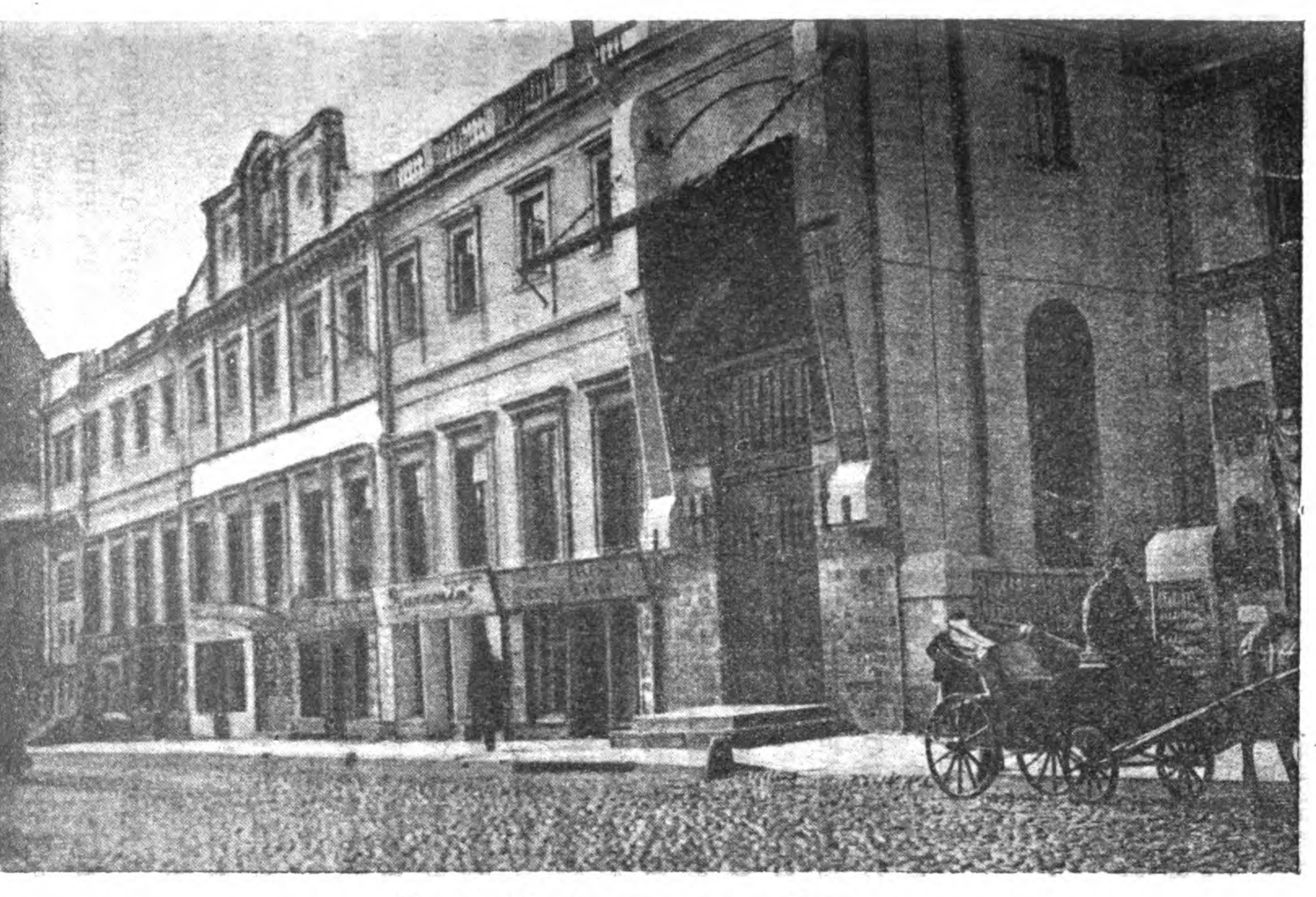
1. ТЕАТРЪ ПРАВДЫ.

Стриндбергъ въ предисловіи къ своей „Графинѣ Юліи" пишетъ:

— Я ужасно радъ, что уничтожилъ ужасные уходы въ дверь, такъ какъ холщевыя театральныя двери шатаются отъ малѣйшаго прикосновенія, и ни одна изъ нихъ не даетъ понятія о гнѣвѣ отца семейства, когда онъ послѣ плохого обѣда выскакиваетъ и хлопаетъ дверью „такъ что весь домъ дрожитъ". На сценѣ онъ шатается...

Онъ возмущенъ и декораціями:

— Кажется, нѣтъ ничего труднѣе, чѣмъ сдѣлать комнату, похожую на комнату: художнику гораздо легче изобразить вулканъ или водопадъ. Пусть стѣны будутъ изъ холста, но пора уже перестать рисовать на полотнѣ полки и кухонную утварь. И безъ того на сценѣ много всякихъ условностей, которымъ нужно вѣрить, и слѣдовало бы



Зданіе Художественнаго Театра.

избавить насъ отъ труда вѣрить въ намалеванныя кастрюли.

Зная традицію сцены—не поворачиваться къ публикѣ спиной—Стриндбергъ нарочно помѣщаетъ заднюю стѣну и столъ наискось, чтобы актерамъ, вѣрнымъ своемъ долгу, не приходилось изгибаться и садиться бокомъ другъ къ другу, лишь бы быть къ публикѣ лицомъ.

Стриндбергъ требуетъ упраздненія рампы.

Развѣ свѣтъ снизу не скрадываетъ многихъ тонкихъ черточекъ въ нижней части лица, не искажаетъ форму носа, не бросаетъ тѣни на глаза? Актерамъ больно смотрѣть—и отъ этого теряется выразительная игра глазъ, такъ какъ свѣтъ рампы попадаетъ на такія части сѣтчатки, которыя обычно защищены. Вотъ почему рѣдко встрѣчается иная игра глазъ, кромѣ грубаго вращенія или закатыванія вверхъ до такой степени, что видны лишь бѣлки. И если актеръ хочетъ на сценѣ говорить глазами, то ему остается только одинъ дурной пріемъ: смотрѣть прямо въ публику, съ которою онъ вступаетъ тогда въ непосредственныя сношенія; эта некрасивая манера—справедливо или нѣтъ—называется „здороваться со знакомыми“.

— Я отъ души хотѣлъ бы,—робко заявляетъ Стриндбергъ,—чтобы рѣшающія сцены не исполнялись у суфлерской будки, какъ оперные дуэты, съ цѣлью сорвать апплодисменты.

Въ области грима онъ не мечтаетъ о многомъ, лишь бы актеры не придавали своимъ лицамъ характера масокъ, которыя остаются неизмѣнными и не даютъ возможности играть. Какъ можетъ накладной лобъ, гладкій, словно билліардный шаръ

морщится, когда старикъ сердится; какъ можетъ улыбаться артистъ, у котораго между глазами проведена углемъ гнѣвная черта—этакій Сенъ-Бри изъ „Гугенотъ"!

Если бы, вдобавокъ, устранить видимый оркестръ съ его раздражающими лампами; если бы поднять партеръ настолько, чтобы глазъ зрителя приходился выше колѣнъ актера; если бы убрать ложи авансцены съ ихъ ротозѣями; если бы затемнить залъ во время дѣйствія, а самое главное, если бы имѣть маленькую сцену и маленькій зрительный залъ, то, быть можетъ,—заканчиваетъ Стриндбергъ,—возникла бы новая драма или, по крайней мѣрѣ, театръ опять сталъ бы источникомъ наслажденія для людей образованныхъ.

Такъ мечталъ Стриндбергъ. Онъ не былъ въ Москвѣ, не посѣтилъ московскаго Художественнаго театра. Здѣсь онъ увидѣлъ бы осуществленными всѣ мечты свои и многое другое, о чемъ не смѣлъ онъ и мечтать.

Онъ увидѣлъ бы наяву, а не въ мечтахъ, этотъ „маленькій театръ, источникъ наслажденія для образованныхъ людей", способный претворять въ таинство театральную пьесу.

Съ того дня, когда возникъ этотъ театръ-храмъ, началась новая эра нашей театральной исторіи. Была, наконецъ, найдена сценическая правда, и новые горизонты новыя дали открылись передъ театромъ. Мы увидѣли на сценѣ гармоническое сочетаніе искусствъ; сценическая драма слилась съ жизнью и съ силою самой жизни стала дѣйствовать на сердца.

Еще никогда не было переворота болѣе рѣши-

тельнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе естественнаго въ исторіи сцены, чѣмъ эта натуралистическая революція, названная Художественнымъ театромъ.

Да будетъ слава этимъ людямъ, чья вся жизнь— одинъ великій подвигъ служенія художественной правдѣ!

Т. Ардовъ.

2. ЧЕХОВЪ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Сближеніе Чехова съ Художественнымъ театромъ началось съ самаго возникновенія театра. Чеховъ былъ въ числѣ первыхъ пайщиковъ и отнесся къ начинанію Немировича-Данченко и Станиславскаго съ очень живымъ интересомъ и большой вѣрой. Но интересоваться ему пришлось издали. Уже остро давала себя знать болѣзнь легкихъ. Врачи снова услали Антона Павловича въ Ялту, которую онъ не разъ въ письмахъ той поры къ московскимъ друзьямъ звалъ „своимъ „Чертовымъ островомъ“, а себя—„Дрейфусомъ“. Чеховъ часто писалъ то къ тому, то къ другому изъ близкихъ къ Художественному театру, разспрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ, особенно интересовался репертуаромъ.

Когда В. И. Немировичъ-Данченко, этотъ великій энтузіастъ Чехова-драматурга, не желавшій принять грибоѣдовскую премію за свою „Цѣну жизни“, потому что считалъ, что премія эта по праву принадлежитъ автору „Чайки“, завелъ съ Чеховымъ рѣчь о постановкѣ его „Чайки“, А. П. запротестовалъ самымъ энергичнымъ образомъ,

увѣряли, что онъ—не драматургъ, что его играть не нужно.

Три крушенія—„Иванова", „Лѣшаго" (въ московскомъ театрѣ Абрамовой) и „Чайки" (въ Александринскомъ театрѣ)—отбили охоту отъ новыхъ опытовъ. Однако, Чеховъ не умѣлъ долго отказывать. И далъ, наконецъ, согласіе на постановку. Да и какъ было отказать тому театру, къ которому онъ уже успѣлъ привязаться душой, успѣху котораго такъ радовался, потому что, писалъ онъ черезъ недѣлю послѣ открытія театра,—„этотъ вашъ успѣхъ еще разъ лишнее доказательство, что и публикѣ и актерамъ нуженъ интеллигентный театръ". „Чайка" была дана.

Надъ „Чайкой" работали много, въ громадной тревогѣ. „Впервые были у насъ тутъ,—говорилъ Станиславскій,—живыя переживанія, близкія душѣ тогдашняго русскаго человѣка. Сталъ вырисовываться, хотя еще туманно, принципъ держанія публики на внутреннихъ переживаніяхъ". И не было увѣренности, что это осуществимо, что этого удалось достигнуть, что это „дойдетъ" до зрительной залы. Особенно не клеилась „Чайка" на генеральной репеціи. Настроеніе въ театрѣ на этой репетиціи было тяжелое, унылое. Томили черныя предчувствія. Къ концу репетиціи такія настроенія еще сгустились. Въ театръ пріѣхала сестра Чехова, Марія Павловна, и передала, что, судя по послѣднему письму изъ Ялты, А. П. плохо себя чувствуетъ; она знаетъ, догадывается, что причина тому—предстоящій спектакль „Чайки". Первый провалъ „Чайки" былъ толчкомъ къ болѣзни. Сестра съ острой тревогой думала, выдержитъ ли

горячо любимый братъ второй такой толчекъ. И она умоляла лучше отказаться отъ постановки, снять, пока не поздно, „Чайку“, не рисковать здоровьемъ Чехова... Художественный театръ устроилъ тутъ же особое совѣщаніе, чтобы рѣшить, какъ быть. Но всѣ ясно понимали: отказаться отъ „Чайки“— почти то-же это, что отказаться отъ театра, поставить на немъ крестъ, что тутъ стоитъ вопросъ, быть ему или не быть. Рѣшили, что отмѣнять спектакль нельзя. Спектакль состоялся. Въ какой мѣрѣ Чеховъ-драматургъ интересовалъ тогда московскую публику, видно изъ цифры сбора на эту премьеру. Въ кассѣ было 600 рублей...

Думаю, у всѣхъ, кто былъ въ тотъ вечеръ въ театрѣ Эрмитажъ, навсегда неизгладимо сохранится воспоминаніе о первомъ спектаклѣ „Чайки“, что живетъ оно въ памяти, какъ одинъ изъ самыхъ яркихъ и самыхъ дорогихъ слѣдовъ. Прошло 14 лѣтъ, и такихъ богатыхъ большими театральными впечатлѣніями и такихъ разнообразныхъ. А когда начинаешь отдаваться мыслями о Художественномъ театрѣ, впереди всего выростаетъ этотъ спектакль чеховской пьесы, первый чеховскій вечеръ будущаго „театра Чехова“. Но во сколько разъ болѣе ярко живетъ этотъ спектакль въ памяти его участниковъ, тѣхъ, которые тотъ вечеръ провели на подмосткахъ и за кулисами.

— Какъ мы играли, что говорили,—разсказывалъ К. С. Станиславскій,—никто изъ насъ не помнитъ, потому что всѣ мы едва стояли на ногахъ, каждый изъ насъ только мучительно сознавалъ, что нужно имѣть успѣхъ, такъ какъ отъ этого зависитъ, можетъ быть, самая жизнь любимаго поэта.

— Опустился занавѣсъ, — вспоминаетъ онъ дальше,—при гробовомъ молчаніи. Мы всѣ похолодѣли. Съ Книпперъ сдѣлалось дурно, Роксанова, разразилась слезами. Какъ продолжительно было молчаніе публики, можно судить по тому, что мы уже ушли въ уборныя.

И вдругъ зала закипѣла въ восторгахъ. Грянулъ громъ рукоплесканій. Публика пришла въ себя отъ пережитаго, отъ потрясшихъ ее волненій— и затишье, такъ невѣрно истолкованное за сценой, смѣнилось бурей. Когда я теперь прослѣживаю свои тогдашнія впечатлѣнія отъ перваго акта, мнѣ становится ясно, что захватъ зрителя начался почти съ первыхъ же сценъ акта. Но еще было какое-то внутреннее колебаніе. Было нужно что-то, что ударило бы съ особенной силой, нужно было еще какое-то напряженіе обаянія, чтобы впечатлѣніямъ была дана полная побѣда надъ душой. И этотъ послѣдній ударъ былъ данъ М. П. Лилиной, игравшей Машу, ея послѣдними словами, ея слезами, съ которыми рухнула она безнадежно на садовую скамейку. Этотъ моментъ рѣшилъ сценическую судьбу „Чайки“, я рискну сказать даже—судьбу Чехова въ театрѣ. Чеховъ и Художественный театръ побѣдили. И надолго. Немировичъ-Данченко мечталъ не напрасно; театръ рисковалъ не напрасно, не пойдя слѣдомъ за М. П. Чеховой.

— Помню, — разсказывалъ К. С. Станиславскій,—какъ помощникъ режиссера подбѣжалъ ко мнѣ и удивилъ меня той безцеремонностью, съ какой онъ толкнулъ меня на сцену. Тамъ уже былъ раздвинутъ занавѣсъ. Публика повскакала съ мѣстъ, аплодировала, шумѣла. Мы были ра-

стерянные невмѣняемые. Мы стояли на вытяжку, никому и въ голову не пришло поклониться публикѣ. Послѣ перваго акта насъ вызвали 12 разъ. Мы поняли, что это—успѣхъ.

— Стало какъ на пасхѣ,—разсказывалъ Вл. И. Немировичъ-Данченко.

Всѣ цѣловались. Только кто-то, не выдержавъ такого крутого скачка, разрыдался. Все, что было какъ-нибудь близко театру: рабочіе, портнихи, ученики, статисты—всѣ высыпали на сцену. Всѣ обнимались. Пришлось затянуть антрактъ. У всѣхъ отъ слезъ сошелъ гриммъ, пришлось перегримироваться.

Второй актъ прошелъ безъ особаго успѣха, въ третьемъ повторилось почти то же, что было послѣ перваго акта. По окончаніи спектакля публика стала требовать, чтобы Чехову послали въ Ялту телеграмму. Немировичъ-Данченко составилъ ея текстъ и прочелъ его со сцены. Новая шумная овація...

Н. Эфросъ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ГОГОЛЮ.

1. 26 АПРѢЛЯ 1909 ГОДА.

Москвѣ выпала завидная доля—воздвигнуть автору „Мертвыхъ душъ“ памятникъ, достойный его славы, черезъ сто лѣтъ послѣ его рожденія.

Въ этомъ фактѣ сказались не только центральное значеніе нашей древней столицы для всего хода русской культуры, но и то, что Гоголь любилъ Москву болѣе всѣхъ великорусскихъ мѣстъ, гдѣ ему приходилось проживать.

Соперничать въ его чувствѣ къ тому или иному городу съ Москвой можетъ только „вѣчный городъ“ — Римъ!

П. Боборыкинъ.

Сырой холодный день; пронизывающій сѣверный вѣтеръ и низко нависшія тучи, — угрюмыя, лохматыя. Но уже съ 9 ч. утра и къ храму Христа Спасителя и въ особенности къ Арбатской площади, гдѣ высится закрытый сѣрымъ, холоднымъ брезентомъ памятникъ, „великаго художника и сатирика русской земли“, двигаются громадныя толпы народа—всѣхъ сословій, званій и состояній.

Чѣмъ ближе къ Арбатской пл. и къ храму Спасителя, тѣмъ гуще, тѣснѣе толпа. На тротуарахъ стройные ряды училищъ, гимназій, школъ и пріютовъ. Ученицы, несмотря на холодную погоду, въ

соломенныхъ шляпкахъ, лѣтнихъ кофточкахъ, и бѣлыхъ передникахъ. Юныя личики покраснѣли отъ холода.

Толпа прибываетъ все больше и больше — на площадкѣ становится тѣсно. Свѣжій вѣтерокъ колышетъ покрывало надъ скрытой подъ нимъ согбенной фигурой.

Чуть слышно доносится откуда-то сбоку церковное пѣніе, заглушаемое гуломъ толпы. Цѣпь прорвана. Толпа около памятника.

Послѣ молебна соединенные оркестры и хоры грянули народный гимнъ. Толпа обнажила головы.

При провозглашеніи открытія съ Высочайшаго соизволенія въ Москвѣ памятника Н. В. Гоголю,— сѣрая пелена упала съ памятника и десятки тысячъ глазъ устремились на понуро сидящую на гранитномъ пьедесталѣ статую задумчиваго, сосредоточеннаго Гоголя.

Среди наступившей тишины началась рѣчь предсѣдателя общества любителей россійской словесности А. Е. Грузинскаго:

„Мигъ вожделѣнный насталъ", — мигъ, завершающій давно предпринятое дѣло: завѣса спала и, предъ нами увѣковѣченный образъ одного изъ сильнѣйшихъ сыновъ Россіи. Памятникъ есть не только торжественное признаніе генія благодарнымъ потомствомъ, онъ есть вмѣстѣ и начало его второй, новой извѣстности. Этотъ образъ отнынѣ становится крупнымъ реальнымъ фактомъ нашей жизни, онъ будетъ вліять на всѣхъ самымъ существованіемъ своимъ и непрестанно будить новыя мысли и чувства, какъ въ людяхъ, давно любя-



Памятникъ Гоголю.

щихъ и цѣнящихъ Гоголя, такъ и въ тѣхъ, кому его имя еще не говоритъ ничего.

Всякій памятникъ есть тріумфъ великаго человѣка; и Гоголь вступаетъ сегодня въ русскую жизнь тоже тріумфаторомъ, но лишь на свой особый ладъ. Передъ нами не свѣтлое, гордо поднятое, увѣнчанное лаврами чело побѣдителя, не повелительный жестъ и упоеніе торжествомъ славы... Надо хорошо всмотрѣться въ эту скромную, простую позу человѣка, который одновременно и наблюдаетъ и глубоко ушелъ въ себя, надо сочувственно вникнуть во всю напряженность внутреннихъ его переживаній,—только эта скорбно поникшая голова, грустный, внимательный взглядъ, озирающій всю громадно несущуюся жизнь, этотъ инстинктивный жестъ руки, вѣдающій скрытую силу чувствъ—всѣ эти не яркія черты выступятъ предъ нами во всей значительности, властно вызовутъ откликъ грусти и восторга, и побѣдитель Гоголь вонзитъ въ наши сердца благотворное жало своей побѣды.

Долгимъ и труднымъ путемъ завоевывается такая побѣда, — своеобразная, единственная, не унижающая, а возвышающая побѣжденнаго.

О такой побѣдѣ, о такой славѣ Гоголь мечталъ всю жизнь...

„Сегодня исполнилась завѣтная мечта безкорыстнаго славолюбца Гоголя, и мы счастливы, что на нашу долю выпала честь быть тѣми потомками, о которыхъ мечталъ онъ, и этимъ памятникомъ засвидѣтельствовать полную и окончательную побѣду его надъ нами.

Слава Гоголю-побѣдителю“.

Р. М.

2. РѢЧЬ КН. Е. Н. ТРУБЕЦКОГО [1]).

Въ „Перепискѣ съ друзьями“ Гоголя есть замѣчательныя слова, которыя проникаютъ въ самую глубь нашихъ современныхъ думъ.

„Вотъ уже почти полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла. И до сихъ поръ остаются такъ же пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, такъ же безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родной нашей крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ; и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовой станціей, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный почтовый смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: „Нѣтъ лошадей“.

Когда читаешь эти слова, кажется, точно они написаны вчера, до того они полны современнаго значенія. Все такъ же теперь мы въ Россіи, словно чужіе: все такъ же ищемъ и не находимъ родину. Все такъ же давитъ насъ безпредѣльное пространство, не одухотворенное нашей культурной работой. Попрежнему тоскливо чувство неисполненнаго долга передъ родной землей: безсильно движеніе впередъ и безнадежно-холоденъ отвѣтъ смотрителя:

---

[1]) Рѣчь произнесена 26 апрѣля 1909 г. на торжественномъ засѣданіи совѣта московскаго университета.

„Нѣтъ лошадей“.

Не тѣ или другія преходящія черты эпохи, а сверхвременная сущность нашего народнаго характера выразилась въ произведеніяхъ Гоголя; поэтому въ нихъ до сихъ поръ мы можемъ читать печальную повѣсть не только о нашемъ прошломъ, но и о настоящемъ Россіи. Въ нихъ все полно неумирающаго значенія.

Что же повѣдалъ намъ Гоголь о Россіи? Прежде всего она для него—синонимъ чего-то необъятнаго, безпредѣльнаго, „неизмѣримая русская земля“. Но безпредѣльное—не содержаніе, а форма національнаго существованія. Чтобы найти Россію, надо „преодолѣть пространство, наполнить творческой дѣятельностью ея безграничный просторъ. Въ поэзіи Гоголя мы находимъ человѣка въ борьбѣ съ пространствомъ. Въ этомъ—основная ея стихія, глубоко національный ея источникъ.

Съ этимъ связаны у Гоголя всѣ его радости и печали. Безпредѣльное, когда оно является намъ въ образѣ пустыни, гнететъ и давитъ: ибо оно вызываетъ тоску по содержанію, которое бы его наполнило. Но въ этомъ же созерцаніи безпредѣльнаго есть неизсякающій источникъ подъема и воодушевленія, потому что оно открываетъ безграничный просторъ для жизни, движенія и подвиговъ.

Безграничная тоска и безпредѣльное воодушевленіе,—вотъ тѣ противоположныя настроенія, которыя, въ связи съ созерцаніемъ русской равнины, окрашиваютъ лирику Гоголя. Гоголь признаетъ, что это — тѣ самыя черты, которыя составляютъ своеобразную особенность русской пѣсни.

Особенность эта выражается въ томъ, что русская народная пѣснь не знаетъ предѣловъ ни въ тоскѣ, ни въ разгулѣ. „Въ русской пѣснѣ,—говоритъ Гоголь,—мало привязанности къ жизни и ея предметамъ, но много привязанности къ какому-то безграничному разгулу, къ стремленію унестись куда-то вмѣстѣ со звуками". „Еще доселе загадка,— читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—этотъ необъяснимый разгулъ, который слышится въ нашихъ пѣсняхъ, несется куда-то мимо жизни и самой пѣсни, какъ бы сгорая желаніемъ лучшей отчизны, по которой тоскуетъ со дня созданія человѣкъ".

Съ этими особенностями русской пѣсни тѣсно связана другая черта народнаго характера, которая также отражается въ жизни и въ творчествѣ Гоголя. Я говорю о наклонности къ странствованіямъ. Въ той безконечной равнинѣ, среди которой протекаетъ наша жизнь, ничто не приковываетъ къ себѣ человѣка. Благодаря самому однообразію окружающей природы, онъ не чувствуетъ себя прикрѣпленнымъ къ какому - либо опредѣленному мѣсту. Отсюда, въ связи съ бѣдностью жизни,— необыкновенная подвижность русскаго человѣка: чѣмъ меньше удовлетворяетъ его окружающая дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе въ немъ влеченіе къ безпредѣльному, тѣмъ больше манитъ его дальняя дорога.

Отсюда у насъ—народный типъ странника, съ которымъ такъ часто сочетается типъ богоискателя. Сочетаніе это—вполнѣ естественно. Странствованія нашего народа связываются съ исканіемъ лучшей отчизны, во-первыхъ, потому, что они чаще всего вызываются тоской, страданіемъ, горемъ народ-

нымъ, словомъ—разочарованіемъ въ отчизнѣ здѣшней. Во-вторыхъ, влеченіе къ безпредѣльному, хотя оно и возбуждается созерцаніемъ безконечнаго пространства, однако, не находимъ себѣ удовлетворенія въ мірѣ земномъ, гдѣ человѣкъ ежеминутно натыкается на положенныя ему тѣсныя границы. Неудивительно поэтому, что среди русскаго простонародья странникъ считается и божьимъ человѣкомъ, при чемъ самое хожденіе по землѣ признается дѣломъ спасительнымъ, богоугоднымъ.

Въ жизни и дѣятельности Гоголя мы находимъ эти самыя черты народнаго типа. Онъ—по существу писатель-странникъ и богоискатель. Почти вся его литературная дѣятельность протекла среди безпрерывныхъ странствованій; и эти странствованія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ самой сущностью его творчества, съ основнымъ дѣломъ его жизни, которое для него было дѣломъ по существу религіознымъ. Онъ странствовалъ, во-первыхъ, потому, что всѣмъ существомъ своимъ испытывалъ тоску о Россіи здѣшней, дѣйствительной исторической и, во-вторыхъ, потому, что всѣмъ сердцемъ жаждалъ „Руси святой", соотвѣтствующей его религіозному идеалу.

Эти странствованія были для него одновременно исканіемъ Бога и исканіемъ Россіи. Въ „Перепискѣ съ друзьями" онъ объясняетъ, что то и другое—для него одно и то же. Любовь къ Богу безъ любви къ человѣку мертва: „Какъ полюбить Того, Кого никто не видалъ?" „Не полюбивши Россіи, не полюбить вамъ своихъ братьевъ, а не полюбивши своихъ братьевъ, не возгорѣться вамъ любовью къ Богу". Съ этимъ Гоголь связываетъ

мысль о паломничествѣ по Россіи; нужно „проѣздиться по Россіи“, чтобы ее полюбить, узнать и дѣятельно послужить ей. Напрасно было бы думать, что такой взглядъ на религіозное значеніе путешествій возникъ у Гоголя въ эпоху „Переписки съ друзьями“. Съ мыслью о его религіозномъ служеніи для него связывались всѣ его странствованія уже въ концѣ двадцатыхъ и въ тридцатыхъ годахъ. Уже въ 1829 году онъ пишетъ матери, что Богъ указалъ ему путь въ землю чужую. Такъ же въ 1836 году онъ объясняетъ свое заграничное путешествіе предначертаніемъ свыше. Въ письмахъ своихъ онъ вообще упоминаетъ о своихъ странствованіяхъ рядомъ съ „уединеніемъ“, „отлученіемъ отъ міра“, самоуглубленіемъ, молитвами.

Чтобы написать „Мертвыя души“, Гоголю нужно было сѣсть въ бричку вмѣстѣ съ Чичиковымъ; уже это одно достаточно освѣщаетъ необходимую связь между творчествомъ Гоголя и его странствованіями по Россіи. Но какое значеніе могли имѣть для этого по существу національнаго писателя его заграничныя путешествія?

Тутъ открывается передъ нами самая парадоксальная, и вмѣстѣ чрезвычайно интересная черта дѣятельности Гоголя: исканіе Россіи составляло цѣль его жизни, всю задачу его творчества. Но найти Россію онъ могъ только за границей.

Въ извѣстномъ лирическомъ мѣстѣ I тома „Мертвыхъ душъ“ онъ говоритъ: „Русь, Русь, вижу тебя; изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу“. Чтобы увидѣть Россію, Гоголь долженъ былъ отъѣхать отъ нея на разстояніе: вблизи ме-

лочныя подробности будничной жизни заполняютъ собою все поле зрѣнія и мѣшаютъ разсмотрѣть цѣлое. Онѣ давятъ на душу и задерживаютъ ея полетъ. Гоголь врядъ ли могъ бы вынести созерцаніе этой сѣрой, неприглядной Россіи, если бы темно-синее небо Италіи не бодрило его надеждой на міры иные. Неудивительно, что впослѣдствіи, въ „Авторской исповѣди“ Гоголь жалуется, что среди Россіи онъ почти не увидалъ Россіи: тутъ дѣйствительная Россія заслонялась множествомъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ о ней мнѣній. „Во все пребываніе мое въ Россіи,—говоритъ онъ,— Россія у меня въ головѣ разсѣивалась и разлеталась. Я не могъ никакъ ее собрать въ одно цѣлое; духъ мой упадалъ, и самое желаніе знать ее ослабѣвало. Но какъ только я выѣзжалъ изъ нея, она совокуплялась вновь въ моихъ мысляхъ цѣлой“.

Замѣчательно, что образъ Россіи, какъ цѣлаго, для Гоголя не отдѣлялся отъ странствованія, дороги. Извѣстно, что она являлась ему въ образѣ бѣшено скачущей тройки, которая „мчится вся вдохновенная Богомъ“. Онъ видѣлъ ее въ общемъ порывѣ, въ общемъ движеніи. Движеніе и есть то, что объединяетъ Русь въ одно цѣлое.

Въ этомъ образѣ обращаетъ на себя вниманіе его незаконченность. Гоголь ясно видѣлъ, какъ и откуда скачетъ тройка; но онъ не отдавалъ себѣ отчета, куда она несется. Съ этимъ связано то роковое противорѣчіе лирическихъ мѣстъ I тома „Мертвыхъ душъ“, въ которомъ выражается вся безысходная драма послѣдующаго періода литературной дѣятельности Гоголя. Съ одной стороны, художникъ чувствуетъ, что „все въ Россіи обратило

на него полныя ожиданія очи“. Родина жаждетъ узнать отъ него разгадку смысла своего существованія: она ждетъ отъ него откровенія новаго жизненнаго пути. Но вмѣсто отвѣта у него у самого вопросъ шевелится на устахъ: „Русь, куда же несешься ты! Дай отвѣтъ! Не даетъ отвѣта!“

Ясно, что основная задача остается здѣсь неразрѣшенною. Сказать, что національное существованіе есть быстрое движеніе, странствованіе, скачка,— значитъ ничего не сказать: ибо сущность движенія народа, значеніе этой вѣковой борьбы его съ пространствомъ опредѣляется ея цѣлью. Вмѣсто отвѣта на вопросъ о цѣли Гоголь даетъ только изображеніе самаго стремленія къ ней.

Мы хорошо знаемъ отношеніе этого движенія къ прошедшему русской жизни, отъ котораго удаляется наша тройка. Позади остаются пустынныя пространства и ничтожные люди—Маниловы, Плюшкины, Собакевичи, Коробочки. Изо всего этого намъ ничего не жаль; и мы съ радостью повторяемъ за Гоголемъ: „Чортъ побери все“. Но настроеніе наше въ корнѣ мѣняется, когда мы задумываемся о томъ, что ждетъ насъ впереди. Точно ли эта скачка въ неизвѣстное должна освободить насъ отъ гнетущихъ впечатлѣній? Не суждено ли намъ впослѣдствіи безконечное число разъ встрѣчать въ дорогѣ все тѣ же безобразія и натыкаться на тѣхъ же знакомыхъ намъ чудовищъ?

Неудивительно, что этотъ вопросъ оказался роковымъ для Гоголя: чтобы творить, ему надо было ясно видѣть путь свой передъ собой и знать, куда ведетъ онъ своего читателя. Въ молодости онъ, по собственному признанію, творилъ безза-

ботно и безотчетно: когда его давила грусть, онъ освобождался отъ нея смѣхомъ. Но съ годами это соловьиное пѣніе стало для него невозможнымъ: подъ вліяніемъ Пушкина онъ взглянулъ на дѣло серьезнѣе и относительно каждаго своего произведенія сталъ ставить вопросы—„зачѣмъ" и „для чего"; онъ понялъ, что раньше онъ смѣялся даромъ. Ему стало ясно, что не себя самого надо освобождать смѣхомъ отъ печали: надо дѣлать имъ живое общественное дѣло,—освобождать Россію отъ чудовищъ, изгонять изъ нея бѣсовъ. Ибо смѣхъ—могущественное орудіе борьбы, „насмѣшки боится даже тотъ, кто больше ничего на свѣтѣ не боится".

Въ „Ревизорѣ" нашъ авторъ задался задачей „собрать въ одну кучу" все дурное, что только есть въ Россіи, всѣ неправды, которыя тамъ творятся, чтобы однимъ разомъ посмѣяться надо всѣмъ. Но на томъ пути, который избралъ Гоголь, нельзя было ограничиться одной этой отрицательной задачей „очистки мусора". Надо было разрѣшить задачу положительную—найти путь правды. Вотъ почему послѣ „Ревизора" онъ почувствовалъ потребность въ сочиненіи болѣе полномъ, гдѣ было бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться. Вся Россія должна была предстать здѣсь во всей полнотѣ своихъ опредѣленій — тѣхъ высшихъ ея свойствъ, которыя должно цѣнить, и тѣхъ низшихъ, которыя заслуживаютъ осужденія.

Такъ ставилась задача „Мертвыхъ душъ"; но первоначально Гоголь приступилъ къ работѣ безъ обстоятельно продуманнаго плана. Онъ думалъ, что путешествіе Чичикова само наведетъ его на разнообразные характеры и положенія, гдѣ смѣш-

ное само собою перемѣшается съ трогательнымъ. Иначе говоря, Гоголь поступилъ, какъ тѣ странники изъ народа, которые, пускаясь въ дорогу, слѣпо вѣрятъ, что она сама приведетъ ихъ въ обитель, гдѣ правда живетъ. Но осквернены всѣ земныя обители. И безъ конца будетъ продолжаться странствованіе отъ монастыря къ монастырю, пока странникъ не пойметъ, что искомой имъ обители на землѣ нѣтъ вовсе, что она еще только должна быть выстроена.

Это самое и случилось съ Гоголемъ. Вмѣсто „святыхъ мѣстъ", коихъ онъ искалъ, бричка Чичикова заѣзжала въ одни только „опозоренныя святыни и мѣста". Вмѣсто „живыхъ душъ" попадались по дорогѣ только „мертвыя". Обманула его дальняя дорога, и тревога наполнила душу художника: онъ сталъ себя спрашивать: „зачѣмъ? къ чему это? Что долженъ сказать такой-то характеръ? Что должно выразить такое-то явленіе?".

Правъ или неправъ былъ Гоголь въ такой постановкѣ задачи? Могъ ли онъ продолжать творить безъ ясно сознанной цѣли и безъ плана? Такъ творилъ впослѣдствіи Чеховъ, который воспроизвелъ также безъ опредѣленнаго плана великое множество хмурыхъ, безсодержательныхъ и ничтожныхъ человѣческихъ типовъ. Но тутъ-то и сказывается различіе между талантомъ и геніемъ. Въ отличіе отъ Чехова Гоголю было недостаточно копировать жизнь: ему нужно было вскрывать ея смыслъ и двигать ее впередъ. Онъ требовалъ, чтобы въ каждомъ его созданіи жизнь сдѣлала новый шагъ и потому не повторялся. Чеховъ довольствовался изображеніемъ эфемерныхъ созданій, которыя рожда-

ются, прозябаютъ и исчезаютъ, какъ мыльные пузыри, не оставляя замѣтнаго слѣда на землѣ. Напротивъ, Гоголь, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ,—хотѣлъ творить существенное; своимъ искусствомъ онъ желалъ принести осязательную пользу себѣ и другимъ: оно связывалось у него „съ дѣломъ души“, съ „прочнымъ дѣломъ жизни“. Поэтому онъ не считаетъ себя въ правѣ возвращать жизни людей такими, какими онъ ихъ взялъ. И въ этомъ его взглядъ на искусство—неизмѣримо глубже чеховскаго.

Что же помѣшало Гоголю въ исполненіи задачи, столь ясно поставленной и столь глубоко сознанной? Почему не удалось ему сознательное искусство? Иные критики объясняютъ это паденіе таланта Гоголя „религіозностью“ его послѣдняго періода. Однако, новѣйшія изслѣдованія неопровержимо доказали, что эта религіозность была изначальнымъ свойствомъ его душевнаго склада: религіозное исканіе было вообще основнымъ мотивомъ его творчества; и изъ біографіи его не видно, чтобы его религіозныя воззрѣнія мѣнялись. Странности послѣднихъ произведеній нашего писателя нисколько не коренятся въ его религіозности; напротивъ, онѣ связываются съ нѣкоторыми причудливыми отступленіями отъ нея. „Христіанство“ добродѣятельнаго помѣщика Костанжогло не мѣшаетъ ему погружаться въ матеріальную жизнь съ головы до пятъ. Это—„тузъ хозяинъ“, который отъ своего христіанства богатѣетъ, какъ Крезъ, и обогащаетъ своихъ мужиковъ. Не менѣе странная фигура—откупщикъ Муразовъ, который наживаетъ

милліоны на народномъ пьянствѣ и проповѣдываетъ Чичикову покаяніе.

Но всего поразительнѣе здѣсь односторонность взгляда на религіозный идеалъ; въ „Перепискѣ“ онъ понимается исключительно какъ норма для индивидуальной, личной жизни; къ жизни общественной Гоголь не предъявляетъ никакихъ требованій. Онъ мирится съ существующимъ строемъ до крѣпостного права включительно и ждетъ спасенія общества отъ личныхъ добродѣтелей помѣщиковъ, чиновниковъ и въ особенности генералъ-губернаторовъ.

Словомъ, Гоголь не знаетъ христіанства, какъ живого общественнаго дѣла. И въ этомъ нельзя не видѣть побѣды старой Руси надъ художникомъ. Для изображенія правды въ общественныхъ отношеніяхъ тогдашняя государственная и общественная жизнь Россіи просто-на-просто не давала ему образовъ. Онъ могъ наблюдать сколько угодно частныхъ добродѣтелей, но онъ не могъ изображать ни общественнаго дѣла, ни общественныхъ дѣятелей, потому что ничего подобнаго въ Россіи въ то время не было.

Отсюда—бьющее въ глаза противорѣчіе дѣятельности Гоголя послѣдняго періода; съ одной стороны, онъ раскрылъ въ своихъ произведеніяхъ ужасающее общественное зло; съ другой стороны—отъ этого зла у него спасаютъ не общественныя силы, а изолированныя лица. Въ этомъ, а вовсе не въ религіозности Гоголя заключается фальшь всѣхъ его добродѣтельныхъ чиновничьихъ и помѣщичьихъ типовъ: неудивительно, что среди крѣпостного права ихъ блѣдная, безкровная праведность

оторвана отъ жизни. Гоголь очутился передъ заметенной снѣгомъ станціей и услышалъ извѣстный намъ окрикъ смотрителя вовсе не потому, что онъ руководствовался своимъ религіознымъ идеаломъ, а наоборотъ, потому что онъ отступилъ отъ него,—попытался совмѣстить его съ чудовищными, антихристіанскими порядками дореформенной Россіи.

Необходимымъ условіемъ воплощенія правды въ общественныхъ отношеніяхъ является всеобщее раскрѣпощеніе, осуществленіе частной и общественной свободы; крупная ошибка Гоголя заключалась въ томъ, что онъ этого не понималъ.

Но еще ошибочнѣе распространенное въ наше время мнѣніе, которое, наоборотъ, ждетъ спасенія общества исключительно отъ внѣшнихъ преобразованій. Именно это заблужденіе составляетъ главное препятствіе къ разрѣшенію поставленнаго нами вопроса,—почему Россія до сихъ поръ не вышла изъ того тупика, на который наткнулся Гоголь.

Со дня смерти Гоголя прошло болѣе полустолѣтія; съ тѣхъ поръ мы избавились отъ крѣпостного права и получили зачатки конституціонныхъ учрежденій. Три года тому назадъ, казалось, отъ Россіи зависѣло стать совсѣмъ свободной и осуществить всякую, даже самую дерзновенную мечту. Не мало было въ то время порывовъ высокаго идеализма. Лучшая часть русскаго общества жаждала правды. И вдругъ все рухнуло.

Опять мы видимъ Россію во власти темныхъ силъ. Разоблаченія послѣдняго времени обнажили ужасы не меньше тѣхъ, что были въ сороковыхъ годахъ. „Мертвыя души“ все еще не пережиты

нами: въ новыхъ формахъ нашей жизни таится старая гоголевская сущность.

Чѣмъ же обусловливается столь печальный исходъ нашей борьбы за достойныя человѣка условія существованія? Объясненіе мы найдемъ опять-таки у Гоголя, который, помимо способности наблюдать настоящее, обладалъ несомнѣннымъ даромъ провидѣть будущее. Среди полнаго затишья сороковыхъ годовъ онъ видѣлъ бѣшеную скачку русской тройки. Ничего подобнаго въ то время не происходило и, конечно, тогда Россія никого не обгоняла. Тутъ Гоголь, очевидно, не наблюдалъ, а предвидѣлъ, ибо чуялъ народный характеръ. Живая душа писателя почувствовала въ себѣ крылья, которыя уносили ее отъ „мертвыхъ душъ"; онъ вѣрилъ, что эти крылья рано или поздно вырастутъ у Россіи.

Въ 1905 году пророчество какъ будто бы сбылось. Тогда дѣйствительно тройка закусила удила, подхватила экипажъ, сбивала съ ногъ прохожихъ и наводила ужасъ на сосѣдей своимъ молніеноснымъ движеніемъ. До сихъ поръ съ подлиннымъ вѣрно; и только окончаніе внесло въ гоголевскій текстъ кое-какія дополненія.

Вѣрные національному инстинкту, кони мчались безъ возницы, не зная ни дисциплины, ни удержу. Не чувствуя возжей, освободившись отъ всякаго управленія, они подчинялись только стихійному стремленію къ безграничному простору и къ дикой волѣ. Но недолговѣченъ былъ порывъ и скоро смѣнился общимъ утомленіемъ. Безпорядочная скачка кого потоптала, кого устрашила. Тутъ, къ великой радости испуганныхъ обывателей, тройку поймала

твердая, но грубая рука. Съ тѣхъ поръ она покорно возитъ казенную корреспонденцію. А обывателямъ скорая ѣзда воспрещена надолго.

Отчего это случилось? Прежде всего отъ той экстенсивности національнаго характера, которая воспиталась въ борьбѣ съ пространствомъ, отъ нашей ненависти ко всему, что носитъ на себѣ печать какого-либо предѣла, отъ нашей неспособности въ чемъ-либо себя обуздать и ограничить. Мы захотѣли однимъ взмахомъ перелетѣть безграничное пространство; когда это не удалось, у насъ разомъ опустились руки. Русскому нужно или все, или ничего: все относительное его не интересуетъ. Все ограниченное разрушается его тоской по безпредѣльному.

Другая причина неудачи въ томъ, что недостаточно сильна была наша вѣра въ Россію; не было и прозрѣнія въ смыслъ ея историческаго существованія. Рабскій образъ Россіи для многихъ заслонялъ ту внутреннюю духовную Россію, то лучшее народное „я", которое оправдываетъ всѣ наши жертвы. Тутъ опять, какъ и въ поэтическомъ видѣніи Гоголя, было видно, откуда скачетъ тройка, но не было вполнѣ ясно,—куда она несется. Передъ нашимъ духовнымъ взоромъ было обнажено все то, что мы ненавидимъ; но предметъ нашей любви оставался скрытымъ въ туманномъ отдаленіи. Нѣкоторые изъ насъ сомнѣвались въ Россіи, другіе ее отрицали; иные отожествляли ее съ тѣмъ игомъ, отъ котораго надлежитъ освободиться. Но безъ вѣры невозможно горъ передвигать. Когда ее нѣтъ, во имя чего же бороться, ради чего жертвовать собой! Вотъ почему такъ скоро уныніе овладѣло

нами и наше безпредѣльное пространство теперь насъ не радуетъ, а давитъ своей пустотой.

Все тѣ же тревоги преслѣдуютъ насъ, какъ и въ дни Гоголя; все тотъ же неотвязчивый вопросъ стоитъ передъ нами. Отчего мы до сихъ поръ будто не у себя дома? Отчего, несмотря на многовѣковыя усилія, русскому народу до сихъ поръ не удалось обезпечить себѣ не только благоустройство, но даже сколько-нибудь сносное существованіе? Почему въ этомъ отношеніи мы тоже далеко отстали не только отъ западныхъ, но и отъ восточныхъ нашихъ сосѣдей? Превосходятъ ли они насъ дарованіями. Являются ли они по отношенію къ намъ высшими расами? Нѣтъ, но они превосходятъ насъ своимъ реализмомъ: они цѣнятъ относительное, осуществимое и въ достиженіи ограниченныхъ результатовъ проявляютъ огромное упорство. Народъ, родившій Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Толстого,—конечно, не обдѣленъ даромъ генія. До сихъ поръ насъ губитъ скорѣе отсутствіе даровъ меньшихъ.

Тѣ недостатки, которые всего больше намъ вредятъ, тѣсно связаны съ нашими положительными качествами. Они составляютъ какъ бы оборотную сторону медали. Говоря о нашей житейской безпомощности, какъ не вспомнить замѣчаніе Гоголя о томъ, что русская пѣснь идетъ мимо жизни и не обнаруживаетъ къ ней привязанности!.. Все, что было въ Россіи творчества, всегда устремлялось къ безусловному, безотносительному, горнему. Въ насъ есть глубокій идеализмъ, который не мирится съ духовнымъ мѣщанствомъ, съ мелкими заботами о филистерскомъ, буржуазномъ благо-

полученiи, и въ этомъ—цѣнное качество нашего народнаго характера. Но этотъ идеализмъ утрачиваетъ свою жизненную силу, когда онъ впадаетъ въ крайность отрицанiя относительнаго: этимъ онъ лишаетъ себя возможности проникнуть въ нашу земную жизнь, гдѣ безусловное Добро еще не совершилось, а только совершается. Кто хочетъ цѣли, тотъ долженъ хотѣть и средства; поэтому съ точки зрѣнiя идеала безусловнаго совершенства слѣдуетъ привѣтствовать всякое приближенiе къ добру, всякое относительное усовершенствованiе. Иначе самый идеализмъ превращается въ каррикатуру, становится маской для лѣни, удобнымъ предлогомъ, чтобы ничего не дѣлать! Если добыть себѣ полную свободу—не въ нашей власти, то слѣдуетъ ли отсюда, что мы должны мириться съ рабствомъ? Если мы не въ состоянiи однимъ скачкомъ достигнуть царства правды, то можетъ ли это послужить оправданiемъ той безграничной неправды, которая царитъ въ русской землѣ? Если мы не въ состоянiи превратить Россiю въ царство небесное, то неужели на этомъ основанiи мы должны прекратить борьбу противъ надвигающагося ада?

Максимализмъ можетъ быть не созидательнымъ, а только разрушительнымъ началомъ. Творчество выражается не въ прямолинейномъ отрицанiи всякихъ границъ, не въ утвержденiи той отвлеченной безпредѣльности, которая превращаетъ жизнь въ пустыню. Напротивъ, оно вноситъ предѣлъ въ безпредѣльное. Надо разъ навсегда покончить съ правиломъ: „или все, или ничего“;—иначе изъ насъ ничего и не выйдетъ. Можно такъ или иначе объяснять нашу житейскую неумѣлость

и безпомощность, но мириться съ ней—преступно. Ибо это равносильно отказу отъ того живого дѣла, котораго прежде всего требуетъ отъ насъ правда. Идеалу измѣняетъ не тотъ, кто совершаетъ къ нему трудный, долгій путь восхожденія, а именно тотъ, кто отвергаетъ ведущія къ нему ступени и, гнушаясь труда, складываетъ руки.

Рано или поздно въ нашемъ общественномъ сознаніи утвердится та истина, которая въ послѣдніе дни его жизни была завѣтной мыслью Гоголя, что путь къ идеалу есть лѣстница. Какъ бы dологъ и труденъ ни былъ этотъ путь, онъ долженъ быть пройденъ до конца. Но, чтобы найти въ себѣ потребныя для этого силы, намъ нужно всѣмъ сердцемъ вѣрить въ ту цѣль, къ которой мы идемъ. Надо никогда не ослабѣвать въ исканіи Россіи и сквозь бѣдность окружающей жизни умѣть различать ея идеальный, духовный обликъ. Когда-нибудь она побѣдитъ и наполнитъ содержаніемъ то безпредѣльное пространство, съ которымъ она нынѣ борется: оно перестанетъ быть пустымъ и безпріютнымъ. Въ этомъ порукой намъ наше великое искусство, которое заселяетъ пустыню образами,—тотъ геніальный творческій даръ, который явился въ произведеніяхъ нашихъ художниковъ. Любовь къ Россіи родила эти чудные образы и звуки, и творческая сила этой любви доказываетъ, что жива Россія. По слову Достоевскаго красота спасетъ міръ. Будемъ же вѣрить въ тотъ дивный, прекрасный, новый міръ, въ которомъ само пространство станетъ пѣснью. Въ немъ родина—навѣки наша.

Тотъ странникъ-богоискатель, который всегда

жилъ въ лучшихъ произведеніяхъ русской литературы, когда-нибудь достигнетъ цѣли своихъ странствованій и найдетъ ту Россію, которую всѣ мы ищемъ. И какъ бы ни были необходимы внѣшнія преобразованія, ими одними это не будетъ достигнуто: по вѣщему слову Гоголя, для этого нужны внутреннее дѣло души, прочное дѣло жизни.

ПОХОРОНЫ С. А. МУРОМЦЕВА.

1. БІОГРАФІЯ С. А. МУРОМЦЕВА.

Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ родился 23-го сентября 1850 года въ Петербургѣ. Онъ происходилъ изъ старинной дворянской семьи, воспитывался въ 3-й московской гимназіи и затѣмъ поступилъ въ московскій университетъ на юридическій факультетъ. По окончаніи курса въ университетѣ С. А. слушалъ лекціи знаменитаго профессора Рудольфа ф.-Іеринга въ Геттингенѣ. Вернувшись въ Россію, онъ защитилъ въ 1875 году магистерскую диссертацію: „О консерватизмѣ въ римской юриспруденціи“ и былъ избранъ доцентомъ римскаго права, въ качествѣ преемника Н. И. Крылова, своего бывшаго наставника, къ памяти котораго С. А. всегда сохранялъ глубокое уваженіе. „Въ жизни человѣка нѣтъ періода свѣтлѣе молодости, нѣтъ болѣе дорогихъ воспоминаній, чѣмъ воспоминанія о минутахъ напряженной и благой умственной работы“. Таковы именно воспоминанія С. А. о своихъ студенческихъ годахъ; они тѣсно у него связаны съ дорогимъ для него образомъ Н. И. Крылова. Это были годы серьезной работы на студенческой

скамьѣ, — работы, которая послужила преддверіемъ къ послѣдующимъ самостоятельнымъ научнымъ трудамъ. Наставникъ нашелъ талантливаго ученика въ молодомъ начинающемъ ученомъ, которому суждено было стать его преемникомъ. Черезъ два года, по защитѣ диссертаціи „Очерки общей теоріи гражданскаго права", С. А. получилъ степень доктора и былъ избранъ экстраординарнымъ, а затѣмъ и ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ римскаго права. Въ 1880—1881 г. С. А. занималъ постъ проректора московскаго университета. Но профессорская дѣятельность С. А. продолжалась недолго. Въ 1884 году онъ принужденъ былъ оставить каѳедру и вступилъ въ присяжные повѣренные округа московской судебной палаты. Это произошло по „независящимъ обстоятельствамъ". Тогда вводился пресловутый университетскій уставъ 1884 года. Было предпринято воздѣйствіе на профессорскія корпораціи, живыя силы отметались. С. А. былъ устраненъ отъ университетскаго преподаванія. Тѣмъ не менѣе и за короткій срокъ профессорскаго служенія С. А. успѣлъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ факультетѣ.

Но хотя профессорская дѣятельность С. А. и оборвалась такъ скоро, его учено-литературная дѣятельность безостановочно продолжалась и развивалась. Продолженіемъ его магистерской и докторской диссертацій въ области установленія основныхъ задачъ и методовъ изученія права явились его работы: „Опредѣленіе и основное раздѣленіе права", „Гражданское право древняго Рима", „Рецепція римскаго права на Западѣ",

С. А. Муромцевъ.

„Что такое догма права?", „Очерки общей теоріи гражданскаго права", „Ученіе нѣмецкихъ юристовъ объ образованіи права" и др. Эти труды доставили С. А. громкую извѣстность не только въ Россіи, но и среди ученыхъ юристовъ Западной Европы. Кромѣ названныхъ капитальныхъ трудовъ, составляющихъ громадный вкладъ въ науку гражданскаго правовѣдѣнія, С. А. принадлежитъ цѣлый рядъ высоко цѣнныхъ юридическихъ статей, помѣщенныхъ и въ спеціальныхъ, и въ общихъ органахъ печати,—статей, проникнутыхъ тѣми же высокими культурными идеалами и тѣмъ же широкимъ философски и научно-обоснованнымъ пониманіемъ задачъ права, которыя легли въ основу его главныхъ научныхъ трудовъ. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Судъ и законъ въ гражданскомъ правѣ" (*Юридическій Вѣстникъ*, 1880 г., № 11), „Творческая сила юриспруденціи" (тамъ же, 1887 г., № 9), „Право и справедливость" („Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній", II) и др.

Въ тѣсной связи съ ученой дѣятельностью С. А. стоитъ его дѣятельность въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, гдѣ онъ занялъ мѣсто предсѣдателя непосредственно послѣ проф. В. Н. Лешкова, одного изъ основателей Общества. Роль и значеніе Московскаго Юридическаго Общества въ культурномъ служеніи задачамъ права и юридическаго образованія общеизвѣстны. Общество являлось средоточеніемъ московскаго юридическаго міра: въ него входили и юристы-теоретики, и юристы-практики, профессора, магистратура, адвокаты, земскіе дѣятели. Состоя предсѣдателемъ

Общества, своими трудами и руководительствомъ С. А. способствовалъ его процвѣтанію и широкому и плодотворному служенію научнымъ и общественнымъ интересамъ. Одновременно С. А. состоялъ и редакторомъ, съ 1879 по 1892 г., *Юридическаго Вѣстника*, издававшагося Московскимъ Юридическимъ Обществомъ, который также сыгралъ выдающуюся роль въ развитіи русской юридической мысли. Въ октябрѣ 1892 года состоялось распоряженіе о подчиненіи *Юридическаго Вѣстника* предварительной цензурѣ. Общество постановило прекратить изданіе журнала. Взамѣнъ журнала съ 1893 года сталъ выходить отдѣльными томами „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній", въ которомъ помѣщались протоколы засѣданій и работъ Общества. „Независящія обстоятельства" однако непрестанно стояли на пути общественной дѣятельности С. А. Юридическое Общество оказалось также недолговѣчнымъ. Въ маѣ 1899 года Юридическое Общество по приглашенію Общества любителей россійской словесности и по предложенію совѣта московскаго университета приняло участіе въ празднованіи столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина. С. А., въ качествѣ предсѣдателя Общества, прочелъ въ торжественномъ собраніи 26-го мая составленное имъ привѣтствіе. „Празднуя нынѣ память поэта,—заканчивалось это привѣтствіе,—мы торжествуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду, одержанную русской личностью надъ рутиною жизни и властной опеки". Но „власть рутины" оказалась достаточно сильной. Черезъ полтора мѣсяца послѣ того попечитель московскаго учебнаго округа увѣдомилъ, что

министръ народнаго просвѣщенія призналъ необходимымъ закрыть Общество.

Перу С. А. принадлежатъ въ печати не только юридическія статьи. Имъ написано немало публицистическихъ статей, которыя были помѣщены въ *Порядкѣ, Вѣстникѣ Европы, Русскихъ Вѣдомостяхъ* и др. Мы пользовались драгоцѣннымъ сотрудничествомъ С. А. многіе годы и теряемъ въ его лицѣ одного изъ старѣйшихъ нашихъ сотрудниковъ. Статьи, относящіяся къ первой половинѣ 80-хъ годовъ, теперь собраны въ недавно появившемся III выпускѣ „Статей и рѣчей С. А. Муромцева". Предыдущіе два выпуска названнаго изданія, редактировавшагося самимъ С. А., содержатъ написанныя покойнымъ и разсѣянныя по разнымъ органамъ печати небольшія статьи, некрологи, воспоминанія и рѣчи, произнесенныя на съѣздѣ русскихъ юристовъ и въ московскомъ юридическомъ Обществѣ. Изданіе было только начато. Оно должно было явиться цѣннымъ собраніемъ всѣхъ статей, рѣчей и работъ С. А. Въ него должны были войти и судебныя рѣчи С. А., которыя имѣютъ весьма большую юридическую и общественную цѣнность. По прекращеніи профессорской дѣятельности С. А. вступилъ въ ряды адвокатуры, гдѣ вскорѣ занялъ также одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ былъ членомъ московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Обладая громадными теоретическими знаніями, ученый юристъ сталъ блестящимъ юристомъ-практикомъ, пріобрѣтшимъ всероссійскую извѣстность, въ качествѣ одного изъ лучшихъ цивилистовъ. И здѣсь С. А. внесъ живую творческую струю, которая плодотворно

обнаруживалась на судебной практикѣ. Къ консультаціи С. А. считали необходимымъ прибѣгать въ каждомъ болѣе значительномъ и сложномъ дѣлѣ, возникавшемъ въ гражданской практикѣ.

Съ каждымъ годомъ общественная дѣятельность С. А. росла и ширилась. Не только университетъ, ученыя Общества, юридическій міръ, судебныя установленія и печать составляли его арену дѣятельности. С. А. уже давно сталъ принимать дѣятельное участіе въ городскихъ и земскихъ дѣлахъ, въ качествѣ гласнаго московскаго и тульскаго земскихъ собраній и московской городской Думы. Это его участіе особенно расширилось, когда темпъ земской жизни усилился. Когда въ русской общественной жизни стали обнаруживаться новыя вѣянія и теченія, С. А. становится въ ряды дѣятелей новаго общественнаго движенія. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ „земскихъ съѣздахъ", сыгравшихъ такую выдающуюся роль въ недавнемъ нашемъ „освободительномъ движеніи". Онъ участвовалъ также въ томъ извѣстномъ ноябрьскомъ совѣщаніи земскихъ дѣятелей, которое впервые открыто выставило конституціонныя требованія. Съ этого времени общественная дѣятельность С. А. получила новое поприще. Съ момента пробужденія болѣе широкой политической жизни С. А. выступаетъ въ роли политическаго дѣятеля въ рядахъ конституціонно-демократической партіи.

Будучи членомъ 1-й Государственной думы, С. А., какъ извѣстно, былъ избранъ ея предсѣдателемъ. Въ 1906 г. юридическій факультетъ московскаго университета единогласно сдѣлалъ совѣту



университета представленіе объ избраніи С. А. вновь въ профессора университета, и совѣтъ единогласно возбудилъ объ этомъ ходатайство. Слѣдствіемъ этого ходатайства С. А. Муромцевъ 24 іюня 1906 г. Высочайшимъ приказомъ былъ опредѣленъ сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ московскаго университета, каковую должность занималъ до самой смерти. Участвуя вмѣстѣ съ другими членами первой Думы въ подписаніи выборгскаго воззванія, С. А. подвергся извѣстнымъ послѣдствіямъ обвинительнаго приговора—ограниченію въ избирательныхъ правахъ, почему ему пришлось отказаться отъ работы и въ земствѣ и въ думѣ, почему, послѣ отбытія 3-мѣсячнаго тюремнаго заключенія за составленіе выборгскаго воззванія, онъ всецѣло отдался адвокатской практикѣ, научной дѣятельности, и преподаванію. До 1906 г. С. А. Муромцевъ былъ преподавателемъ Императорскаго александровскаго лицея въ Петербургѣ и читалъ лекціи въ другихъ учрежденіяхъ. Покойнымъ написано много сочиненій и цѣнныхъ статей по юридическимъ вопросамъ; нѣкоторые изъ нихъ переведены на иностранные языки. С. А. Муромцевъ былъ и лично извѣстенъ за границей, такъ какъ нѣсколько разъ командировался туда университетомъ и слушалъ въ заграничныхъ университетахъ лучшихъ профессоровъ.

Скончался С. А. въ гостиницѣ „Національ“.

Здѣсь онъ жилъ послѣднія три недѣли пріѣзжая сюда только ночевать и проводя цѣлые дни у себя въ квартирѣ, на Срѣтенкѣ, въ д. страхового общества „Россія“. Покойному пришлось

временно перекочевать сюда, изъ своей квартиры, благодаря тѣснотѣ создавшейся послѣ пріѣзда семьи, проживающей обыкновенно большею частью въ Парижѣ.

До двухъ часовъ въ роковую ночь С. А. провелъ въ тѣсномъ кругу семьи. Былъ оживленъ, веселъ. Много шутилъ, смѣялся. Ничто не говорило о близкой смерти, о столь близкомъ печальномъ концѣ.

Безъ мрачныхъ предчувствій, которыя такъ часто волнуютъ людей передъ смертью, С. А. пріѣхалъ послѣ двухъ часовъ ночи въ гостиницу „Національ". Поднялся на четвертый этажъ, гдѣ занималъ скромный, небольшой уютный номерокъ № 409, съ окнами, открывавшими видъ на всю Москву.

Ложась спать, онъ звонкомъ пригласилъ коридорнаго и просилъ разбудить его въ 7 час. утра. Слѣдуетъ замѣтить, что С. А. неизмѣнно вставалъ въ этотъ часъ, всегда начиная такъ рано свои дни, заполненные вѣчной работой. Послѣ ухода коридорнаго въ номерѣ все стихло. С. А. улегся спать.

Утромъ, нѣсколько позже обыкновеннаго, коридорный подошелъ къ двери, чтобы разбудить С. А., но былъ нѣсколько удивленъ, замѣтивъ отсутствіе у дверей обуви, которую покойный аккуратно выставлялъ каждое утро. Сталъ служащій стучать тихо въ дверь. Отвѣта не было. Онъ усилилъ стукъ, но и на это не послѣдовало отвѣта. Встревоженный коридорный далъ знать въ контору. Дверь была вскрыта.

На кровати, стоявшей у стѣны, лежалъ съ

спокойно сомкнутыми глазами, прикрытый одѣяломъ, тотъ, чье имя такъ волнующе близко всему русскому обществу, лежалъ, заснувши вѣчнымъ сномъ, славный и стойкій рыцарь русскаго народнаго представительства.

Прибывшій врачъ опредѣлилъ то, что всѣмъ было уже ясно,—неожиданную смерть С. А. Умеръ покойный отъ разрыва сердца, и, судя по всему, умеръ раннимъ утромъ, не дождавшись стука въ дверь, который долженъ былъ призвать его къ жизни, къ трудовому дню. Небольшой номерокъ „Національ“, ставшій отнынѣ памятнымъ уголкомъ, какъ мѣсто смерти великаго и благороднаго гражданина, наполнился близкими друзьями покойнаго.

2. ОТКЛИКЪ „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ НА СМЕРТЬ МУРОМЦЕВА.

Умеръ Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ... Эта вѣсть разнесется по всему міру, какъ вѣсть о тяжкой нашей національной утратѣ. Муромцевъ-ученый давно составляетъ славу русской науки. Муромцевъ-профессоръ вписалъ блестящую страницу въ исторію московскаго университета. Муромцевъ-публицистъ, журналистъ, редакторъ, — редакторъ незабвеннаго *Юридическаго Вѣстника*, которому столько обязано своимъ политическимъ самосознаніемъ русское общество,—будетъ извѣстенъ нашимъ отдаленнымъ потомкамъ. Муромцевъ-адвокатъ—звѣзда первой величины, свѣтъ которой еще долго будетъ сіять для русскаго

суда. Муромцевъ-общественный дѣятель, земецъ и городской гласный перейдетъ въ исторію, какъ яркій представитель того наслоенія русскихъ общественныхъ дѣятелей, которымъ удалось сохранить душу живу въ земскомъ дѣлѣ среди жесточайшей реакціи конца XIX вѣка. Каждой изъ этихъ заслугъ было бы достаточно, чтобы стяжать право на неувядаемую благодарную память отечества. Но съ именемъ Муромцева для всей Россіи, начиная отъ его ближайшихъ друзей и кончая его злѣйшими врагами, и не только для современниковъ, но и для потомства, связано нѣчто неизмѣримо большее, нежели всѣ эти его дѣйствительно громадныя заслуги. И это нѣчто, эта заслуга изъ заслугъ, сдѣлало изъ имени Муромцева символъ, который никогда не умретъ, пока живетъ Россія.

Муромцевъ при жизни для всѣхъ русскихъ и даже для всѣхъ европейцевъ сталъ *исторической личностью*, потому что его именемъ начинается русская конституціонная исторія. Что бы насъ ни ожидало въ будущемъ, чрезъ какія бы испытанія ни суждено было пройти нашему отечеству, какія бы великія событія ни украсили грядущій нашъ историческій путь,—сквозь гулъ вѣковъ самой мятежной политической жизни пронесутся и никогда не замрутъ первыя слова перваго избранника первоизбранниковъ русскаго народа,—знаменательныя слова перваго предсѣдателя русскаго парламента: „Совершается великое дѣло, воля народа получаетъ свое выраженіе въ формѣ правильнаго, постоянно дѣйствующаго, на неотъемлемыхъ законахъ основаннаго законодательнаго

учрежденія. Великое дѣло налагаетъ на насъ и великій подвигъ, призываетъ къ великому труду".

Въ охотникахъ затормозить великое дѣло и помѣшать великому труду не было, нѣтъ и не будетъ недостатка. Но конечное торжество великаго дѣла новой Россіи несомнѣнно, неизбѣжно, неотвратимо. Муромцеву выпало великое счастье первому *открыто* водрузить знамя новой свободной Россіи на томъ мѣстѣ, гдѣ оно будетъ развѣваться, во что бы то ни стало, вѣка и вѣка. Въ великой работѣ, начатой 27-го апрѣля 1906 г. первоизбранниками русской земли, Сергѣю Андреевичу Муромцеву принадлежала огромная, быть можетъ, самая тяжелая и несомнѣнно самая отвѣтственная часть. И онъ до конца выполнилъ свой долгъ, съ честью совершилъ свой дѣйствительно великій подвигъ. И если мы теперь стоимъ передъ новой безвременной могилой, то ни для кого не должно быть тайной, какая жертва здѣсь была принесена въ борьбѣ за освобожденіе родины. Кто зналъ Муромцева, являвшаго въ своемъ лицѣ рѣдкій примѣръ здороваго духа въ здоровомъ тѣлѣ, кто зналъ его до первой Думы и видѣлъ послѣ ея роспуска и послѣ тюрьмы, для того нѣтъ неожиданности въ этой слишкомъ скорой побѣдѣ смерти... Но имя Муромцева безсмертно. Въ русской политической жизни къ первому предсѣдателю Государственной Думы какъ нельзя болѣе примѣнимы слова, сказанныя поэтомъ о Пушкинѣ: „Его, какъ первую любовь, Россіи сердце не забудетъ!"

3. ПЕРВОИЗБРАННИКЪ НАРОДА.

Цѣльный, законченный образъ съ твердыми и ясными линіями, какъ-будто изваянный рѣзцомъ художника, богатое духовное содержаніе, нашедшее себѣ воплощеніе въ достойныхъ его, удивительно изящныхъ въ своей строгой простотѣ внѣшнихъ формахъ... Русская общественная жизнь не щедра на явленія такого рода... Но таковъ былъ обликъ Сергѣя Андреевича, такимъ онъ на нашихъ глазахъ перешелъ въ исторію.

Онъ былъ ученымъ и, въ основѣ своей,—прежде всего ученымъ. Это былъ сильный, логическій умъ, въ высокой степени одаренный способностью къ тѣмъ формамъ абстрактнаго мышленія, которыя составляютъ внутреннюю сущность догматической юриспруденціи и которыя роднятъ ее съ математикой. Онъ глубоко понималъ и живо чувствовалъ ту формально-логическую сторону права, которая часто оставляется въ незаслуженномъ пренебреженіи въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, бѣдныхъ опытомъ правовой жизни. Со стороны людей иного склада ума это навлекало на него иногда упреки въ формализмѣ. Онъ дѣйствительно высоко цѣнилъ право не только какъ практическое средство осуществленія тѣхъ или иныхъ очередныхъ потребностей времени, но какъ вѣчное, устрояющее и организующее начало общежитія. Но его формализмъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ хорошо знакомымъ намъ формализмомъ, который тяжелымъ, мертвымъ бременемъ гнететъ и давитъ жизнь. Его формализмъ былъ живымъ и творческимъ; онъ шелъ по тому

же пути, по которому шелъ формализмъ цивилистовъ древняго Рима и конституціоналистовъ Англіи. С. А. подобно имъ имѣлъ даръ вливать въ старыя юридическія формы новое содержаніе, создавать на почвѣ дѣйствующаго права новыя комбинаціи, открывающія путь къ удовлетворенію назрѣвшихъ нуждъ и къ постепенному преобразованію старыхъ учрежденій.

Цивилистамъ знакомы замѣчательныя конструкціи этого рода, явившіяся плодомъ его адвокатской и консультаціонной практики. Но быть-можетъ, въ еще большей мѣрѣ упомянутый даръ его нашелъ себѣ приложеніе въ области публичнаго права, на поприщѣ общественной и государственной дѣятельности.

Въ этомъ отношеніи С. А. Муромцевъ представлялъ собой знаменательное и въ извѣстномъ смыслѣ пророческое явленіе русской жизни.

„Мы были какъ-будто не въ городской Думѣ, а въ школѣ парламентаризма“,—такія слова пришлось однажды, очень давно, мнѣ слышать отъ одного изъ противниковъ С. А. объ его участіи въ одномъ изъ засѣданій московской Думы. Слова эти были сказаны съ ироніей и раздраженіемъ, но,—незавѣдомо для говорившаго,—звучали высшей хвалой. Дѣйствительно, въ самую глухую пору абсолютизма, задолго до освободительнаго движенія С. А. не только былъ носителемъ и учителемъ началъ правоваго государства, но самъ въ своей общественной дѣятельности былъ живымъ ихъ воплощеніемъ. Въ лицѣ его мы имѣли уже замѣчательнаго парламентарія задолго до появленія у насъ перваго парламента. Онъ пока-

залъ намъ, какъ предсѣдательствуютъ въ представительномъ политическомъ собраніи, прежде чѣмъ принципъ представительства былъ воспринятъ нашими основными законами. Не даромъ англичане, компетентные судьи въ этомъ вопросѣ, удивлялись тѣмъ стройнымъ формамъ, въ которыя вылились подъ его предсѣдательствомъ наши земско-городскіе съѣзды, и видѣли въ нихъ прямыхъ и близкихъ предвозвѣстниковъ русскаго парламента. Не мудрено, что когда настало время собраться первой Государственной Думѣ, вопроса о томъ, кому стать во главѣ ея, въ сущности и не было: С. А. Муромцевъ заранѣе былъ указанъ для этого общимъ голосомъ.

Дѣятельность С. А. какъ предсѣдателя Государственной Думы, стяжавшая ему неувядаемую славу, слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы нужно было распространяться о ней. Уже многіе вспоминали въ печати его первую рѣчь, его призывъ къ уваженію прерогативъ конституціоннаго монарха и къ осуществленію правъ, вытекающихъ изъ самой природы народнаго представительства,—призывъ, въ которомъ сочетаніе писанныхъ положеній и неписанныхъ принциповъ, лежащее въ основѣ конституціоннаго права, нашло такое удивительно-глубокое и мѣткое выраженіе. Всѣмъ памятны хорошо не только формально, но и внутренно высокое, въ полномъ смыслѣ слова надпартійное положеніе, занятое имъ въ Думѣ, его неусыпная забота объ огражденіи достоинства и правъ парламента, внушившая ему между прочимъ незабываемый отвѣтъ тогдашнему предсѣдателю совѣта министровъ на формальный отводъ

запроса Думы,—отвѣтъ, гласившій, что охрана достоинства государственныхъ учрежденій составляетъ „постоянный предметъ заботъ Государственной Думы“. Такіе отвѣты не придумываются; они выливаются изъ существа человѣка.

Высоко одаренный, крѣпкій духомъ и тѣломъ, уравновѣшенный и надѣленный выдающейся способностью къ самообладанію, С. А. принадлежалъ къ числу людей того типа, которые въ другихъ странахъ и при другихъ условіяхъ кончаютъ обыкновенно жизнь въ преклонныхъ годахъ, „насытившись днями“, видя вокругъ себя практическіе плоды своей работы и радуясь имъ. Русская жизнь судила „первоизбраннику народа“ иное. Его судьба тѣсно сплелась съ трагическимъ конфликтомъ нашей политической жизни. Удары, которые онъ добровольно принялъ на свою голову, не могли ни пригнуть, ни сломить его духа.

Въ залѣ суда, въ стѣнахъ Таганской тюрьмы мы видѣли передъ собой все того же непоколебимаго, во всемъ неизмѣнно вѣрнаго себѣ Муромцева. Едва ли кто слышалъ отъ него о томъ, что онъ пережилъ въ себѣ за послѣдніе годы; но знавшіе его могли догадываться о томъ, что долженъ былъ пережить человѣкъ, бывшій живымъ символомъ народныхъ надеждъ послѣ ихъ крушенія.

И этотъ трагическій отблескъ затаеннаго въ себѣ великаго страданія дополняетъ для насъ послѣднимъ штрихомъ его образъ, дѣлаетъ его еще болѣе близкимъ, дорогимъ намъ...

Θ. Кокошкинъ.

4. РѢЧЬ С. А. МУРОМЦЕВА ПРИ ИЗБРАНІИ ПРЕДСѢДАТЕЛЕМЪ ДУМЫ.

Кланяюсь Государственной Думѣ. Не нахожу въ достаточной мѣрѣ словъ для того, чтобы выразить благодарность за ту честь, которую вамъ, господа, угодно было мнѣ указать. Но настоящее время—не время для выраженія личныхъ чувствъ. Избраніе предсѣдателя Государственной Думы представляетъ собою первый шагъ на пути организаціи Думы въ Государственное учрежденіе. Совершается великое дѣло, воля народа получаетъ свое выраженіе въ формѣ правильнаго, постоянно дѣйствующаго, на неотъемлемыхъ законахъ основаннаго, законодательнаго учрежденія.

Великое дѣло налагаетъ на насъ и великій подвигъ, призываетъ къ великому труду. Пожелаемъ другъ другу и самимъ себѣ, чтобы у всѣхъ насъ достало силъ для того, чтобы вынести его на своихъ плечахъ на благо избравшаго насъ народа, на благо родины. Пусть эта работа совершится на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, истекающихъ изъ самой природы народнаго представительства.

5. ПОХОРОНЫ МУРОМЦЕВА.

Похороны С. А. Муромцева по своей поистинѣ грандіозной обстановкѣ—выдающееся событіе въ русской жизни. Отдать послѣдній долгъ славному

предсѣдателю первой Государственной Думы явился цвѣтъ русской интеллигенціи: выдающіеся представители науки и литературы, видные политическіе дѣятели, сотоварищи покойнаго по работѣ въ Государственной Думѣ и длинный рядъ депутацій отъ учебныхъ заведеній, адвокатуры, просвѣтительныхъ и иныхъ Обществъ и разнообразныхъ организацій не только Москвы и Петербурга, но и многихъ провинціальныхъ городовъ. Имя С. А. Муромцева объединило вокругъ похороннаго кортежа многіе десятки тысячъ людей всѣхъ сословій и состояній, и похороны его получили характеръ всенародный.

Процессію открывали 23 колесницы съ вѣнками, за ними за цѣпью студентовъ шествовали депутаціи. Впереди шли профессора университета, Императорскаго техническаго училища, высшихъ женскихъ курсовъ, народнаго университета имени Шанявскаго, инженернаго училища, харьковскаго юридическаго факультета, клиники нервныхъ болѣзней, Общества распространенія коммерческаго образованія, Общества для усиленія средствъ университета имени Шанявскаго, Императорскаго русскаго техническаго Общества, лиги равноправія женщинъ, русскаго Общества врачей въ память Пирогова, совѣта педагогическихъ курсовъ Общества воспитательницъ и учительницъ. Затѣмъ слѣдовали депутаціи: студентовъ-поляковъ, вольнослушателей московскаго университета, сельскохозяйственныхъ женскихъ курсовъ, студенты Императорскаго техническаго училища, студенты-клиницисты, слушательницы педагогическихъ курсовъ, группа польскаго студенчества, студенты Констан-

тиновскаго межевого института, сельскохозяйственнаго, Лазаревскаго институтовъ, училища живописи, ваянія и зодчества, студенты инженернаго училища, университета имени Шанявскаго, слушательницы различныхъ частныхъ женскихъ высшихъ курсовъ, учащіеся Пречистенскихъ курсовъ, студенты коммерческаго института, группа студентовъ-государствовѣдовъ и другія студенческія организаціи. За студенческими землячествами слѣдовали делегаціи отъ провинціальныхъ группъ и московскихъ районныхъ отдѣловъ партіи народной свободы, народно-соціалистической партіи, фракціи торговыхъ служащихъ, Общества дѣятелей періодической печати и литературы, союза помощниковъ врачей, группа мусульманъ, союза польскихъ женщинъ, нижегородскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, московскихъ армянъ, московскаго отдѣленія кассы литераторовъ и ученыхъ, еврейская депутація, архитектурнаго Общества, взаимопомощи русскихъ агрономовъ; много депутацій отъ торговыхъ служащихъ, рабочихъ нѣкоторыхъ фабрикъ и заводовъ и друг. Всего участвовало свыше 200 депутацій. За депутаціями шли сорганизовавшіеся восемь хоровъ изъ учащихся и рабочихъ, попеременно исполнявшіе духовныя пѣснопѣнія, а впереди нихъ слѣдовала запряженная шестеркой лошадей въ траурныхъ попонахъ съ султанами открытая колесница съ вѣнками отъ наиболѣе близкихъ лицъ: „жены, дѣтей и зятя“, „товарищей по тюрьмѣ“ и др. Гробъ сопровождали семья, депутаты Думы, прибывшіе изъ Петербурга и делегаты изъ провинціи, ректоръ московскаго университета А. А. Мануиловъ, съ деканами и профессорами. За

гробомъ слѣдовала большая толпа почитателей, отдѣленная съ обѣихъ сторонъ цѣпью студентовъ, а за нею три кареты медицинской помощи.

У вратъ Донскаго монастыря процессія встрѣчена была архіепископомъ Алексѣемъ, бывшимъ тверскимъ епископомъ, съ монастырскимъ духовенствомъ. Во главѣ съ архіепископомъ процессія направилась къ могилѣ С. А. Муромцева, помѣщающейся на новомъ кладбищѣ, за монастырской оградой, ближе къ берегу рѣки Москвы. Входъ на новое кладбище ведетъ чрезъ ворота, пробитыя въ старой монастырской стѣнѣ, по прямой линіи отъ главнаго входа въ обитель. Новое кладбище занимаетъ обширную площадь, рѣдко засаженную небольшими молодыми деревьями. Въ центрѣ ея находитъ новый монастырскій храмъ. Часа за два до прихода процессіи здѣсь собралось уже много публики, окружившей могилу предсѣдателя 1-й Государственной Думы. Могила расположена въ правой сторонѣ новаго кладбища, близъ каменной стѣны, которою оно обнесено. Путь къ ней ведетъ отъ входа на новое кладбище до новаго храма, и отъ него по прямой линіи направо почти до стѣны могила была окружена съ трехъ сторонъ легкимъ деревяннымъ заборомъ. На образовавшуюся такимъ образомъ вокругъ нея площадку допущены были только депутаціи, семья покойнаго и духовенство съ пѣвчими. Въ срединѣ площадки передъ могилой устроена была изъ досокъ каѳедра для произнесенія рѣчей. Заходящее солнце при почти безоблачномъ небѣ бросало золотые лучи на могилу, зелень кладбища, храмъ и старую монастырскую стѣну, на башняхъ которой находилось много

зрителей. За могилой на новой монастырской стѣнѣ сначала находилось только два вѣнка, привезенные прямо на кладбище: отъ совѣта одесскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и отъ клуба прогрессивныхъ женщинъ, но въ 5½ ч., когда къ монастырю прибыла голова процессіи, къ могилѣ начали подносить вѣнки, снятые съ 24-хъ колесницъ. Скоро стѣна на большомъ протяженіи покрылась вѣнками. Передъ каѳедрой было помѣщено также нѣсколько вѣнковъ въ центрѣ съ серебрянымъ отъ петербургскаго студенчества. Около 6-ти часовъ начали зажигать фонари около могилы и на каѳедрѣ. На стѣнѣ за могилой горѣлъ большой факелъ, освѣщавшій довольно ярко всю площадку съ собравшейся публикой. Фонари присланы были городской управой. По прибытіи къ могилѣ гроба студенты и находившаяся въ цѣпи публика тѣснымъ огромнымъ кольцомъ окружила могилу. Архіепископъ Алексѣй съ монастырскимъ духовенствомъ совершилъ литію. Гробъ опущенъ былъ въ могильный склепъ. Предъ отверстой могилой началось произнесеніе рѣчей. Первая рѣчь сказана была ректоромъ московскаго университета А. А. Мануиловымъ.

Рѣчь А. А. Мануилова.

„Открытая могила ждетъ твоихъ благородныхъ останковъ, дорогой товарищъ. У этого таинственнаго порога я шлю тебѣ послѣднее прости отъ московскаго университета. Съ нимъ связаны были и твоя юность, и твоя старость. Ты любилъ его глубокой любовью благодарнаго питомца и преданнаго сочлена. И университетъ занесъ твое слав-

ное имя въ списки своихъ лучшихъ сыновъ. Умолкли твои уста и вѣки закрылись, но въ сердцахъ нашихъ живы твои слова, и дѣло твоей жизни стало дѣломъ Россіи. Ты сочеталъ въ своемъ жизненномъ служеніи исканіе научной истины съ общественной доблестью. И твой величавый образъ гражданина-борца и учителя сталъ достояніемъ исторіи.

Миръ твоему праху".

Рѣчь Ѳ. И. Родичева.

Муромцевъ принадлежитъ не семьѣ только, не адвокатурѣ и университету только. Онъ принадлежитъ всей странѣ, и теперь его хоронитъ вся наша страна. Съ нимъ навсегда будутъ связаны свѣтлыя воспоминанія русской жизни. Мы хоронимъ его въ ясный прекрасный день печальной осени. И съ этимъ днемъ связаны печальные порывы всей Россіи, которая достойно представлена на его похоронахъ всей Москвой. Нельзя не вспомнить тотъ весенній день, когда собраніе народныхъ представителей вознесло его на первое мѣсто избранника избранниковъ народныхъ. Теперь мы хоронимъ великаго гражданина земли русской. Вся жизнь его была служеніемъ свободѣ. Съ глубокимъ умомъ и широкимъ сердцемъ онъ соединялъ пламенное стремленіе къ свободѣ и правдѣ. Ему выпало великое счастье быть выразителемъ и носителемъ надеждъ и вѣрованій народа. Но скоро онъ дѣлается жертвой искупленія своего народа. Судъ налагаетъ на него терновый вѣнокъ. У каждаго померкли бы надежды и ослабла вѣра, но онъ съ гордостью, спокойно принялъ свой жребій

и гордо ушелъ въ частную жизнь. Теперь мы поняли, что теряли, въ то время, когда отстраненъ былъ отъ политической и общественной дѣятельности лучшій гражданинъ. Самая смерть его оказывается благотворной для страны. Мы здѣсь собрались во имя его, во имя той правды и свободы, которой онъ служилъ. Это всенародное печальное торжество призываетъ насъ къ труду для достиженія тѣхъ идеаловъ, которымъ онъ служилъ, призываетъ насъ быть вѣрными его завѣтамъ, которымъ онъ самъ оставался вѣрнымъ до смерти. Несомнѣнно, въ будущемъ осуществится истинное народное представительство, когда нашъ народъ имѣетъ такихъ бойцовъ за право и свободу. Смерть такого борца обязываетъ каждаго изъ насъ идти его путемъ.

Рѣчь Н. М. Кулагина.

Университетъ Шанявскаго поручилъ мнѣ сказать своему бывшему сочлену Сергѣю Андреевичу Муромцеву свое послѣднее прощаніе. Грустно и тяжело звучитъ это слово у гроба. Вспоминается совмѣстная работа съ Сергѣемъ Андреевичемъ, встаютъ въ памяти отдѣльные моменты его жизни, но слишкомъ напряжены нервы, сильно подавлена мысль, чтобы передать свое настроеніе, выразить свои чувства у гроба почившаго. Вождь народа въ знаменательные дни русской жизни, врагъ всякаго гнета и насилія надъ человѣческой личностью, всегда жаждущій служить родинѣ, онъ явился однимъ изъ иниціаторовъ общественнаго народнаго университета въ Москвѣ, виднымъ его

организаторомъ и постояннымъ, будничнымъ въ немъ работникомъ.

Для Муромцева было ясно, что народные университеты, это—маяки въ странѣ, объятой тьмой, и что потребность знанія, жажда истины, это—вопль современнаго русскаго народа, и онъ твердо и убѣжденно говорилъ: „Никогда не освобожу себя отъ обязанности преподаванія въ нашемъ университетѣ". И величавый образъ почившаго сталъ знаменемъ въ университетѣ Шанявскаго въ дѣлѣ служенія наукѣ и родинѣ. Не дожилъ Сергѣй Андреевичъ до „зари лучшихъ дней" надъ народными, свободными университетами, но хочется вѣрить, что пройдутъ года, проникнутъ знанія въ глухіе уголки нашей русской жизни, широкой волной польется народъ въ доступные для него общественные университеты. И чѣмъ больше будетъ царить сила знанія въ нашей родинѣ, тѣмъ шире и шире во всѣхъ углахъ Россіи будетъ расти благоговѣйное поклоненіе памяти Муромцева, великаго гражданина, знаменитаго ученаго, искренняго друга народа, созидателя народнаго университета Шанявскаго. Теперь же, пока могильный холмъ не скрылъ отъ насъ твои останки, прими, Сергѣй Андреевичъ, земной поклонъ отъ университета Шанявскаго, пославшаго меня сюда сказать тебѣ послѣднее прости.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ".

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Среди независимыхъ русскихъ газетъ „Русскія Вѣдомости" являются газетою старѣйшей.

„Русскія Вѣдомости" основаны извѣстнымъ писателемъ Н. Ф. Павловымъ, который однако оставался во главѣ газеты недолго: онъ умеръ черезъ семь мѣсяцевъ послѣ выхода перваго нумера газеты, и редакторомъ ея сталъ ближайшій его помощникъ Николай Семеновичъ Скворцовъ, которому „Русскія Вѣдомости" чрезвычайно многимъ обязаны. Основатель газеты, предпринимая это изданіе, совсѣмъ не имѣлъ въ виду создать руководящій органъ русской прогрессивной мысли. Первый нумеръ „Русскихъ Вѣдомостей", вышедшій 3-го сентября 1863 года, даже съ внѣшней стороны мало походилъ на нынѣшній. Это былъ маленькій листокъ въ четверку средняго газетнаго формата. Газета выходила лишь три раза въ недѣлю, стоила съ доставкой и пересылкой три рубля въ годъ и была разсчитана на широкіе круги тогдашняго провинціальнаго читателя. И первыя руководящія статьи новой газеты были написаны Павловымъ въ томъ духѣ и тонѣ, который явно обнаруживалъ его стремленіе создать ква зинарод

ную газету, съ направленіемъ традиціоннаго квасного патріотизма.

Одно только выгодно отличало еще при Павловѣ молодую газету отъ другихъ газетъ того времени: съ первыхъ же нумеровъ въ ней создался довольно обширный отдѣлъ „Внутреннихъ извѣстій“, который пополнялся главнымъ образомъ „письмами къ редактору“ многочисленныхъ и все возраставшихъ въ числѣ провинціальныхъ корреспондентовъ. Это не были профессіональные писатели, какими являются теперь въ большинствѣ провинціальные сотрудники газетъ; „письма“, попадавшія тогда въ провинціальный отдѣлъ „Русскихъ Вѣдомостей“, были въ прямомъ смыслѣ слова письма читателей газеты, дѣлившихся съ редакціей своими свѣдѣніями объ интересовавшихъ ихъ мѣстныхъ дѣлахъ. Въ то время провинціальная печать была еще только въ зародышѣ, а столичныя газеты были крайне бѣдны провинціальными корреспондентами. Поэтому относительное обиліе въ новой маленькой газетѣ сообщеній съ мѣстъ сразу выдѣлило ее изъ среды другихъ изданій и привлекло къ ней симпатіи читателей. Симпатіи эти при Скворцовѣ укрѣплялись еще и тѣмъ, что „Русскія Вѣдомости“, сдѣлали предметомъ своего преимущественнаго вниманія освѣщеніе дѣятельности молодыхъ, возникшихъ почти одновременно съ нашей газетой, земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій и новаго суда. И въ редакціонныхъ статьяхъ газета стала тогда же сочувственно поддерживать проблески самодѣятельности въ обществѣ и выступать съ горячей отповѣдью всякій разъ, когда усматривала въ общественныхъ учрежденіяхъ и дѣлахъ

проявленіе „чиновничьихъ“ порядковъ, либо старыхъ грѣховъ барской инертности и крѣпостничества.

Въ рукахъ Скворцова газета быстро и замѣтно поднялась. Онъ умѣлъ выбирать людей и привлекать способныхъ сотрудниковъ. Въ первый же годъ своего редакторства онъ завербовалъ себѣ талантливаго помощника въ лицѣ М. П. Щепкина; вскорѣ затѣмъ ему удается заручиться сотрудничествомъ изъ университетской среды Б. Н. Чичерина и Ѳ. М. Дмитріева и установить прочныя связи съ молодой адвокатурой (кн. А. И. Урусовымъ, Ѳ. Н. Плевако, Л. А. Куперникомъ). Конечно, участіе въ газетѣ такихъ выдающихся писателей и общественныхъ дѣятелей подняло ея значеніе, увеличило интересъ къ ней публики; но средства Скворцова были чрезвычайно скудны, и только 1-го января 1868 года, на пятомъ году существованія „Русскихъ Вѣдомостей“, онъ могъ приступить къ ежедневному выпуску газеты.

Первый нумеръ „Русскихъ Вѣдомостей“, преобразованныхъ въ ежедневную газету, вышелъ тоже въ очень небольшомъ форматѣ, менѣе двухъ третей нынѣшняго, въ четыре столбца по 104 строки. Объемъ газеты расширялся потомъ, но медленно и постепенно: она постоянно какъ бы выростала изъ платья, въ которое была облечена, и какъ бы по принужденію облекалась все въ болѣе и болѣе просторное. Внутренній ростъ, ростъ содержанія газеты упорно требовалъ расширенія ея внѣшнихъ рамокъ, а самъ онъ въ свою очередь зависѣлъ отъ притока къ ней новыхъ литсратурныхъ и ученыхъ силъ.

Вскорѣ послѣ приступа къ ежедневному выпуску „Русскихъ Вѣдомостей", въ началѣ 70-хъ годовъ, Скворцовъ сблизился съ небольшою группою молодыхъ журналистовъ и ученыхъ, принявшихъ дѣятельное участіе въ газетѣ и оказавшихъ огромное вліяніе на дальнѣйшее ея развитіе. Въ центрѣ этой группы были А. С. Посниковъ, В. М. Соболевскій и А. И. Чупровъ. Послѣдовательно они становятся ближайшими сотрудниками Скворцова и приносятъ въ газету то направленіе, ту „программу", которую она неизмѣнно осуществляетъ болѣе четырехъ десятилѣтій. Въ гуманномъ либерализмѣ, которымъ была окрашена газета первыхъ лѣтъ редакторства Скворцова, „направленіе" молодыхъ его сотрудниковъ находитъ благодарную почву. Въ настоящее время можно прямо сказать, что эти люди были убѣжденные конституціоналисты, но конституція не была для нихъ самодовлѣющей цѣлью. Для нихъ она была важна не только сама по себѣ, но и прежде всего какъ средство для достиженія широкихъ демократическихъ реформъ въ хозяйственномъ и общественномъ строѣ родной страны. Эта струя искренняго, широкаго демократизма роднила ихъ съ народническимъ движеніемъ, которое охватило тогда значительную часть русской интеллигентной молодежи. Но въ отличіе отъ народниковъ того времени маленькая группа, получившая съ начала семидесятыхъ годовъ руководящее значеніе въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", признавала, что политическая свобода— главный рычагъ демократическаго и соціальнаго обновленія страны. Это признаніе капитальной важности вопроса о „конституціи" сближало молодыхъ

сотрудниковъ Скворцова со старыми либералами типа Чичерина, отъ которыхъ они были такъ далеки въ области экономическихъ воззрѣній, и дѣлало ихъ какъ бы связующимъ звеномъ между главнѣйшими лѣвыми теченіями русской политической мысли. Впослѣдствіи знамя, поднятое въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ молодыми сотрудниками Скворцова, собрало вокругъ себя многія тысячи убѣжденныхъ приверженцевъ, усердно работавшихъ и продолжающихъ работать на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. И въ наши дни это широкое общественное движеніе еще не сказало своего послѣдняго слова. Но въ то время, когда оно зародилось, арена дѣятельности людей —этого направленія ограничивалась листомъ небольшой московской газеты.

Уже вскорѣ послѣ того, какъ Соболевскій, Посниковъ и Чупровъ становятся руководящимъ центромъ „Русскихъ Вѣдомостей“, сама газета дѣлается объединяющимъ центромъ для литературныхъ представителей разныхъ направленій прогрессивной мысли. Въ нее приходитъ плеяда блестящихъ ученыхъ и публицистовъ, только-что выступившихъ тогда на арену общественной дѣятельности. Достаточно назвать имена Дитятина, Муромцева, Максима Ковалевскаго, Скалона, Янжула, имена Глѣба Успенскаго, Златовратскаго, Южакова, украшавшіе столбцы газеты еще съ семидесятыхъ годовъ. Позднѣе ея сотрудниками становятся Левъ Толстой, Салтыковъ-Щедринъ, Михайловскій, Чернышевскій, Лавровъ-Миртовъ, Чеховъ, Короленко, а съ другой стороны — Кавелинъ, Стасюлевичъ, Кони, С. Трубецкой, Влад.

Соловьевъ. Конечно, отъ того направленія, которое представляютъ собою „Русскія Вѣдомости“, многіе среди названныхъ отклоняются кто вправо, кто влѣво. Съ другой стороны, также несомнѣнно, что „Русскія Вѣдомости“ съ тѣхъ поръ, какъ сложилась физіономія газеты, вели всегда свою линію, осуществляли свою программу. Но опредѣленность направленія газеты никогда не переходила въ сектантскую исключительность или партійную нетерпимость; блюдя *духъ* вѣры, газета не была требовательна относительно формы обряда и всегда посильно служила объединенію русскаго общества и его литературныхъ силъ во имя любви къ свободѣ и къ родинѣ. Поэтому, никогда не обращаясь въ „парламентъ мнѣній“ и не допуская истолкованія истины вкривь и вкось, „Русскія Вѣдомости“ могли постоянно пользоваться сотрудничествомъ представителей различныхъ литературныхъ теченій и политическихъ направленій, нерѣдко соперничавшихъ и враждовавшихъ въ другомъ мѣстѣ, но на столбцахъ „Русскихъ Вѣдомостей“, помнившихъ не о томъ, что ихъ раздѣляло, а о томъ, что было всѣмъ имъ близко и дорого. „Рыцари духа“ сходились и сходятся здѣсь и вмѣстѣ идутъ противъ общаго врага развернутымъ фронтомъ.

На протяженіи полувѣкового существованія газеты составъ не только сотрудниковъ, но и редакціи ея, разумѣется, неоднократно обновлялся. Старое—старится, молодое—растетъ. Смѣна поколѣній работниковъ въ дѣлѣ, ведущемся десятки лѣтъ, неизбѣжна; неизбѣжно и примѣненіе основныхъ принциповъ програмы къ мѣняющимся условіямъ и потребностямъ жизни, а это дѣлаетъ

необходимымъ своевременное привлеченіе къ дѣлу свѣжихъ силъ изъ рядовъ новыхъ поколѣній. Притокъ ихъ въ „Русскія Вѣдомости“ никогда не прекращался, и если для того времени, когда было водружено знамя газеты, можно назвать такія имена, какъ, напримѣръ, Соболевскаго, Чупрова, то въ недавнее время въ рядахъ преемниковъ ихъ, немало поработавшихъ и при нихъ, и вмѣстѣ съ ними, были Іоллосъ, Герценштейнъ, Якушкинъ. Но при всѣхъ смѣнахъ, при всѣхъ обстоятельствахъ „Русскія Вѣдомости“ оставались „вѣрны себѣ“, своему направленію, своей программѣ, своему знамени. Онѣ возжигали свой свѣтильникъ то ярче, то тусклѣе, но никогда не угашали его, пользуясь каждой возможностью для осуществленія своей программы, не обольщаясь никакими „вѣяніями“ и твердо вѣря лишь въ то, что избранный ими путь,—пробужденіе общественнаго правосознанія и общественной самодѣятельности въ цѣляхъ широкихъ демократическихъ, политическихъ и соціальныхъ реформъ,—есть единственный путь къ свободѣ и процвѣтанію родины.

2. ЛЕГЕНДЫ О „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЯХЪ“.

„Русскія Вѣдомости“—типично московское явленіе и, черезъ это—типично русское. При имени этой газеты какъ-то невольно встаетъ въ памяти другое, глубоко московское и, черезъ это, глубоко русское явленіе — великій старѣйшій московскій университетъ.

Это сравненіе вызывается не только тѣмъ, что

въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ сотрудничали и сотрудничаютъ профессора московскаго университета,—оно глубже, рельефнѣе и живописнѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ самый внѣшній образъ газеты, какъ онъ создается въ нашемъ воображеніи—послѣ ознакомленія съ бѣлыми глазированными мягкими страницами газеты, не походитъ на наружный строгій простой видъ разсадника высшаго образованія на Моховой?

Развѣ мы не рисуемъ себѣ этотъ образъ газеты въ видѣ такого же стариннаго зданія простой и мудрой архитектуры, съ узкими окошками, скупо пропускающими черезъ себя измѣнчивый и волнующійся шумъ сегодняшняго дня, съ низкими полутемными аудиторіями, гдѣ какъ будто осѣли отъ тяжести множества ногъ массивные желѣзные полы и гдѣ старыя пожелтѣвшія сводчатыя стѣны словно пропитаны горячимъ жаромъ вдохновенныхъ высокихъ увлекательныхъ рѣчей?...

Исторія говоритъ, что этому зданію только пятьдесятъ лѣтъ. Но у насъ, въ Россіи, свои сроки, и мы живемъ не календаремъ, а сердцемъ. Пятьдесятъ лѣтъ — срокъ небольшой, но за это время это зданіе успѣло много перенести отъ роковой политической непогоды и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣло совсѣмъ войти въ нашу жизнь, раствориться, обрости преданіями и легендами.

Эта способность — за такой, сравнительно, короткій срокъ совсѣмъ войти въ жизнь—особенно замѣчательна.

Мы знаемъ многія очень долголѣтнія и очень почетныя учрежденія и изданія, на которыя мы смотримъ почтительно, но спокойно, безъ трепета

сердца, имѣющаго способность быстро сбивать любимый предметъ своими признаніями и сказками, какъ зеленый плющъ обвиваетъ темныя стѣны стараго дѣдовскаго дома. И въ этомъ нашемъ отношеніи къ газетѣ — самое важное и дорогое сравненіе съ московскимъ университетомъ,— *такъ* мы относимся только къ нему—къ его традиціямъ, героямъ, къ его Татьянину дню...

Жизнь отшлифовала нѣкоторыя изъ этихъ нашихъ отношеній къ старой московской газетѣ въ традиціи и легенды, но пока не выкинула ихъ на Божій свѣтъ, какъ море выноситъ граненые камни и разноцвѣтныя раковины. Пока эти традиціи и легенды таятся въ глубинѣ народной жизни и ждутъ своего собирателя. Эти легенды высоки и трогательны, и характеризуютъ не только газету, съ именемъ которой связаны, но и тѣхъ, которые создали ихъ...

На пышномъ банкетѣ—по случаю пятидесятилѣтняго юбилея газеты, среди представителей всевозможныхъ учрежденій и организацій, незримо присутствовала скромная незамѣтная делегація отъ тѣхъ, кѣмъ жива газета, — отъ ея рядовыхъ читателей. Въ этой делегаціи виднѣлись потертый учительскій вицъ-мундиръ, судейская тужурка стараго образца, сконфуженный гимназистъ съ большими открытыми глазами, не то городской, не то деревенскій попикъ съ мужичьимъ лицомъ и тоскующимъ взглядомъ запавшихъ глазъ, старичекъ докторъ съ запачканными табакомъ и іодомъ пальцами, какія-то неопредѣленныя желтыя хмурыя личности въ пиджакахъ, косовороткахъ, полинявшихъ студенческихъ тужуркахъ... Эта пу-

блика скромно жалась назади и у нея не было замѣтно красивыхъ адресовъ и дорогихъ подарковъ, — въ простотѣ сердца она несла своей газетѣ въ день ея именинъ маленькія жемчужинки, которыя собрала въ глубинахъ своей захолустной обиженной жизни,—легенды о „Русскихъ Вѣдомостяхъ“...

Когда насталъ чередъ, первымъ выступилъ учитель въ потертомъ вицъ-мундирѣ. Онъ поклонился собранію и повѣдалъ, что во всякій свой пріѣздъ въ Москву онъ обязательно ходитъ на Чернышевскій переулокъ, къ дому, гдѣ помѣщается редакція газеты „Русскія Вѣдомости“. Здѣсь онъ стоитъ нѣкоторое время около желтыхъ стѣнъ и уходитъ обратно въ свой номеришко или въ магазинъ, гдѣ нужно купить женѣ бумазеи...

Учителя смѣнила судейская тужурка стараго образца. Шамкая, она разсказала, что выписываетъ газету подрядъ сорокъ одинъ годъ и сберегаетъ всѣ старые номера. Въ духовномъ завѣщаніи ея, составленномъ у сапожковскаго нотаріуса Ганнова—по Купеческой ул., въ домѣ Воропаева, значится: „все имущество завѣщаю своимъ сыновьямъ и дочери, кромѣ комплектовъ газеты „Русскія Вѣдомости“. Эти комплекты газеты за всѣ годы завѣщаю мѣстной земской библіотекѣ“...

Попикъ съ мужичьимъ лицомъ и тоскующимъ взглядомъ сообщилъ, что онъ за газету былъ два раза въ монастырѣ и теперь получаетъ ее черезъ одного знакомаго.

Гимназистъ торопливо, не мигая своими прекрасными глазами, обведенными длинными дѣ-

вичьями рѣсницами, разсказалъ, что у нихъ въ гимназіи газету выписываютъ въ складчину и читаютъ на перемѣнахъ въ курилкѣ, гдѣ висятъ портреты Л. Толстого, Чехова, Писарева и Надсона.

Въ заключеніе вышелъ одинъ изъ неопредѣленныхъ хмурыхъ личностей въ косовороткѣ и повѣдалъ такую бывальщину:

Дѣло было въ одномъ изъ тѣхъ сибирскихъ уголковъ, которые дальше „того свѣта". Глухое якутское село. Когда-то съ миссіонерскими цѣлями здѣсь была построена церковь и былъ присланъ батюшка. Потомъ, навѣрно, забыли и про село, и про церковь, и про батюшку. Вспомнили про село только тогда, когда нужно было заслать, какъ можно дальше, двухъ политическихъ преступниковъ— студента Петрова и рабочаго-кавказца Беридзе. Село оказалось подходящее,—ихъ и заслали сюда. Пріѣхали ссыльные,—избы, какъ звѣриныя норы, церковь отъ вьюгъ и бурь покосилась на сторону...

Они постучались къ священнику: впустите отогрѣться! Священникъ былъ старъ и вдовъ,— неожиданнымъ гостямъ онъ обрадовался, напоилъ ихъ горячимъ наваромъ изъ травъ и въ заключеніе предложилъ поселиться у него. Только одно условіе поставилъ: по очереди ходить въ лѣсъ за дровами, такъ какъ самъ сталъ старъ и ревматизмы одолѣли... Такимъ образомъ зажили подъ одной крышею священникъ, студентъ и кавказецъ. Зажили мирно. Ссыльные у хозяина на престолѣ въ день Ильи пророка въ церкви пѣснопѣнія выводятъ и скудное угощеніе раздѣляютъ съ прихожанами, живущими въ звѣриныхъ но-

рахъ, а батюшка на Татьянинъ день въ церкви особо торжественный молебенъ служитъ и идетъ на половину жильцовъ—съ праздникомъ поздравлять... Конечно, жили скудно и тяжело. Батюшку ревматизмы одолѣвали. Кавказецъ почти все время лежалъ въ своей комнатѣ, покрытый всѣми своими отрепьями, дрожалъ и бормоталъ, какъ въ бреду про свой Кавказъ — какое тамъ горячее солнце, какое вино, какія горы, какія дѣвушки!..

Крѣпче всѣхъ казался студентъ. Всегда онъ былъ ровенъ и одинаковъ — очки, бородка, прямой, восторженный взглядъ. Переносилъ ссылку онъ молча, стыдливо, какъ будто боялся оскорбить другихъ своимъ страданіемъ. Онъ не любилъ разсказывать, за что онъ попалъ въ это село. Только можно было понять, что ему нужно было подписать какое-то прошеніе, но онъ не подписалъ. Сначала было неизвѣстно, были ли у него родные. Потомъ оказалось — были. Молоденькая жена его даже въ ссылку пріѣзжала. Батюшка и кавказецъ были рады свѣжему человѣку, но студентъ хмурился и волновался, и кончилось тѣмъ, что жена скоро уѣхала назадъ въ Россію. Батюшка и кавказецъ между собою дивились—какой кремень! Только разъ вскорѣ послѣ отъѣзда молодой женщины, ночью батюшка слышитъ сквозь дверь — словно плачетъ человѣкъ. Приподнялся, подошелъ къ двери студента,—плачъ стихъ... Или пойдутъ студентъ и батюшка въ лѣсъ за дровами, пробираются грудью сквозь сосновую чащу, какъ заяцъ весной черезъ густую траву. „Батя!— воскликнетъ студентъ,—какая у васъ дивная природа!“

Н-да,—крякнетъ запыхавшій батя и пристально посмотритъ ему въ глаза. А въ глазахъ у студента тоска...

Крѣпокъ и стыдливъ былъ человѣкъ въ своемъ страданіи. Но и у него была слабость. Кто-то изрѣдка присылалъ ему изъ Москвы газету „Русскія Вѣдомости“. Почта въ село приходила разъ въ два мѣсяца, и случалось, что съ почтою набѣгало номеровъ пять газеты. Получитъ студентъ разрозненные запачканные номера и нѣсколько ночей въ его комнатѣ горитъ неугасимый огонь...

Такъ жили три пустынножителя — батюшка, студентъ и кавказецъ. Долго ли, коротко ли,— случилась подъ ихъ крышей бѣда: студентъ повалился. Ходилъ онъ въ лѣсъ за дровами, закостенѣлъ на холодѣ и, когда вернулся домой, запылалъ, какъ костеръ, и сгорѣлъ въ два дня... За четверть часа до смерти онъ пришелъ въ себя. Батюшка замѣтилъ, что онъ шевелитъ губами, наклонился къ нему, а онъ шепчетъ: газета не пришла-ли?

Какъ разъ день былъ почтовый.

— Нѣтъ еще. Теперь скоро придетъ...

Онъ обвелъ глазами комнату.

— Видѣлъ я сейчасъ,—шепчетъ,—будто я на родинѣ, на Окѣ, въ Рязанской губерніи... Мамаша въ саду снимаетъ яблоки, а я вѣтки ей нагинаю...

— Не хотите ли, товарищъ, кипяточку?—предложилъ кавказецъ.

— Нѣтъ...

— Николай Степановичъ, — наклонился надъ постелью батюшка, — не надо ли передать чего роднымъ?

Больной долго смотрѣлъ на батюшку.

— Ничего не надо... Спасибо вамъ... Дайте ваши руки... Спасибо, — онъ слабо пожалъ руки сожителямъ...—Теперь я засну... Усталъ...

Онъ закрылъ глаза, точно, дѣйствительно, засыпалъ, и такъ во снѣ невидимкою ушелъ совсѣмъ изъ-подъ батюшкиной крыши, изъ глухого якутскаго села...

Когда батюшка и кавказецъ положили покойнаго на лавку, старичекъ якутъ принесъ два номера газеты, — почта пришла. Кавказецъ и батюшка переглянулись, посмотрѣли на покойника и вздохнули,—почта опоздала! Кавказецъ сорвалъ бандерольку, развернулъ листы газеты и накрылъ ими покойника...

Романъ Кумовъ.

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ИМЕНИ ШАНЯВСКАГО.

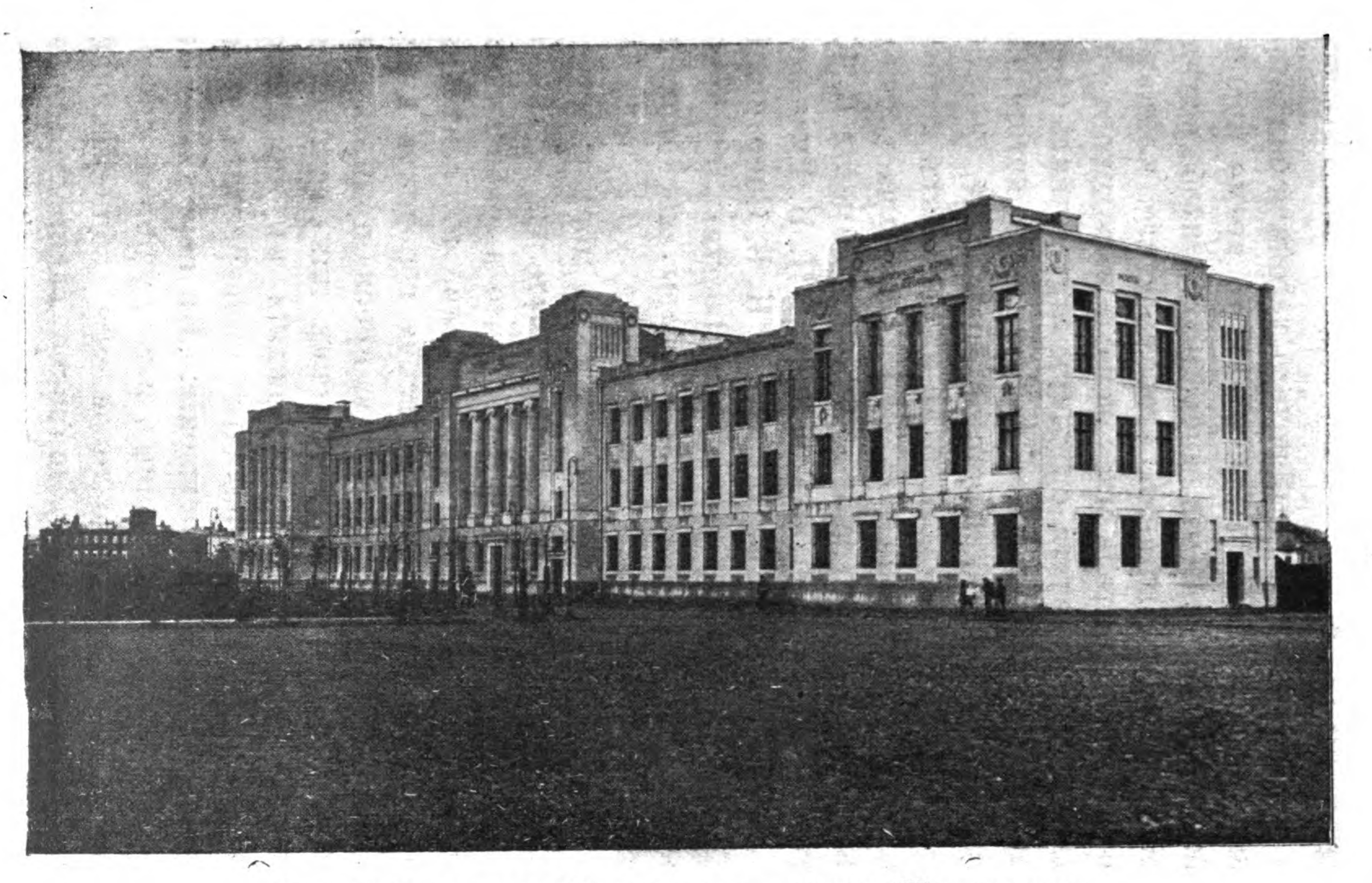
1. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Идея возникновенія Московскаго Городского Народнаго Университета тѣсно связана съ личностью А. Л. Шанявскаго, давшаго починъ „учрежденію, удовлетворяющему потребности высшаго образованія". Покойный А. Л. выросъ и воспитался подъ прямымъ воздѣйствіемъ 60-хъ годовъ.

Сознаніе, что просвѣщеніе—„источникъ добра и силы", всегда было живо въ душѣ Шанявскаго и его завѣтной мечтой являлось учрежденіе такой высшей школы, свободной и общедоступной, куда бы принимались всѣ желающіе,—безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія. Эта мысль получила усиленный толчокъ отъ русско-японской войны, показавшей „воочію всю нашу несостоятельность", и отъ памятныхъ событій 1904—5 гг. Въ письмѣ къ одному изъ министровъ народнаго просвѣщенія онъ такъ объяснялъ мотивы этого дѣла: „Несомнѣнно, намъ нужно какъ можно больше умныхъ образованныхъ людей,—въ нихъ вся наша сила и все наше спасеніе, и въ недостаткѣ ихъ—причина всѣхъ нашихъ бѣдъ и несчастій и того прискорбнаго положенія, въ ко-

торомъ очутилась нынѣ вся Россія. Печальная система гр. Д. А. Толстого, старавшагося всѣми мѣрами сузить и затруднить доступъ къ высшему образованію, сказалась теперь наглядно въ печальныхъ результатахъ, которые мы переживаемъ, и въ нашей крайней бѣдности образованными и знающими людьми на всѣхъ поприщахъ. А другія страны въ это время, напротивъ, всѣми мѣрами привлекали людей къ образованію и знанію вплоть до принудительнаго способа включительно. Всѣ ясно сознали ту аксіому, что съ одпѣми руками и ногами ничего не подѣлаешь, а нужны и головы и чѣмъ онѣ лучше гарнированы, и чѣмъ многочисленнѣе, тѣмъ страна богаче, сильнѣе и счастливѣе. Въ 1885 г. я пробылъ почти годъ въ Японіи при мнѣ шла ея кипучая работа по обученію и образованію народа во всѣхъ сферахъ дѣятельности, и теперь мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ японскаго торжества и нашей полной несостоятельности. Но такіе удары никакая страна, даже наша, не можетъ сносить, не встрепенувшись вся и вотъ она жаждетъ теперь изгладить свое униженіе, она жаждетъ дать выходъ генію населенія Россіи,—не тупѣе же оно въ самомъ дѣлѣ даже монгольской расы. Но если оно коснѣетъ доселѣ въ принудительномъ невѣжествѣ, то теперь настало время, когда оно рвется изъ него выйти и со всѣхъ сторонъ раздается призывъ къ знанію, ученію и возрожденію".

Такъ духовный обликъ А. Л. Шанявскаго, создавшійся подъ прямымъ вліяніемъ эпохи 60-хъ годовъ, послѣ севастопольскаго разгрома,—



Зданіе Народнаго Университета имени Шанявскаго.

всталъ во весь свой ростъ послѣ дней Мукдена и Цусимы.

Чувствуя неизбѣжный исходъ легочной болѣзни, зачатки которой развились еще во время пребыванія А. Л. въ академіи генеральнаго штаба вслѣдствіе вреднаго вліянія петербургскаго климата, покойный основатель московскаго городского народнаго университета спѣшитъ осуществить свою мысль. Онъ обращается къ людямъ, которымъ дороги интересы народнаго просвѣщенія.

Лѣтомъ 1905 г. въ Москвѣ происходятъ коллегіальныя совѣщанія, въ которыхъ участвуютъ проф. М. М. Ковалевскій, С. А. Муромцевъ, В. К. Ротъ, кн. Е. Н. Трубецкой, и г.г. Н. И. Гучковъ, Н. Н. Щепкинъ, В. Е. Якушпинъ, Н. В. Сперанскій и М. В. и С. В. Сабашниковы. На этихъ совѣщаніяхъ и были выработаны основы московскаго городского народнаго университета.

А. Л. Шанявскій по болѣзни не могъ участвовать въ совѣщаніяхъ, но онъ внимательно слѣдилъ за ихъ работой и убѣдившись, что выработанныя положенія отвѣчаютъ его мысли, 15 сентября 1905 г. обратился въ московскую городскую думу съ заявленіемъ, въ которомъ, прося принять отъ него въ даръ домъ въ Москвѣ для почина въ цѣляхъ устройства и содержанія въ немъ или изъ его доходовъ народнаго университета, такъ мотивировалъ его учрежденіе: „Въ переживаемые нами тяжелые дни однимъ изъ лучшихъ способовъ обновленія и оздоровленія общественной жизни должно служить широкое распространеніе просвѣщенія и привлеченіе симпатіи народа къ

наукѣ и знаніямъ, этимъ источникамъ добра и и силы".

Въ упомянутомъ заявленіи А. Л. Шанявскій указалъ слѣдущія главныя основанія народнаго университета:

1. „Въ народномъ университетѣ читаются предметы по всѣмъ отраслямъ академическаго знанія, и притомъ чтеніе можетъ вестись не только на русскомъ, но и на другихъ языкахъ. Лекторами могутъ быть лица обоего пола, имѣющія ученую степень, а также лица, составившія себѣ имя въ литературѣ, наукѣ или въ области преподаванія, или, наконецъ, извѣстныя своими дарованіями попечительному совѣту народнаго университета.

2. Къ слушанію лекцій въ народномъ университетѣ допускаются лица обоего пола не моложе 16 лѣтъ, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, при чемъ самимъ преподавателямъ предоставляется опредѣлить, имѣютъ ли желающіе слушать какой-либо предметъ достаточную подготовку для слушанія его съ пользой. Такое условіе, широко открывая двери народнаго университета всѣмъ истинно жаждущимъ знанія, тѣмъ самымъ опредѣляетъ и цѣль его: служить дополненіемъ къ существующимъ нынѣ высшимъ учебнымъ заведеніямъ и расширять сферу высшаго образованія и дѣятельности на пользу его, не ограничивая поступленія аттестатами зрѣлости, а преподаванія—формальными дипломами.

3. Состоя въ вѣдѣніи московскаго городского общественнаго управленія, народный университетъ долженъ находиться подъ непосредственнымъ

наблюденіемъ попечительнаго совѣта изъ 16 лицъ. Половина состава попечительнаго совѣта, а именно 8 членовъ, должны избираться московской городской думой посредствомъ закрытой баллотировки, срокомъ на 4 года, съ постепеннымъ обновленіемъ. Въ числѣ ихъ должно быть не менѣе 4 членовъ съ высшей ученой степенью и не менѣе двухъ женщинъ. Члены другой половины попечительнаго совѣта будутъ назначаемы мною (Шанявскимъ) пожизненно. Затѣмъ, по мѣрѣ выбытія ихъ, они должны замѣщаться лицами, избираемыми попечительнымъ совѣтомъ на 4 года, при чемъ для избранія требуется получить не менѣе десяти голосовъ. Попечительному совѣту предоставляется право выполнить свой составъ и до 20 членовъ избраніемъ еще четырехъ членовъ, при чемъ для такого избранія требуется получить не менѣе двѣнадцати голосовъ.

4. Вѣдѣнію попечительнаго совѣта принадлежитъ выборъ предметовъ преподаванія, составленіе общаго плана преподаванія, открытіе факультетовъ и отдѣловъ народнаго университета, приглашеніе лекторовъ и профессоровъ, установленіе размѣра и способа вознагражденія преподавателей и платы за слушаніе курсовъ. Для ближайшаго завѣдыванія дѣлами народнаго ун-та попечительному совѣту предоставляется организовать исполнительный органъ (правленіе), въ составъ котораго попечительный совѣтъ можетъ избирать какъ членовъ совѣта, такъ и постороннихъ лицъ. Сверхъ того, вслѣдствіе новизны дѣла и по примѣру другихъ странъ, попечительный совѣтъ долженъ устроить „комитетъ усовершенствованія“, состоя-

щій изъ почетныхъ членовъ обоего пола, разныхъ профессій и странъ, свѣтилъ науки и людей извѣстныхъ своей общественной дѣятельностью, или сдѣлавшихъ полезное пожертвованіе на московскій народный ун-тъ. Такіе члены „комитета усовершенствованія“ избираются московской городской думой по представленію попечительнаго совѣта, и комитетъ этотъ долженъ собираться не менѣе одного раза въ годъ. Члены попечительнаго совѣта состоятъ по должности также членами комитета усовершенствованія.

5. Плата за слушаніе лекцій попредметно или группами должна быть опредѣлена въ возможно доступномъ размѣрѣ и, если послѣдующими пожертвованіями будетъ образованъ капиталъ, проценты съ котораго вполнѣ обезпечатъ содержаніе народнаго ун-та, вмѣстѣ съ вознагражденіемъ профессоровъ, то со слушателей и слушательницъ не должна взиматься никакая плата за слушаніе лекцій въ народномъ ун-тѣ“.

Получивъ согласіе московской городской думы на принятіе ею условій устройства народнаго университета, А. Л. Шанявскій закрѣпилъ за университетомъ все свое имущество частью по завѣщанію (послѣ смерти жены), частью—по дарственной записи на домъ на Арбатѣ, а въ самый день совершенія этой послѣдней записи 7 ноября 1905 г., скончался, давъ починъ учрежденію перваго въ Россіи народнаго университета и оставивъ этимъ неизгладимые слѣды въ исторіи народнаго просвѣщенія.

„М. Г. Н. У. И. Ш.“.

2. НЕОБХОДИМЫЯ СВѢДѢНІЯ ОБЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ИМЕНИ ШАНЯВСКАГО.

Несмотря на пятилѣтнюю энергичную дѣятельность университета Шанявскаго, популярность его въ провинціи недостаточно велика и далеко не соотвѣтствуетъ тому значенію, какое онъ имѣетъ въ современной русской жизни. Въ широкихъ кругахъ народа, въ глухой провинціи, еще до сихъ поръ какъ слѣдуетъ не знаютъ не только физіономіи университета, и тѣхъ задачъ, какія онъ преслѣдуетъ, но пожалуй даже и его существованія. А между тѣмъ онъ можетъ пригодиться для очень и очень многихъ, нуждающихся въ серьезномъ образованіи, въ особенности изъ среды тѣхъ, кто по той или иной причинѣ не могъ и не можетъ поступить въ казенныя учебныя заведенія.

Благодаря тому, что въ Россіи недостаточно развита сѣть средне-учебныхъ заведеній, а полученіе образованія въ существующихъ для многихъ по различнымъ причинамъ недоступно,—на Руси не мало найдется такихъ лицъ, которымъ пришлось и приходится ограничиваться только низшими ступенями средняго образованія,—въ городскихъ 4-хъ классныхъ или подобныхъ имъ женскихъ училищахъ,—а свою потребность въ образованіи удовлетворять, если можно такъ выразиться, домашними средствами, которыя во всякомъ случаѣ не могутъ въ полной мѣрѣ удовлетворить потребность въ образованіи, такъ какъ для болѣе или менѣе глубокаго законченнаго образованія прежде всего нужна система, школа, нужны

хорошіе руководители, которыхъ нѣтъ при такъ называемомъ самообразованіи, которыхъ можно найти только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но двери этихъ учебныхъ заведеній закрыты для лицъ, не получившихъ дипломнаго средняго образованія. Правда, есть одинъ путь, который даетъ возможность перескочить среднюю школу и открываетъ двери высшей, это—экзаменъ на аттестатъ зрѣлости экстерномъ. Но затрачивать и время и скудныя средства на ненужную въ сущности подготовку къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, который въ наше время добывается съ такимъ огромнымъ трудомъ, не всякій имѣетъ возможность. Кромѣ того держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости экстерномъ не всякій имѣетъ возможность еще и по другой причинѣ, которая очень часто стоитъ поперекъ дороги на пути къ образованію: по „политической неблагонадежности"...

Однимъ словомъ, лицъ, желающихъ быть образованными людьми и вмѣстѣ съ тѣмъ не могущихъ по той или иной причинѣ достигнуть своей цѣли, найдется не мало, и имъ-то приходитъ на помощь университетъ Шанявскаго.

Преслѣдуя такую въ высшей степени симпатичную цѣль, какъ, „служеніе широкому распространенію высшаго научнаго образованія и привлеченію симпатій народа къ наукѣ и знанію", этотъ университетъ совершенно чуждъ какого либо рода стѣсненій по отношенію къ своимъ слушателямъ. Онъ не требуетъ никакихъ свидѣтельствъ о политической благонадежности и никакихъ дипломовъ о предварительномъ образованіи; не налагаетъ на своихъ слушателей обяза-

тельствъ держать экзамены, какъ при поступленіи въ него, такъ и при переходѣ съ одного курса на другой, а также и при выходѣ изъ университета; въ немъ нѣтъ стѣсненій въ отношеніи возраста, пола, національности и религіи: въ немъ всѣ равны, нѣтъ ни овецъ, ни козлищъ. У кого есть стремленіе къ образованію, у кого есть желаніе работать, кто бы онъ ни былъ: русскій, еврей, нѣмецъ, китаецъ, татаринъ, кто угодно, какую бы религію ни исповѣдывалъ, съ какимъ бы дипломнымъ образованіемъ ни былъ, на какомъ бы ни былъ счету у администраціи, невзирая на все это, съ полнымъ сознаніемъ своего права быть образованнымъ человѣкомъ, онъ можетъ придти въ университетъ Шанявскаго и тамъ открыты для него двери, тамъ онъ можетъ работать вполнѣ свободно, безъ какого-либо надъ нимъ опекунства и контроля.

Организованный по образцу иностранныхъ университетовъ, университетъ Шанявскаго предоставляетъ полную свободу въ работѣ своимъ слушателямъ, ни въ чемъ не стѣсняя ихъ стремленій и желаній въ смыслѣ пріобрѣтенія знаній. Гибкость программы,—возможность записи на отдѣльные предметы, возможность составленія своихъ цикловъ наукъ,—предоставленная слушателямъ полная свобода самодѣятельности, полное къ нимъ довѣріе и симпатичное вниманіе къ ихъ стремленіямъ и пожеланіямъ со стороны администраціи университета,—все это обусловливаетъ ту значительную продуктивность занятій, которая такъ выгодно отличаетъ университетъ

Шанявскаго отъ другихъ русскихъ университетовъ.

Въ настоящее время,—время пригнетенія русской науки, время разгрома лучшихъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ напримѣръ, московскаго императорскаго университета и военно-медицинской академіи,—университетъ Шанявскаго является отраднымъ оазисомъ свободной науки; единственнымъ въ Россіи высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ бьетъ ключомъ бодрая жизнь, созидаются и укрѣпляются силы интеллигентныхъ работниковъ, открываются имъ широкіе горизонты, дается обширное и богатое поле для ихъ труда. Это единственный въ своемъ родѣ университетъ въ Россіи, которому принадлежитъ великое будущее, который положитъ краеугольный камень въ фундаментъ Молодой Россіи, разовьетъ и укрѣпитъ ея строительство.

Не требуя отъ своихъ слушателей никакихъ ненужныхъ бумажекъ-свидѣтельствъ за среднюю школу и не давая никакихъ дипломовъ своимъ окончившимъ курсъ слушателямъ, университетъ Шанявскаго тѣмъ самымъ очищаетъ свои аудиторіи отъ тѣхъ нежелательныхъ элементовъ, которые гонятся только за дипломами, за тепленькими мѣстечками, не стремясь къ наукѣ и знанію, какъ таковымъ, не стремясь къ собственному развитію и образованію. Въ университетъ Шанявскаго идутъ только тѣ лица, которыя дѣйствительно хотятъ быть знающими и образованными людьми, которыя стремятся съ пользой поработать на благо родины и науки. Пишущій эти строки самъ былъ слушателемъ университета Шанявскаго и

на основанiи личныхъ наблюденiй можетъ свидѣтельствовать, что процентъ ничего не дѣлающихъ слушателей слишкомъ ничтоженъ и падаетъ главнымъ образомъ на тѣхъ случайныхъ въ университетѣ лицъ изъ состоятельныхъ классовъ, которыя бываютъ въ университетѣ ради развлеченiя, чтобы послушать знаменитыхъ профессоровъ. Что же касается огромнаго большинства слушателей, то оно старательно, съ воодушевленiемъ работаетъ надъ собой, насколько позволяютъ имъ это ихъ матерiальное положенiе. Только малая обезпеченность или полная необезпеченность въ матерiальномъ отношенiи бываетъ причиной тому, что не всегда значительны успѣхи въ занятiяхъ нѣкоторыхъ слушателей.

Какъ видно изъ отчета университета за 1911—12 академическiй годъ (за послѣднiй годъ отчетъ еще не изданъ) 72% общаго числа слушателей, помимо занятiй въ университетѣ, вынуждены заниматься еще на сторонѣ ради заработка, большей частью въ должности учителей или служащихъ въ различныхъ учрежденiяхъ, и тратить на это большую часть дня, отдавая занятiямъ по университету какихъ-нибудь пять—шесть часовъ въ сутки, которыхъ, конечно, далеко недостаточно, въ особенности на юридическомъ и историко-философскомъ циклахъ наукъ, гдѣ для плодотворности занятiй требуется затрата массы времени на прочтенiе многихъ, часто обширныхъ, пособiй. Но и при самыхъ неблагопрiятныхъ условiяхъ въ этомъ отношенiи, эти слушатели замѣтно подвигаются впередъ и посѣщенiе ими университета не проходитъ для нихъ безъ значительной пользы. Въ

особенности крупныхъ успѣховъ достигаютъ слушатели естественнаго цикла, на которомъ имѣются прекрасно оборудованныя лабораторіи, а наглядность изучаемаго предмета и особливо строгая спеціализація облегчаютъ усвоеніе изучаемаго.

Какъ велики успѣхи естественниковъ, можно судить по тому, что многія работы слушателей естественнаго цикла были напечатаны въ различныхъ русскихъ и иностранныхъ спеціальныхъ изданіяхъ. Объ успѣшности занятій на другихъ циклахъ: юридическомъ, историкой - философскомъ, можно судить по отзывамъ такихъ профессоровъ, какъ покойный Г. Ф. Шершеневичъ, руководившій семинаріемъ по гражданскому праву, и Д. М. Петрушевскій, руководившій семинаріемъ по исторіи среднихъ вѣковъ. „Участники семинарія,—пишетъ въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ, Шершеневичъ,— обнаружили живой интересъ къ дѣлу. Нѣкоторые рефераты слушателей могли бы быть съ интересомъ и пользой прочитаны русскими юристами". А Петрушевскій пишетъ: „Работа шла очень оживленно и доставила всѣмъ участникамъ, не исключая и руководителя, большое удовлетвореніе, что объясняется главнымъ образомъ, очень значительной научной подготовкой участниковъ семинарія и его совершенно свободнымъ характеромъ". У нѣкоторыхъ слушателей университета занятія идутъ такъ успѣшно, что имъ предстоитъ научная командировка за границу отъ университета.

При той свободной постановкѣ дѣла въ университетѣ, какую я постарался вкратцѣ описать выше, и при такомъ составѣ преподавателей, какимъ располагаетъ университетъ, нѣтъ ничего мудре-

наго въ томъ, что такъ успѣшно идутъ занятія слушателей. Такія имена, какъ бывшій ректоръ императорскаго московскаго университета А. А. Мануйловъ, бывшій проректоръ того же университета П. А. Минаковъ и затѣмъ: Ф. Ф. Кокошкинъ, В. М. Хвостовъ, А. Ф. Фортунатовъ, С. Ф. Фортунатовъ, А. А. Кизеветтеръ, Н. В. Давыдовъ, П. Н. Сакулинъ, Ев. Н. Трубецкой, Б. К. Млодзѣевскій, А. А. Эйхенвальдъ и многія другія крупныя имена науки, въ томъ числѣ нынѣ покойные профессора Г. Ф. Шершеневичъ и П. Н. Лебедевъ,— вполнѣ обезпечиваютъ плодотворность занятій въ университетѣ Шанявскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ ту строгую научность преподаванія, которая характеризуетъ высшее учебное заведеніе, и даютъ окраску всему университету, какъ разсаднику свободнаго знанія. Недаромъ такими сравнительно широкими симпатіями пользуется онъ среди русскаго общества. Громадный притокъ пожертвованій въ этотъ университетъ отъ разныхъ лицъ, громадный, увеличивающійся съ каждымъ годомъ съ невѣроятной быстротой притокъ въ него слушателей,—говорятъ о симпатіяхъ общества къ этому университету.

Въ моемъ распоряженіи нѣтъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ слушателей университета за первые два года его дѣятельности, но по частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ первомъ году слушателей было всего лишь нѣсколько десятковъ человѣкъ, во второмъ году ихъ было уже свыше 500, въ третьемъ году—924, въ четвертомъ—1756, а въ послѣднемъ уже около 3000 человѣкъ. Въ текущемъ же году, по свѣдѣніямъ „Русскаго Слова“, слушателей въ университетъ записалось больше,

чѣмъ въ послѣднемъ году на 2700 человѣкъ, т. е. почти вдвое. Эти цифры говорятъ сами за себя.

При этомъ небезинтересно будетъ отмѣтить, что изъ числа 1756 слушателей, бывшихъ въ университетѣ въ 1911—12 году, 80% обладали свидѣтельствами за различныя средне-учебныя заведенія, въ томъ числѣ лицъ съ высшимъ образованіемъ 15%, при чемъ, по сравненію съ предыдущимъ 1910—11 годомъ, количество слушателей съ образованіемъ не ниже средняго повысилось на 2,1%, а лицъ съ высшимъ образованіемъ увеличилось на 6,8%; въ послѣднемъ же 1912 — 13 году эти проценты увеличились еще болѣе.

Даже оставивъ въ сторонѣ все сказанное выше, только по однимъ этимъ цифрамъ можно судить о томъ, какое положеніе занимаетъ университетъ Шанявскаго, въ особенности, если принять во вниманіе, что въ 1911—12 году 303 лица, т. е. 17,2%, были учащимися въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ 172 студента императорскаго московскаго университета и 42 слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ. Очевидно, университетъ Шанявскаго болѣе удовлетворяетъ требованіямъ дѣйствительно учащихся, чѣмъ другія однородныя съ нимъ высшія учебныя заведенія, и тѣ лица, которыя дѣйствительно хотятъ работать и въ то же время нуждаются въ дипломѣ и имѣютъ возможность вносить плату въ два учебныя заведенія, предпочитаютъ заниматься въ университетѣ Шанявскаго, а въ императорскомъ университетѣ или другомъ учебномъ заведеніи только держать необходимый для диплома экзаменъ...

Насколько проникаетъ въ провинцію популяр-

ность университета Шанявскаго, какъ высшаго учебнаго заведенія, можно судить по тому, что въ 1911—12 году около одной четверти слушателей полныхъ цикловъ пріѣхали изъ провинціи спеціально съ цѣлью учиться въ университетѣ, а въ послѣднемъ году количество такихъ лицъ значительно увеличилось,—было много пріѣхавшихъ съ далекихъ окраинъ, какъ напримѣръ, съ Кавказа, изъ Томской, Иркутской, Забайкальской и другихъ дальне-сибирскихъ губерній, также не мало было пріѣхавшихъ изъ Прибалтійскаго края и съ Урала. Этотъ фактъ весьма отрадный и даетъ право надѣяться, что притокъ слушателей изъ провинціи съ каждымъ годомъ будетъ больше и больше увеличиваться, что глухая провинція, наиболѣе нуждающаяся въ этомъ университетѣ, двинетъ въ него цѣлые кадры будущихъ своихъ идейныхъ работниковъ.

Нельзя не отнести къ отраднымъ явленіямъ также и то обстоятельство, что большинство слушателей университета Шанявскаго составляютъ женщины, и что онѣ также работаютъ энергично и плодотворно. Печально только то, что женщинъ мало даетъ провинція, — большинство ихъ представляютъ учащія въ московскихъ начальныхъ училищахъ.

Говоря о составѣ слушателей университета, нельзя обойти молчаніемъ и ихъ возрастъ. Въ 1911—12 году три четверти общаго числа слушателей составляли лица въ возрастѣ 20—40 лѣтъ, но не мало было лицъ и болѣе старшаго возраста. Въ каждой аудиторіи можно видѣть нѣсколько совершенно сѣдыхъ головъ, а говоря точно, въ

прошломъ 1911 — 12 году въ возрастѣ отъ 40 до 50 лѣтъ было 105 лицъ и въ возрастѣ свыше 50 лѣтъ 31 лицо. Присутствіе въ аудиторіяхъ университета слушателей такого преклоннаго возраста производитъ очень и очень благопріятное впечатлѣніе: вѣдь молодость, время ученья для этихъ людей давно прошло, жизнь ихъ клонится къ концу, а они, старые годами, все еще молоды духомъ, все еще не теряютъ надежды и бодрости, все еще стремятся впередъ, ищутъ новыхъ знаній, ищутъ новыхъ жизненныхъ путей. Это сознаніе вселяетъ бодрость, увеличиваетъ энергію нашихъ молодыхъ, но нерѣдко уставшихъ, душъ.

Говоря вообще, въ университетѣ Шанявскаго, студенческая жизнь полна разнообразія и содержательности. Приподнятое настроеніе, сознаніе общественнаго долга, стремленіе приложить свои силы и познанія къ общественному общекультурному дѣлу, стремленіе внести что-то новое въ общее дѣло младо-русскаго строительства сказывается на каждомъ шагу, чувствуется въ общей атмосферѣ университетскихъ аудиторій и коридоровъ. И вглядываясь внимательно во внутреннюю жизнь университета, невольно приходишь къ мысли, что та спячка, та общественная апатія, то духовное изможденіе, которыя еще такъ недавно душили русское общество, идутъ къ концу,—воля пробуждается, возрождается жизнь.

До сихъ поръ я говорилъ объ университетѣ Шанявскаго, какъ высшемъ учебномъ заведеніи о его центральномъ, академическомъ отдѣленіи. Но дѣятельность университета этимъ отдѣленіемъ

не ограничивается. Въ немъ есть еще два отдѣленія: 1) научно-популярное и 2) эпизодическихъ курсовъ.

Научно-популярное отдѣленіе является подготовительной ступенью къ академическому отдѣленію и разсчитано на лицъ, недостаточно подготовленныхъ для успѣшнаго усвоенія предлагаемыхъ на академическомъ отдѣленіи курсовъ и плодотворнаго участія въ практическихъ работъ. Значеніе этого отдѣленія огромно.

Для того, чтобы получить высшее образованіе, нужна извѣстная подготовка, которая дается среднеучебными заведеніями или добывается путемъ самообразованія. Но не всякій имѣетъ возможность получить эту подготовку въ достаточной степени по многимъ извѣстнымъ причинамъ. И лица, не имѣющія этой необходимой подготовки, могутъ получить ее на научно-популярномъ отдѣленіи университета. Оно даетъ необходимыя для занятій на академическомъ отдѣленіи предварительныя свѣдѣнія въ предѣлахъ программы средней школы, представляя нѣчто вполнѣ законченное и очищенное отъ разнаго рода ненужнаго балласта, переполняющаго программы среднихъ школъ, и внося многія необходимыя дополненія, примѣнительно къ программѣ академическаго отдѣленія университета, разбиваясь на два цикла: 1) естественныхъ наукъ и 2) общественныхъ наукъ.

Преподаваніе на этомъ отдѣленіи поставлено такъ же хорошо, какъ и на академическомъ, слушателямъ предоставлена такая же свобода самодѣятельности и вообще во многихъ отношеніяхъ,

сказанное выше объ академическомъ отдѣленіи можно примѣнить и къ научно-популярному.

Это отдѣленіе также, какъ и первое, пользуется значительной популярностью и количество слушателей на немъ увеличивается почти въ такой же прогрессіи.

Организованное осенью 1910 года, оно въ первый же годъ своего существованія привлекло 242 слушателя, а въ слѣдующемъ 1911-12 году слушателей на немъ было уже 420. Изъ нихъ 67% мужчинъ и 33% женщинъ, а по образованію составъ слушателей опредѣлился въ слѣдующихъ цифрахъ: 10,2% со среднимъ образованіемъ, 22,6% выше начальнаго, но не ниже средняго (ученики среднихъ учебныхъ заведеній, окончившіе дополнительные классы, торговыя и профессіональныя школы и др.), 57,6% съ начальнымъ образованіемъ и 9,6% неокончившихъ начальную школу.

Большинство слушателей этого отдѣленія, а именно 84,82% составляли служащіе и рабочіе.

По возрасту слушатели распредѣлялись такъ: 40% отъ 20 до 25 лѣтъ, 27% отъ 25 до 30 лѣтъ, 23% отъ 16 до 20 лѣтъ и 10% старше 30 лѣтъ.

Занятія на этомъ отдѣленіи (точно такъ же, какъ и на академическомъ) ведутся только вечеромъ и этимъ значительно расширяется доступъ въ университетъ: слушатели, нуждающіеся въ заработкѣ, работаютъ на сторонѣ безъ значительнаго ущерба для университетскихъ занятій.

Преслѣдуя цѣли общедоступности, универси-

тетъ Шанявскаго взимаетъ самую минимальную плату за обученіе въ немъ. Плата за полный циклъ наукъ научно-популярнаго отдѣленія 6 руб. въ годъ, а на академическомъ 40 р. въ годъ, причемъ на обоихъ отдѣленіяхъ допускается самая широкая разсрочка во взносѣ этой платы. Въ настоящее время пока трудно ожидать чего либо лучшаго въ этомъ отношеніи, въ особенности, если принять во вниманіе, что бѣднѣйшіе слушатели совершенно освобождаются правленіемъ университета и отъ этой платы, а за нѣкоторыхъ плату вноситъ общество усиленія средствъ университета и общество взаимопомощи слушателей.

Эпизодическіе курсы разсчитаны на лицъ, работающихъ или желающихъ работать въ различныхъ областяхъ общественной дѣятельности. Въ прошлые годы были организованы курсы по мѣстному самоуправленію, по общественному содѣйствію мелкому хозяйству и коопераціи, по библіотечному дѣлу, а въ текущемъ году къ нимъ прибавляются еще курсы по внѣшкольному образованію.

Эти курсы организованы такимъ образомъ, чтобы они были доступны наиболѣе широкой публикѣ, лицамъ не только получившимъ образованіе въ университетѣ, но и лицамъ, имѣющимъ лишь предварительныя свѣдѣнія по вопросамъ права и политической экономіи, т. е. такимъ лицамъ, которыя могли бы посвятить занятіямъ въ университетѣ небольшое время, пріѣхавъ для этой цѣли изъ провинціи въ Москву.

Эти курсы пользуются довольно большимъ успѣхомъ и привлекаютъ массу слушателей изъ далекой провинціи.

Н. Здобновъ.

МОСКВА БѢЛОКАМЕННАЯ СТОЛИЦА.

Москва матушка—золотыя маковки.
Москва царство, а деревня рай.
Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ.

Народныя присловья.

МОСКВА.

Такъ привольно раскинулась Москва со своими окрестными селеніями и дачами и въ такой прекрасной мѣстности, что по справедливости почитается однимъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Европы. Свѣжій глазъ путешественника и особенно художника находитъ эту красоту не только въ общихъ панорамахъ столицы, съ любой стороны, но и въ каждомъ уличномъ закоулкѣ, лишь бы этотъ закоулокъ открыто смотрѣлъ на Кремль или на одну изъ тѣхъ же панорамъ. Красота мѣстоположенія становится еще больше привлекательною отъ своеобразія и многочисленности старинныхъ, особенно церковныхъ, построекъ Москвы, которыя придаютъ ей такой оригинальный, просторный, ни съ чѣмъ несравнимый типъ стараго русскаго города, что всѣ другіе старые города Великой Руси относительно своей красоты и про-

странства очень справедливо именовали себя только уголками Москвы. „Нашъ городокъ—Москвы уголокъ!“ говорилось и въ Ярославлѣ, и въ Твери, и всюду, гдѣ приходило на мысль опредѣлить типическія черты красивой мѣстности и красиваго построенія стариннаго города. Народъ же свое удивленіе передъ старою матушкою-Москвою выразилъ особымъ и очень сильнымъ присловьемъ: „Кто въ Москвѣ не бывалъ—красоты не видалъ!“ Поговорка эта, выразившаяся впослѣдствіи и литературно, стихомъ: „Что матушки-Москвы и краше, и милѣй!“ сложилась, конечно, въ то еще время, когда Москва на самомъ дѣлѣ была единственнымъ на Руси городомъ, достойнымъ удивленія. Это было задолго до построенія приморскаго красавца—Петербурга, и въ ту эпоху, когда старѣйшій и первый на Руси днѣпровскій красавецъ, Кіевъ, совсѣмъ было удалился отъ русскихъ созерцаній въ чужую землю.

Живя на востокѣ, имѣя постоянное дѣло съ востокомъ, Москва физически не могла выростить себя совсѣмъ по западному образцу, съ которымъ вдобавокъ не сошлась характеромъ по вѣрѣ и по нѣкоторымъ политическимъ началамъ. Но зато она неутомимо шла не собственно къ западнымъ, а вообще къ европейскимъ цѣлямъ развитія и успѣла присвоить своему родному востоку именно европейскія силы народнаго совершенствованія. При внимательномъ и ближайшемъ разсмотрѣніи, восточный обликъ Москвы окажется вовсе не восточнымъ, а въ полной мѣрѣ русскимъ, въ полной мѣрѣ самобытнымъ созданіемъ русской народности. Высшую красоту старинный русскій народъ созерцалъ въ Божіемъ храмѣ, а въ Москвѣ было

столько церквей, что трудно было ихъ перечесть: „сорокъ сороковъ!“ Кромѣ красоты мѣстоположенія, пестрая, кудрявая, своеобразная архитектура этихъ церквей, золотыя маковки, золотыя главы, стройныя колокольни, царскія и боярскія высокія хоромы, терема и вышки съ самыми разнообразными и замысловатыми кровлями, которыя возвышались шатрами, бочками, скирдами, епанчами и т. п.; затѣмъ круговыя каменныя и деревянныя стѣны съ башнями и воротами, красотѣ и отдѣлкѣ которыхъ удивлялись даже иноземцы. Западные иноземцы, послы и посланники, подъѣзжавшіе къ Москвѣ въ XVI и XVII ст. большею частію отъ Смоленска, по Можайской дорогѣ, приходили въ неописанный восторгъ, когда съ Поклонной горы открывалась имъ въ самомъ дѣлѣ восхитительная панорама и самого города и окружающихъ красивыхъ мѣстъ, расположенныхъ между Воробьевыми горами, направо, а Тремя горами налѣво, съ обширнымъ лугомъ или цѣлымъ полемъ Ходынки, съ безконечными лѣсами по сторонамъ, уходящими и теперь далеко за горизонтъ. Они говорили, что видъ на Москву издали, то-есть именно съ этого пункта, по обширности и великолѣпію города, есть одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, какія удавалось имъ когда либо видѣть. Благочестивые изъ нѣмцевъ прямо сравнивали Москву съ Іерусалимомъ, разумѣя въ этомъ имени все прекрасное и великолѣпное, чѣмъ только городъ можетъ отличаться по своей красотѣ.

И. Забѣлинъ.

МОСКВА.

Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
  Вотъ окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.
  Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ... Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы;
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,

Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

Пушкинъ.

ПАНОРАМА МОСКВЫ.

Москва такъ богата видами, что можно было-бы насчитать до сотни пунктовъ и въ самомъ городѣ, и въ окрестностяхъ, откуда панорама выходитъ одинаково привлекательной, хотя и не одинаково обширной. Взойдете ли вы на любую колокольню, передъ вами непремѣнно разстелется яркая и многоцвѣтная картина. Ѣдете ли вы просто по улицѣ и, не ожидая того, попадете на спускъ съ какого-нибудь бульвара,—опять внизъ и вверхъ мечется вамъ въ глаза перспектива и тѣшитъ вашъ взглядъ.

Всего обширнѣе и колоритнѣе видъ Москвы съ Ивановской колокольни. Его знаютъ всѣ иностранцы и не лѣнятся подниматься на четыреста девять ступенекъ, ведущихъ до верхней площадки, гдѣ висятъ малые колокола, а оттуда есть еще деревянная лѣстница, ведущая на самый верхъ. Служитель при колокольнѣ разскажетъ вамъ, какъ въ дни торжествъ коронаціи поднимались на Ивана Великаго иностранные принцы, послы, корреспонденты.

Вы, дѣйствительно, стоите какъ-бы посрединѣ круга. Обходя верхнюю площадку съ ея парапетомъ, вы можете обозрѣть во всей ея полнотѣ панораму древней столицы. Внизу, подъ вами, блестятъ золотыя главы крышъ и рѣшетокъ; сверху центръ Кремля—соборы и дворцовыя церкви получаютъ еще болѣе своеобразный оттѣнокъ, поднимаютъ свои золоченыя главы, тѣшатъ взоръ и уносятъ его къ прошедшему, даютъ вамъ сразу историческое чувство. Вы видите и ту церковь, что́ стоитъ на дворцовомъ, дворѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ, такъ что ее снизу ни откуда не видно иначе, какъ когда вы войдете на самый дворъ; это первый храмъ, поставленный среди бора, которымъ покрывался кремлевскій холмъ. Самое цѣльное впечатлѣніе производитъ площадь, окруженная соборами, съ Краснымъ крыльцомъ и теремами. Она сложилась всей исторической жизнью, хотя и не въ полномъ единствѣ архитектурнаго стиля, но въ единствѣ гармоніи.

Сверху всѣ зданія Кремля, несмотря на то, что есть между ними далеко неудачныя,—какъ напр., казарма, арсеналъ, дворцовыя помѣщенія противъ и около Потѣшнаго дворца,—даютъ совокупность, выходящую всегда цѣлостной. Но взглядъ вашъ просится въ ширь и въ даль, во всѣ стороны кругозора. Его влекутъ безчисленные контуры, краски и извивы огромнаго моря зданій и садовъ, парковъ, холмовъ и равнинъ. Трудно сказать, въ какую сторону видъ окажется живописнѣе. Вы смотрите на Москву-рѣку и Замоскворѣчье. Рама этой картины безподобна! Она состоитъ изъ кремлевской стѣны, надъ которой



Видъ съ Кремля на Москву.

возвышается сначала вся обширная эспланада передъ дворцомъ, потомъ парапетъ, зеленѣющійся спускъ холма, сады, разбитые внизу, башни и зубцы, а тамъ уже—обѣ набережныя, Москворѣцкій и Каменный мосты и все Замоскворѣчье, утопающее, въ солнечный день, въ розоватой дымкѣ, съ необыкновенно мягкими тонами. А еще дальше—чуть видныя окраины, поля и рвы, и узкій, сливающійся со сводомъ неба, горизонтъ.

Вправо бьетъ вамъ въ глаза колоссальная шапка храма Спасителя и желтовато-бѣлый ящикъ, понасѣвшій на красивую площадь, откуда спускается изящная лѣстница, которая мало чѣмъ уступитъ знаменитой парижской лѣстницѣ Трокадеро. Храмъ Спаса занялъ теперь особое положеніе въ панорамѣ Москвы. Можно сказать даже, что онъ слишкомъ привлекаетъ къ себѣ издали, когда вы смотрите на городъ изъ-за рѣки; но съ Ивана Великаго вся эта мѣстность, сдѣлавшаяся теперь однимъ изъ главныхъ украшеній Москвы, гораздо больше сливается съ общимъ видомъ набережной, выступая во всей своей величавости. Едва-ли есть въ западной Европѣ хоть одинъ храмъ, который бы стоялъ, на близкомъ разстояніи, такъ выгодно и красиво, какъ храмъ Спаса.

Взглядъ вашъ продолжаетъ двигаться направо и уходитъ къ широкому прибрежью Москвы-рѣки, различаетъ Нескучный садъ съ его дворцомъ, Воробьевы горы,—покоится на зеленой луговинѣ, имѣющей форму широкаго лоскута или языка, закругленнаго съ трехъ сторонъ изгибомъ рѣки. И на этой луговинѣ высится колокольня Новодѣвичьяго монастыря. Ограды и башенки съ ихъ

окраской издають свою заключительную ноту въ этой части панорамы. Оттуда, все правѣе и назадъ по рѣкѣ, взглядъ вашъ доходитъ до Драгомиловскаго моста, различаетъ ширь Ходынскаго поля съ конскимъ бѣгомъ, останавливается на красномъ, характерномъ пятнѣ Петровскаго дворца, ушедшаго въ зелень,—пройдетъ по Сущеву, по Палихѣ, остановится на зданіи Екатерининскаго института, на аллеяхъ, повышеніяхъ и спускахъ Самотеки. Вы уже стоите какъ разъ на противоположномъ пунктѣ площадки Ивана Великаго. Двигаетесь вы вправо, и зеленая линія Садовой доводитъ вашъ взглядъ до Сухаревой башни и розовой дуги съ куполомъ Шереметьевской больницы. Тамъ опять цвѣтное пятно: Красныя ворота съ блестящей точкой—статуя трубящаго генія. Вдаль по прямой линіи уходятъ отъ васъ Красный прудъ и Сокольники; а книзу и вправо—чаща зданій Басманныхъ.

Садовая и бульвары, огибающіе городъ, спускаются все той же параллельной линіей кправу и книзу, образуя двойную подкову изъ зелени, которой окаймлена Москва отъ Крымскаго до Краснохолмскаго моста. И тутъ, что ни остановка, то яркое пятно, или цѣлое скопленіе зданій, церквей, или повороты бульваровъ. Вы сокращаете свое поле зрѣнія, стягиваете панораму къ тому мѣсту, гдѣ стоите, и отъ послѣдняго Яузскаго бульвара покоите свой взглядъ на Воспитательномъ домѣ съ его грандіознымъ четырехъугольникомъ, свѣтлой твердыней спускающагося къ набережной Москвы-рѣки, параллельно съ

стѣной Китай-города, почти упирающейся въ круглую (Безымянную) башню.

И вы обозрѣли одну лишь внѣшнюю окраину. А между линіями бульваровъ, Садовой, стѣнъ Китай-города и Кремля кишитъ колоссальный муравейникъ. Разглядѣть всѣ его части и подробности съ высоты, гдѣ вы стоите,—дѣло не легкое. Отъ Крымскаго моста, откуда черезъ Крымскій проѣздъ дорога идетъ по Зубовскому и Смоленскому бульварамъ до Смоленской площади,—вправо, тотчасъ за набережной, высится храмъ Спасителя. Взглядъ остановится далѣе на Зачатьевскомъ монастырѣ. Между Остоженкой и Пречистенской нѣтъ ничего выдающагося. Тутъ сѣть переулковъ сдавливается Смоленскимъ и Пречистенскимъ бульварами, и нѣсколько старыхъ церквей: мученика Власія, Покрова въ Левшинѣ, Живоначальныя Троицы, Аѳанасія и Кирилла, Апостола Филиппа оживляютъ своими цвѣтными пятнами кучу домовъ и домиковъ вплють до Арбата. Въ неправильной трапеціи между Арбатомъ и Кречетниковской высятся колокольни и главы Преображенія и Николая Чудотворца. Тутъ линія между Новинскимъ и Никитокимъ бульварами дѣлается шире; изъ трехъ пунктовъ высятся главы церквей Іоанна Предтечи, Рождества въ Кудринѣ, Бориса и Глѣба. Поварская съ Арбатомъ образуютъ уголъ, сливающійся на Арбатской площади. Новинскимъ оканчивается лѣвая вереница бульваровъ, послѣ чего идетъ Садовая и Кудрино до Земляного вала. Никитскій бульваръ, вогнутый, а не выпуклый, какъ-бы ему слѣдовало быть, обрывается у церкви Большого Возне-

сенія. А за каждымъ дальнѣйшимъ бульваромъ непремѣнно найдется какой-нибудь пунктъ, который привлечетъ взглядъ. За Тверскимъ, на самой Садовой, Ермолай на Козьемъ болотѣ, Рождество въ Палашахъ, Благовѣщеніе на Тверской, глазная больница, на площади памятникъ Пушкину. Страстной монастырь съ его колокольней выдѣляется своимъ розоватымъ пріятнымъ тономъ, а въ отрѣзкѣ между бульваромъ и Садовой бѣлѣетъ старый Пименъ. Дальше на Дмитровкѣ Успеніе Богородицы и прелестная церковь Рождества на Путинкахъ—перлъ старомосковскаго церковнаго зодчества, съ ея тонкими конусами, съ нѣжнымъ окрашиваніемъ, вся нарядная и какъ-бы дышащая богатствомъ очертаній и стройностью всего склада. Новая Екатерининская больница широкимъ желтымъ пятномъ заканчиваетъ Страстной бульваръ. Самотека расползается и зеленѣетъ въ пространствѣ между Каретнымъ рядомъ и Большимъ Спасскимъ переулкомъ. Ничто не выдѣляется вплоть до церкви Спаса Преображенія. Широкой лентой спускается Цвѣтной бульваръ съ красными крышами двухъ сосѣднихъ зданій. Въ большомъ промежуткѣ на двухъ концахъ стоятъ церкви Николая Чудотворца въ Драчахъ и Троицы—*Листы*, какъ называетъ народъ. Тутъ, отъ Сухаревой башни и Шереметьевской больницы, пространство между Садовой и бульварами опять расширяется. Вы отмѣтите церкви Преображенія въ Пушкаряхъ и Николая Чудотворца на Мясницкой, домъ Солдатенкова, а дальше, по ту сторону Красныхъ воротъ, Трехъ Святителей и Харитонія въ Огородникахъ; между Харитоніевскимъ

переулкомъ и Покровкой опять чаща домовъ и домиковъ безъ выдающихся зданій или храмовъ. Трудно замѣтить домъ Боткина, гдѣ хранится такая цѣнная картинная галлерея. Гораздо рельефнѣе выступаетъ домъ четвертой гимназіи въ Растрелліевскомъ вкусѣ и церкви Воскресенія въ Барашахъ и Іоанна Предтечи на Садовой. Высокая, кирпично-красная, выстроенная въ характерномъ стилѣ, колокольня Ильи Пророка на Воронцовомъ полѣ преобладаетъ надъ всей мѣстностью между Покровскимъ бульваромъ и Землянымъ валомъ. Здѣсь-же вы остановитесь на церкви Николая Чудотворца, гдѣ Гостиная Горка, и Яузскимъ бульваромъ закончите обзоръ всего этого неполнаго эллипсиса, протянувшагося на десятки верстъ.

Остается еще одинъ неполный эллипсисъ, окружающій Китай-городъ съ Кремлемъ. Если начинать опять отъ храма Спаса, то изъ-за пестрой чащи кровель будетъ выдѣляться больше характерныхъ домовъ, чѣмъ церквей. У самаго храма сохранилась въ своемъ стилѣ начала семнадцатаго вѣка церковь Похвалы Богородицы, показывающая контрастомъ своихъ размѣровъ съ громадиной храма—какъ онъ великъ. Наискосокъ отъ храма вы замѣтите старинный, барской постройки домъ, на дворѣ: Голицынскій музей. Нѣсколько ниже и лѣвѣе по Предтеченскому бульвару домъ бывшаго городского головы С. М. Третьякова съ рѣшетчатой крышей. Вплоть до Знаменки, кромѣ церкви Знаменія, ничто не остановитъ васъ особенно. Въ кускѣ между Знаменкой и Воздвиженьемъ стоятъ дома: Пашкова

(Румянцевскій музей) и домъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Пашковскій домъ до сихъ поръ, по легкости и красотѣ архитектуры, едва-ли не самое изящное строеніе Москвы. И положеніе его чрезвычайно выгодно; его бельведеръ, крыши, колоннады видны очень издалека. Все зданіе съ крыльями и галлереями поднимается передъ нами изъ зеленаго садика, идущаго по улицѣ. Реставрированная церковь при архивѣ въ старомъ византійско-русскомъ стилѣ придаетъ и главному корпусу съ его оградой своеобразность и красоту. Тутъ же на Воздвиженкѣ, только въ другомъ концѣ, къ Арбатскимъ воротамъ, выдѣляется церковь Бориса и Глѣба. Вдоль Никитскаго бульвара, между бульваромъ и Кисловками вы ни на чемъ особенно не остановитесь. На Моховой—старый и новый университеты, въ тяжеловатомъ стилѣ прошлаго вѣка, придаютъ всей этой мѣстности особенный характеръ. Крыша экзерцир-гауза и желтыя его стѣны протянулись длиннымъ пластомъ по правую сторону Моховой. Позади и лѣвѣе высится колокольня съ воротами Никитскаго монастыря; отъ нея еще лѣвѣе, на углу Чернышевскаго переулка и Никитской, церковь Малаго Вознесенія, а на Тверской площади, передъ домомъ генералъ-губернатора, стоящимъ въ видѣ каменнаго ящика, къ Столешникову переулку церковь Козьмы и Даміана въ Шубинѣ. Правѣе ограда упраздненнаго Георгіевскаго монастыря на Большой Дмитровкѣ. Ниже и правѣе куполъ Благороднаго собранія, а надо всѣмъ верхній ярусъ и крыша Большого театра. Между домами Охотнаго ряда, тотчасъ за угольной баш-

ней Кремля, краснѣетъ огромный корпусъ Большого Московскаго трактира. На сгибѣ между Рождественскимъ бульваромъ и Кузнецкимъ мостомъ Срѣтенскій монастырь и церковь Введенія (бывшій Варсонофьевскій монастырь) даютъ нѣсколько свѣтлыхъ и цвѣтныхъ пятенъ. Отъ Лубянки и Лубянской площади правѣе и ниже— старая церковь архидіакона Евпла на Мясницкой, а въ сторону Срѣтенскаго бульвара такая же старинная церковь Фрола и Лавра. Зданія Почтамта и Телеграфнаго вѣдомства занимаютъ цѣлый кварталъ до Чистыхъ прудовъ. Ближе къ стѣнѣ Китай-города между Владимірскими и Ильинскими воротами нѣжно-зеленоватымъ поставцомъ въ русскомъ стилѣ выступаетъ домъ Политехническаго музея. Отъ него вправо по ломаной линіи вдоль Моросейки и къ Покровскимъ воротамъ стоятъ церкви Николая Чудотворца, Успенія на Покровкѣ и Живоначальныя Троицы на Грязяхъ. Ниже и правѣе отъ Ильинскихъ воротъ церковь Спаса Преображенія, а черезъ Козьмодемьяновскую улицу по линіи, сверху, внизъ и вправо, церковь Козьмы и Даміана на Моросейкѣ. Дойдя взглядомъ до возвышенности, на которой стоитъ Ивановскій монастырь съ высокимъ куполомъ и двумя башенками, вы опять вблизи Воспитательнаго дома, и послѣднее крупное зданіе будетъ желтоватая каменная глыба съ куполомъ, Опекунскій Совѣтъ.

Китай-городъ весь состоитъ изъ разноцвѣтныхъ пятенъ камня, кирпича, золота, изразцовъ на своихъ лавкахъ, храмахъ, башняхъ, историческихъ зданіяхъ. Сверху Китай-городъ имѣетъ очерта-

нія неправильной дуги, изломъ которой приходится къ нижнему крылу въ стѣнѣ Воспитательнаго дома; лѣвое колѣно этой дуги переломлено у Кремля, тамъ, гдѣ стоитъ одна изъ „безымянныхъ“ башенъ, наискосокъ Москворѣцкаго моста. Плотнѣе къ стѣнѣ Кремля съ чуть замѣтнымъ проѣздомъ около Никольскихъ воротъ, параллельно со стѣной ширится зданіе Историческаго музея, до сихъ поръ еще не обшитое изразцами, темнокрасное, съ своими минаретами, крышами и куполами полувизантійскаго, полуиндійскаго стиля. Изъ-за него выглядываютъ двѣ остроконечныя башни Воскресенскихъ воротъ, смотрящихъ фасомъ, съ часовней Иверской, на Тверскую и Воскресенскую площадь. А отъ Воскресенскихъ воротъ, отъ угла, выполненнаго зданіемъ бывшей Ямы, съ одной башенкой, уголъ Никольской бѣлѣетъ куполомъ и колокольней Казанскаго собора. Вся Никольская извивается вверхъ съ своими монастырями, лавками, Синодальной типографіей, Славянскимъ базаромъ, церковью Владимірской Божьей Матери до Владимірскихъ воротъ.

Красная площадь легла широкой лентой отъ Историческаго музея до церкви Василія Блаженнаго. Памятникъ Минину и Пожарскому кажется мелкимъ для такого обширнаго пространства. Между Богоявленскимъ и Черкасскимъ лѣзутъ одна на другую крыши большихъ домовъ Чижовыхъ, а вправо къ Ильинкѣ поднимаются главы церкви Николая Чудотворца. Ильинка бѣлой, широкой полосой идетъ вверхъ почти параллельно съ Никольской, а ея отдѣльныя зданія выступаютъ

ярче, — есть больше возможности видѣть ихъ фасады. Тутъ старый Гостиный дворъ, Троицкое подворье, Биржа съ своей кишащей народомъ и экипажами площадкой, разноцвѣтная окраска домовъ съ навѣсами, вывѣсками, подъѣздами и цвѣтнымъ пятномъ церкви, прозванной Малиновый или Красный звонъ.

Василій Блаженный на своей высокой подставкѣ красуется въ изящной причудливости своихъ девяти куполовъ и даетъ заключительную ноту архитектурной гармоніи Китай-города и Кремля. Отъ него по Варваркѣ, мимо дома бояръ Романовыхъ и церквей съ ихъ яркой окраской и смѣшеніемъ стилей: Георгія Побѣдоносца, Іоанна Предтечи, Варвары Великомученицы, Максима Исповѣдника, кверху уходитъ улица вплоть до Варварскихъ воротъ, а книзу и вправо спускаются переулки Зарядья. Линія Китай-города окаймляетъ все московское Сити, параллельно съ Кремлевской стѣной, отъ Воскресенскихъ воротъ вплоть до Круглой башни, заканчивающей Китайскій проѣздъ на Москворѣцкой набережной.

Кремль съ высоты Ивана Великаго представляется довольно правильнымъ треугольникомъ съ болѣе широкимъ основаніемъ вдоль Кремлевской набережной, съ притупленными нижними углами и съ острымъ угломъ, врѣзывающимся къ Воскресенской площади, съ башней, которая такъ и называется Угольной; отъ нея правѣе — ребро, идущее до Спасскихъ воротъ. Вдоль стѣны — сначала Царская башенка, потомъ двѣ Безымянныя; между Спасскими и Никольскими воротами, Сенатская башня выглядываетъ изъ-за зданія Сената

съ его куполомъ. Оно выстроено такимъ же почти треугольникомъ, какъ и самый Кремль, съ линіями, идущими параллельно къ стѣнамъ, и съ двумя перекладинами внутри, изъ боковыхъ корпусовъ. Арсеналъ, рѣзко оттѣняющійся своей желтой краской отъ бѣлизны Сената, представляетъ собою неправильный параллелограммъ; самое длинное его ребро, вдоль стѣны, выходящей на Александровскій садъ, идетъ отъ Угольной до Троицкой башни съ Троицкими воротами, мостомъ и сквознымъ вѣнцомъ башни Кутафьи. Ярко выступающая въ солнечный день улица изъ дворцовыхъ корпусовъ, съ зеленымъ пятномъ Потѣшнаго дворца, спускается внизъ тремя каменными узкими ящиками до галлереи, соединяющей Большой дворецъ съ Оружейной палатой. Дворецъ, самое высокое зданіе въ Кремлѣ, стоитъ четырехугольнымъ ящикомъ вокругъ тѣснаго двора, откуда выглядываютъ главки церкви Спаса-на-Бору. Терема, переходы, фигурныя окна, подъемы и углубленія крышъ — все пестритъ передъ вами въ разноцвѣтныхъ полосахъ, въ позолотѣ и въ изразцахъ. Глаза разбѣгаются и хотятъ схватить разомъ все обиліе цвѣтовъ и очертаній, выпуклостей и архитектурныхъ деталей: и Красное крыльцо, и золоченыя главки дворцовыхъ церквей, въ особенности церкви Спаса за золотой рѣшеткой, и мелькающія сверху причудливыя формы зодчества въ теремахъ и вышкахъ. Тутъ самая большая скученность кремлевскихъ древностей; вы чувствуете, какъ старые строители не умѣли еще распоряжаться пространствомъ, дорожили уютомъ и близостью. Успенскій соборъ совсѣмъ притиснутъ къ дворцу,

а на него сзади какъ-бы налегаетъ Патріаршій, нынѣшній Синодальный домъ съ церковью Двѣнадцати Апостоловъ. Площадка съ историческими святынями Москвы, равняющаяся размѣрами цѣлой площади, вся бѣлѣетъ на солнцѣ, вымощенная плитами, обставленная со всѣхъ сторонъ соборами и колокольней, гдѣ вы стоите, вмѣщающей въ себѣ цѣлыхъ двѣ церкви. Впечатлѣніе — всегда праздничное, величавое и богатое, не европейское, а скорѣе восточное, безъ всякаго, однако, оттѣнка мрачности или мистицизма. Хотѣлось бы одного: убрать совсѣмъ зданіе казармъ, стоящее подъ прямымъ угломъ къ дворцовому корпусу. Правый уголъ Кремля открываетъ неправильныя площадки между храмами монастырей Вознесенскаго и Чудова, зданіемъ келій, идущимъ отъ Ивана Великаго къ боковому фасаду Сената, Малымъ Кремлевскимъ дворцомъ съ его загнутымъ глаголемъ фасомъ. Царь-колоколъ и Царь-пушка заслонены Ивановской колокольней одинъ отъ другой. Сверху свободнаго пространства оказывается въ Кремлѣ очень много, гораздо больше, чѣмъ это кажется, когда вы объѣзжаете его. Стѣны идутъ желтовато-сѣроватой каймой вдоль одного бока, переходящей въ зелень Александровскаго сада, а садъ перерывается въ двухъ мѣстахъ противъ Троицкихъ и противъ Боровицкихъ воротъ и сползаетъ внизъ до красивой круглой Водовзводной башни. Передъ дворцовой эспланадой зеленѣющій откосъ переходитъ въ болѣе густую зелень сада, идущаго вдоль нижней стѣны съ двумя церквами, которыя затериваются тутъ среди общаго блистательнаго вида. Это—церкви Петра Митрополита и Констан-

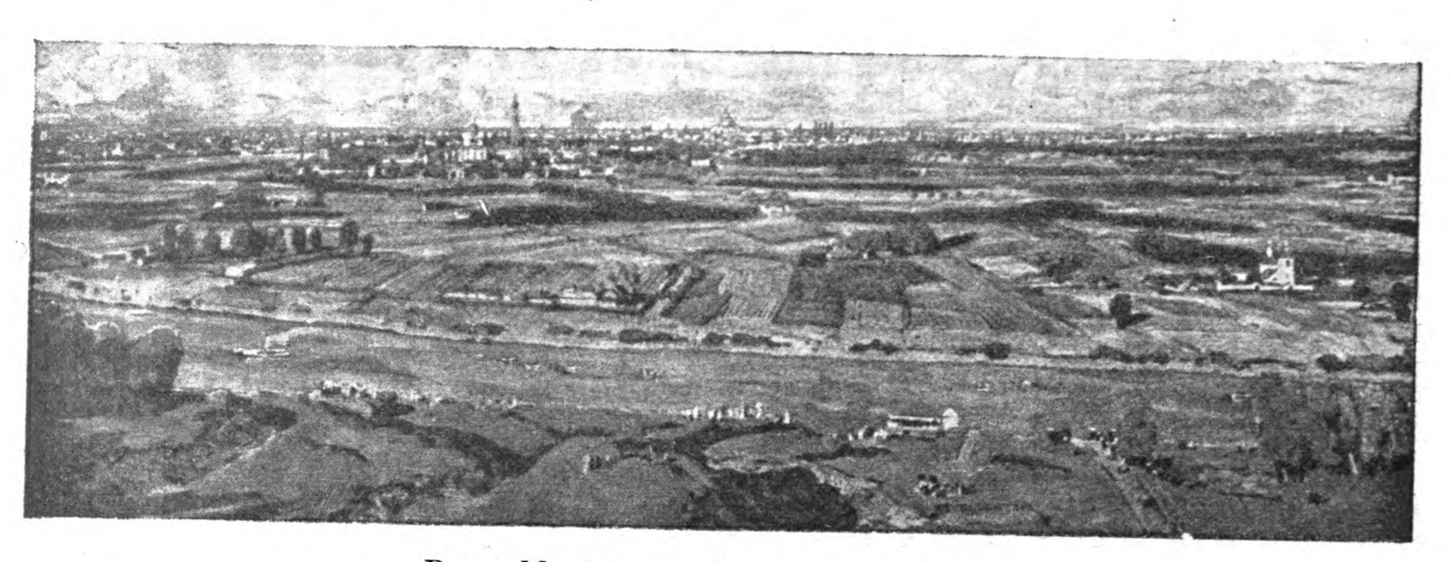
тина и Елены. Четыре башни: Троицкихъ воротъ, Петра Митрополита, Благовѣщенская и Константино-Еленинская, — почти такой же архитектуры, какъ и Сенатская башня, — красятъ весь этотъ прибрежный фасадъ Кремля, а уголъ у Москворѣцкаго моста замыкается такой же круглой и легкой, какъ Водовзводная, Безымянной башней.

Замоскворѣчье, охватывающее васъ сначала своей общей картиной, выясняется теперь въ деталяхъ. На противоположной набережной, между Москворѣцкимъ и Каменнымъ мостами, темнокрасный ящикъ Кокоревской гостиницы и рядомъ съ нимъ бѣлая, высокая колокольня церкви Святой Софіи стоятъ впереди всей панорамы. Правѣе и глубже, къ Водоотводному каналу, загибаетъ неполнымъ эллипсисомъ Винный городъ, а за каналомъ пролегаютъ улицы и переулки, идущіе къ двумъ центрамъ: Калужской и Серпуховской площадямъ. Налѣво — Большая Ордынка, отъ Москворѣцкаго моста Пятницкая, направо отъ Каменнаго—Большая Полянка и Большая Якиманка, ведущія прямо къ Калужской площади. Отъ Калужской площади по прямой линіи идетъ Крымскій валъ къ Крымскому мосту, а дальше вѣеромъ расходятся четыре улицы: Калужская съ дорогой въ Нескучный садъ и Александровскій дворецъ мимо богадѣльни, училища, больницъ; затѣмъ Донская, Шаболовка и Мытная. Отъ Серпуховской площади, внизъ, изломаннымъ треугольникомъ, идутъ Малая и Большая Серпуховскія. Лѣвѣе расползлась Зацѣпа; часть ея, Валовая Зацѣпа, загибаетъ нѣсколько внизъ къ Краснохолмскому мосту, а кверху и влѣво видны Кожевники, дохо-

дящіе до рѣки. На этомъ огромномъ полукругѣ Замоскворѣчья съ его двумя площадями и Коровьимъ валомъ, соединяющимъ ихъ, разбросано множество цвѣтныхъ и золотящихся точекъ. Всего ярче выдѣляются сначала, поближе къ Водоотводному каналу, по ту сторону его, справа клѣву, церкви: Іоакима и Анны, Воскресенія въ Кадашахъ и Параскевы Пятницы. Между двумя первыми церквами трудно отличить въ Лаврушенскомъ переулкѣ домъ П. М. Третьякова съ его художественными богатствами. Часть этого дома, съ помѣщающеюся въ ней знаменитою картинною галлереею, пожертвована П. М. Третьяковымъ городу Москвѣ и составляетъ теперь городскую собственность. Ближе къ Серпуховской площади по Полянкѣ выдѣляется церковь Успенія, а къ Калужской площади—Казанской Божьей Матери, на Ордынкѣ — церковь Николая Чудотворца, на Пятницкой — Троицы.

Налѣво, вдали, за Землянымъ городомъ и рѣкой, стоятъ стѣны, башни, главы и колокольня Новоспасскаго монастыря; отъ него лѣвѣе, къ Нижегородской дорогѣ — группа Покровскаго монастыря, еще лѣвѣе, у Яузы—Андроньевскій монастырь, а тамъ, у изгиба Яузы—дворцовый садъ у красныхъ казармъ. И еще разъ взоръ вашъ обойметъ всѣ ближайшія окрестности Москвы, пройдется по холмамъ, рощамъ, монастырямъ Симонову и Донскому, дворцамъ, чтобы уйти къ дымчатому горизонту.

П. Боборыкинъ.



Видъ Москвы съ Воробьевыхъ горъ.

МОСКВА.

Я побывалъ въ четырехъ изъ пяти частей свѣта, но чего-либо подобнаго московскому Кремлю я никогда не видалъ. Я видѣлъ прекрасные города, но Москва—это нѣчто сказочное! Кстати, я обратилъ вниманіе на то, что русскіе говорятъ не „Москва“, а „Масква“. Что̀ правильнѣе—не знаю.

Въ Спасскихъ воротахъ извозчикъ оборачивается на своихъ козлахъ къ намъ, снимаетъ шапку и дѣлаетъ намъ знаки, чтобы мы послѣдовали его примѣру. Эту церемонію установилъ царь Алексѣй. Мы сняли наши шляпы, увидѣвъ, что и всѣ другіе проѣзжающіе и проходящіе въ ворота снимаютъ шляпы. Извозчикъ поѣхалъ дальше—и мы очутились въ Кремлѣ.

Въ Москвѣ около четырехсотъ пятидесяти церквей и часовенъ, и когда начинаютъ звонить всѣ колокола, то воздухъ дрожитъ отъ множества звуковъ въ этомъ городѣ съ милліоннымъ населеніемъ. Съ Кремля открывается видъ на цѣлое море красоты. Я никогда не представлялъ себѣ, что на землѣ можетъ существовать подобный городъ: все кругомъ пестрѣетъ зелеными, красными и золочеными куполами и шпицами. Передъ этой массой золота въ соединеніи съ яркимъ голубымъ цвѣтомъ блѣднѣетъ все, о чемъ я когда-либо мечталъ. Мы стоимъ у памятника Александру Второму и, облокотившись о перила, не отрываемъ взора отъ картины, которая раскинулась передъ нами. Здѣсь не до разговора, но глаза наши дѣлаются влажными.

Въ Кремлѣ на самомъ высокомъ мѣстѣ стоитъ

Успенскій соборъ. Сама церковь невелика, но въ ней больше драгоцѣнныхъ камней, чѣмъ гдѣ бы то ни было на всемъ свѣтѣ. Здѣсь коронуются цари. Золото, серебро, драгоцѣнные камни повсюду,— орнаменты, мозаика съ самаго пола и до верхнихъ сводовъ, сотни иконъ, портреты патріарховъ, изображеніе Христа, потемнѣвшія картины. Въ церкви есть одно небольшое пустое мѣсто въ стѣнѣ: въ это мѣсто обыкновенно новые цари вставляютъ громадный драгоцѣнный камень въ даръ церкви. И стѣна въ этомъ мѣстѣ усѣяна вся брильянтами, смарагдами, сапфирами и рубинами.

Церковный сторожъ показалъ намъ также коекакія другія мелочи. Въ то время, какъ набожные москвичи стоятъ передъ различными алтарями и иконами и молятся, сторожъ объясняетъ намъ не слишкомъ тихимъ голосомъ, что это часть ризы Христовой, а это подъ стекломъ гвоздь изъ Креста Господня, въ этой шкатулкѣ подъ замкомъ находится частица ризы Дѣвы Маріи. Мы съ удовольствіемъ даемъ денегъ служителю и нищимъ у дверей и выходимъ изъ собора, совершенно ошеломленные этимъ сказочнымъ великолѣпіемъ.

Мнѣ кажется, что я не преувеличиваю. Очень можетъ быть, что въ мои воспоминанія о церкви вкралась какая-нибудь ошибка, потому что я не могъ дѣлать замѣтокъ тамъ же, на мѣстѣ; я не видѣлъ конца этимъ несмѣтнымъ сокровищамъ и совершенно растерялся, и я знаю, что объ очень многомъ забылъ упомянуть, а многаго даже и не видалъ. Во всѣхъ углахъ сверкало, а свѣтъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ такой скудный, что многія детали пропали для меня. Но вся церковь—

это не что иное, какъ одна громадная, сплошная драгоцѣнность.

Время отъѣзда назначено. Безполезно желать остаться еще на одинъ лишній день; но жалко, здѣсь есть много, на что стòитъ посмотрѣть. Даже самъ Мольтке немного растерялся въ этомъ городѣ, онъ пишетъ, что Москва—это городъ, „который можно нарисовать въ своемъ воображеніи, но котораго никогда нельзя увидѣть въ дѣйствительности". Передъ этимъ онъ какъ разъ побывалъ на колокольнѣ Ивана Великаго и оттуда любовался на сказочный городъ....

Ахъ, если бы мнѣ когда-нибудь еще разъ довелось увидѣть Москву!

Кнутъ Гамсунъ.

МОСКОВСКІЙ КРЕМЛЬ НОЧЬЮ.

Какъ прекрасенъ, какъ великолѣпенъ нашъ Кремль въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западѣ, а ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаетъ своимъ кроткимъ свѣтомъ и небеса, и всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно-блаженныхъ, если хотите испытать этотъ неизъяснимо-сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій, ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ; садьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ, и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и

дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. Поздно вечеромъ вы никого не встрѣтите въ Кремлѣ; часу въ одиннадцатомъ ночи въ немъ раздаются одни только рѣдкіе оклики и мѣрные шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ проѣзжающія кареты, кричатъ извозчики, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, невнятный говоръ всего Замоскворѣчья, какъ будто шепчетъ вамъ на ухо о радостяхъ, забавахъ и суетѣ земной жизни. Но все это отъ васъ далеко, вы выше всего этого. Вотъ набѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ; внизу густая тѣнь легла на все Замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки, и всѣ дома подернулись туманомъ. Но здѣсь, на кремлевскомъ холмѣ, облитыя свѣтомъ главы соборовъ блестятъ попрежнему, и позлащенный крестъ Ивана Великаго горитъ яркой звѣздою въ вышинѣ. Поглядите вокругъ себя: какъ стройно и величаво подымаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнныя тѣла святыхъ угодниковъ московскихъ. О, какъ эта торжественная тишина, это безмолвіе, это чувство близкой святыни, эти изукрашенные терема царей русскихъ и въ двухъ шагахъ ихъ скромныя гробницы,—какъ это все отрываетъ васъ отъ земли, тушитъ ваши страсти, умиляетъ сердце и наполняетъ его какимъ-то неизъяснимымъ спокойствіемъ и миромъ! Внизу все еще движеніе и суета, люди или хлопочутъ о дѣлахъ своихъ или

помогаютъ другъ другу убивать время; а здѣсь все тихо, все спокойно и все также живетъ,—но только другою жизнію. Эти высокія стѣны, древнія башни и царскіе терема не безмолвны: они говорятъ вамъ о быломъ, они воскрешаютъ въ душѣ вашей память о вѣкахъ давно прошедшихъ. Здѣсь все напоминаетъ вамъ и бѣдствія и славу вашихъ предковъ... Испытайте это сами, придите въ Кремль попозже вечеромъ, и если вы еще не вовсе отвыкли бесѣдовать съ самимъ собою, если можете нѣсколько минутъ прожить безъ людей, то вѣрно скажете мнѣ спасибо за этотъ совѣтъ.

Загоскинъ.

БЫТЪ МОСКВЫ.

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ.

...Въ самомъ дѣлѣ, куда забросило русскую столицу—на край свѣта! Странный народъ русскій: была столица въ Кіевѣ—здѣсь слишкомъ тепло, мало холоду; переѣхала русская столица въ Москву—нѣтъ, и тутъ мало холода: подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дичь между матушкою и сынкомъ! Чтò это за виды, чтò за природа! Воздухъ продернутъ туманомъ; на блѣдной, сѣрозеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, ельникъ, кочки... Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да русскія поющія и звенящія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до сихъ поръ русская борода, а онъ уже ловкій европеецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ вытянулся въ струнку щеголь-Петербургъ! Передъ нимъ со всѣхъ сторонъ зеркала: тамъ Нева, тамъ Финскій заливъ. Ему есть куда поглядѣться. Какъ только замѣтитъ онъ на себѣ перышко или пушокъ, ту-жъ минуту его прочь. Москва—старая домосѣдка, печетъ блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ креселъ, о

томъ, что дѣлается въ свѣтѣ; Петербургъ—разбитной малый, никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ.

Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинаетъ печь французскіе хлѣбы, которые на завтра всѣ съѣстъ разноплеменный народъ, и во всю ночь то одинъ глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужескаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Потербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода; если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней—какъ сарайныя двери. Петербургъ—аккуратный человѣкъ, совершенный нѣмецъ, на все глядитъ съ расчетомъ и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва—русскій дворянинъ и если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ: она не любитъ средины. Въ Москвѣ всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ; петербургскіе рѣдко прилагаютъ картинки, если же приложатъ, то съ непривычки взглянувшій можетъ перепугаться.

Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч., и проч.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы нейдутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются. Москва всегда ѣдетъ, завернувшись въ медвѣжью шубу, и большею частью на обѣдъ; Петербургъ, въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу или „въ должность". Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымется съ постели раньше второго часа; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, въ девять часовъ спѣшитъ, въ своемъ байковомъ сюртукѣ, въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и разъѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ, по зимнимъ ухабамъ, сбывать и закупать; въ Петербургъ идетъ русскій народъ пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва—кладовая, она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловитъ мелкихъ покупщиковъ. Москва говоритъ: „коли нужно покупщику—сыщетъ"; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается

подъ вашъ полъ съ „Ренскимъ погребомъ“ и ставитъ извозчичью биржу въ самыя двери вашего дома. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстуки и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва—большой гостиный дворъ; Петербургъ—свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи, для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ; Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ будто сошедшіе съ журнальныхъ модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна, даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадется, въ самой серединѣ модной толпы, какая-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи. Сказалъ бы еще коечто, но—

„Дистанція огромнаго размѣра!..“

Н. Гоголь.

НРАВИТСЯ ЛИ ВАМЪ МОСКВА?

Легко сказать—цѣлыхъ пять лѣтъ я не былъ въ Москвѣ!.. И вотъ, я снова въ патріархальныхъ нѣдрахъ Замоскворѣчья, въ богоспасаемомъ „Анкудиновомъ Подворьѣ“,—какъ пять лѣтъ тому

назадъ—въ томъ же самомъ дешевенькомъ номерѣ надворнаго флигеля, откуда изъ окна видны вдали, надъ горизонтомъ крышъ главнаго корпуса, золотыя маковки церквей Московскаго Кремля...

Что то новаго въ Москвѣ?—подумалъ я, принимаясь за чаепитіе и развернулъ первую газетину сверху, на отдѣлѣ городской хроники. Каюсь, въ Москвѣ, я всегда первымъ дѣломъ набрасываюсь на „дневникъ происшествій“, ибо московскій дневникъ происшествій носитъ всегда ярко бытовую окраску и не имѣетъ ничего общаго съ тусклой однообразной хроникой Петербурга. Это своего рода поучительнѣйшій московскій кинематографъ...—Ну, вотъ, не угодно ли?..

„Въ ночь на 8-е марта, въ Марьиной рощѣ, похищены чугунныя ворота, вѣсомъ въ шестьдесятъ пудовъ. Ворота спѣшно заканчивались въ слесарной мастерской“.

Спустя четверть часа, я совсѣмъ готовъ и выхожу черезъ грандіозныя ворота Анкудинова подворья на Замоскворѣцкую набережную. Видъ отсюна московскій Кремль восхитительный, но любовасься имъ умилительно не приходится, такъ какъ, при первомъ вашемъ появленіи въ воротахъ, васъ окружаетъ благодушно-крикзивая семья московскихъ извозчиковъ.

— Ваше здоровьице... возьмите меня! — пристаетъ одинъ. — Вихремъ бы прокатилъ на резинкѣ!.. Не лошадь въ запряжкѣ, а чистый самолетъ!!

— Не слухайте его, ваше сіятельство! — перебиваетъ другой.—Евонный самолетъ еще съ масля-

ной сухотку захватилъ... Уважьте лучше моего чалаго, съ завода графа Качалова!

— Но-о, вы, броницкіе пастухи,—осади маленько!!..—зычно возглашаетъ третій, высокій рыжій мужикъ въ шапкѣ съ малиновымъ верхомъ. Садись, папашенька, со мной—подвезу по дешевому тарифу!..

Я сажусь въ пролетку. Сначала маленькая мухортая лошадка плелась какъ сонная и все шло благополучно; но у самаго въѣзда на Замоскворѣцкій мостъ, извозчикъ съ неожиданной свирѣпостью хлестнулъ ее возжами и безъ всякой надобности крикнулъ не своимъ голосомъ: „Ну, лети, моя малютка!..“ Приняла ли малютка слова его въ буквальномъ смыслѣ или просто-на-просто испугалась переходившихъ дорогу трубочистовъ, но, съ своей стороны, совершенно непредвидѣнно брыкнула задней ногой, махнула кудлатой головой и со всей силой рванулась въ лѣвую сторону по направленію къ спуску въ Москву-рѣку—словомъ, не случись по сосѣдству фонаря, остановившаго на полдорогѣ безумный порывъ, первый мой визитъ былъ бы не къ извѣстному московскому профессору, а къ москворѣцкому водяному.

— Это чортъ знаетъ что такое, а не лошадь!—выругался я, когда первый перепугъ прошелъ. На что мой возница, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій на козлахъ, невозмутимо замѣтилъ:

— Знамо дѣло—молода,—въ участкѣ не была! И добавилъ съ видимой нѣжностью по адресу своей полоумной малютки: — Извѣстно, каждая животная тварь радуется, при случаѣ, своей жизни!..

По счастью, остальную дорогу случаевъ радо-

ваться не представлялось и путешествіе совершилось сравнительно благополучно.

Московскіе извозчики окрещены однимъ неумѣреннымъ патріотомъ „московскими Шекспирами". Дѣйствительно, этого самаго „шекспирства" въ московскомъ извозчикѣ заложено достаточное количество и, принимая сѣдока, онъ не только точно опредѣляетъ, какимъ-то чисто московскимъ нюхомъ размѣръ платы, которую можно содрать въ данномъ случаѣ, но сразу входитъ въ самое настроеніе сѣдока, тонко разыгрывая какъ по нотамъ самыя разнообразнѣйшія варіаціи.

Вываливается положимъ изъ трактира изрядно нагруженный купчина.

— Ваше степенство, садитесь ко мнѣ?—зазываетъ московскій Ванька.—У меня все одно, какъ въ люлькѣ, ни одна косточка не помнется!..

Купчина, при помощи половыхъ, лѣзетъ въ грязную извозчичью пролетку и самодовольно отдувается.

— Ну, сѣлъ, дурачина—куда-жъ ты теперь меня повезешь?

Ванька весело встряхиваетъ кудрявой головой.

— Это точно, ваше степенство, что я дурачина, есть малость; а только лошадка у меня больно умница: какъ разъ привезетъ въ самое теплое мѣсто!..

Купчина ухмыляется.

— Ладно, жарь въ пространство! Авось доскачемъ до города Астраханска!!.

Нерѣдки случаи, что такой „астраханскій сѣдокъ" загуливаетъ вмѣстѣ съ извозчикомъ на цѣ-

лыя сутки, очищая, само собою, послѣднему изрядный кушъ.

Или вотъ „Шекспирскій пріемъ“ противоположнаго характера. Подходитъ, напримѣръ, къ такому московскому Шекспиру интеллигентный господинъ съ постной физіономіей и трауромъ на цилиндрѣ.

— Извозчикъ, на Ваганьково кладбище!

Извозчикъ на этотъ разъ торгуется умѣренно, но тотчасъ же, какъ лошадь двигается, начинаетъ отъ времени до времени тяжко-протяжно вздыхать.

— Ты это чего вздыхаешь? — спрашиваетъ интеллигентный господинъ. Возница уныло вытягиваетъ физіономію и сокрушенно докладываетъ:

— Какъ же мнѣ, баринъ, не вздыхать, если у меня жана въ страстную пьятницу рыбьей костью подавилась...

— Померла?

Извозчикъ, какъ бы въ припадкѣ тоски, хлещетъ съ маху свою лошаденку.

— Извѣстно, отдала Богу душу, оставивъ на свѣтѣ сироту Петрушу!!

— А тебя Петромъ звать?

— Петромъ, добрый баринъ...

— А жену какъ звали? — участливо освѣдомляется сѣдокъ, недавно потерявшій собственную супругу.

— Жану-то? А Варюшей, Варварой!..

Какъ-то невзначай выходитъ, что и супругу господина въ цилиндрѣ тоже звали „Варварой“. И, въ итогѣ, на обратномъ пути съ кладбища, сообразительный Ванька получаетъ солидную при-

бавку на поминовеніе „рабы Божіей Варвары", благополучно, между прочимъ, здравствующей гдѣ-нибудь въ Тульской или Рязанской губерніи съ шестью малолѣтними будущими шекспирами.

Иная статья, если садится дама, провинціалка, чѣмъ нибудь, вдобавокъ, разстроенная... напримѣръ, дама, у которой наканунѣ вытащили у Иверской часовни кошелекъ. Только что усѣвшись на извозчика, дама сейчасъ же начинаетъ возмущаться Москвой и, слово-за-слово, разсказываетъ, какъ ее очистили у Иверской во время молебна. Извозчикъ, парень не промахъ, все время вторитъ ей въ тонъ:

— Это ты справедливо, милая барыня! — Москаль, можно сказать, первый жуликъ на земномъ шарѣ!.. И дохнуть не успѣешь, какъ тебя обмоетъ въ лучшемъ видѣ!!

— А ты самъ... какой губерніи?

Извозчикъ полусокрушенно качаетъ головой:

— Ужъ лучше не спрашивай, благодѣтельница—Московской, накажи меня Богъ!!

И глядишь, тотъ же самый извозчикъ, эту же самую благодѣтельницу, спѣшащую на вокзалъ или почтамтъ, куда ѣзды съ мѣста ровно четверть часа, таскаетъ добрые полтара часа по разнымъ глухимъ закоулкамъ и выгадываетъ на ея провинціальной простотѣ, вмѣсто законныхъ сорока копѣекъ, добрую пару цѣлковыхъ.

Да чтò—дама!.. Я самъ, на своей собственной шкурѣ, испыталъ это „шекспирство", когда, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, юнымъ прапорщикомъ пріѣхалъ впервые въ Москву, о коей не имѣлъ тогда ни малѣйшаго понятія... Пріѣхалъ я поздно

вечеромъ, остановился въ „Большой Московской гостинницѣ“ и, на утро, согласно московскому обычаю, рѣшилъ первымъ дѣломъ навѣстить Иверскую часовню. Извозчикъ, котораго я имѣлъ легкомысліе нанять „къ Иверской“, сначала помялся, потомъ поторговался и, содравъ съ меня полтора цѣлкача, битый часъ кружилъ меня по закоулкамъ и переулкамъ, прежде чѣмъ доставилъ наконецъ по назначенію. Помолившись въ часовнѣ, я вышелъ на паперть и, первое, что мнѣ бросилось въ глаза—огромная вывѣска, какъ разъ насупротивъ: „Большая Московская гостиница“.

Какъ это вамъ нравится?!.

Но, однако, довольно о московскихъ извозчикахъ—я, кажется, заѣхалъ на нихъ черезчуръ далеко... Что подѣлаешь, когда сама Москва ни въ чемъ не знаетъ чувства мѣры—чуть не на каждомъ шагу самые невозможные контрасты, анекдоты и словесные обороты!.. Москва, въ послѣднемъ отношеніи, — какой-то бездонный колодезь.

Розыскъ моего знакомаго профессора не обошелся безъ анекдота. Найдя номеръ дома, я принялся звонить у воротъ. По всему вѣроятію, я бы прозвонилъ безплодно у воротъ не только полчаса, но и до самаго вечера, если бы мнѣ не пришло въ голову замѣнить мой столичный культурный пріемъ болѣе опростѣлымъ, провинціальнымъ,—т. е. безъ всякой церемоніи пихнуть калитку колѣнкой. Калитка съ жалобнымъ визгомъ отверзлась и я очутился на обширномъ и совершенно пустынномъ дворѣ. Посреди двора была

протянута веревка и на ней болтались синія военныя брюки и коричневая фуфайка; тутъ же, неподалеку, стоялъ потухшій нечищенный самоваръ; и при этомъ кругомъ, несмотря на тѣсное сосѣдство трехъэтажнаго дома и двухъ деревянныхъ флигелей, — нигдѣ ни живой души — обстановка, надо признаться, идеальная для человѣка болѣе благодарной профессіи, чѣмъ писательская. Мои возгласы и даже вопли не привели рѣшительно ни къ чему — и, не приключись на мое счастье въ одномъ изъ флигелей маленькой семейной катастрофы, мнѣ такъ бы и пришлось удалиться ни съ чѣмъ... Но, какъ разъ, только я собирался уходить, дверь въ одномъ изъ флигелей распахнулась, въ сѣняхъ послышался нехорошій женскій окрикъ и чья-то, пухлая и красная какъ кумачевая подушка рука выпихнула на дворъ низенькаго лысаго человѣка въ розовыхъ исподникахъ и съ бабьей кацавейкой на плечахъ.

Лысый человѣкъ, однако, ни мало не смутился моимъ присутствіемъ и, медленно почесавъ свою спину, философски мнѣ пояснилъ:

— Ничаво не подѣлаешь, дядя: у кажнаго на печи, существуетъ своя цензура;..

Я, разумѣется, воспользовался поводомъ освѣдомиться—не знаетъ ли онъ въ которой изъ квартиръ проживаетъ профессоръ N (московская знаменитость!).

Лысый философъ почему то ревниво покосился на военныя брюки, болтавшіяся посреди двора, и равнодушно промямлилъ:

— А Господь его вѣдаетъ — мы до чужихъ жизней не касательны!

— А кто же тогда знаетъ?

— А почтарь должòнъ знать! Енъ наскрозь каждаго квартиранта произошелъ!!—И съ этимъ утѣшительнымъ сообщеніемъ, старикъ поднялъ не торопясь съ земли зеленый самоваръ и направился обратно во флигель, къ своей строгой „цензурѣ“.

Какимъ-то чудомъ почтальонъ какъ разъ столкнулся со мной у воротъ и я, наконецъ, узналъ, что господинъ профессоръ проживаетъ въ этомъ самомъ домѣ, но только входъ въ его квартиру съ сосѣдняго переулка. Какъ и слѣдовало ожидать, профессора дома я не засталъ, такъ какъ онъ уѣхалъ въ то самое время, пока я собесѣдовалъ съ философомъ въ бабьей кацавейкѣ.

Съ досады я отправился шляться по улицамъ, глазѣя праздно по сторонамъ... Записываю двѣ-три сценки, промелькнувшія по дорогѣ.

На Знаменкѣ, близъ Румянцевскаго музея, проходитъ торопливо, съ портфелемъ подъ мышкой, чиновникъ и, видя проѣзжающаго порожняго извозчика, окликаетъ:

— Извозчикъ—къ Земляному Валу?

— Пожалуйте, шесть гривенъ...

— Четвертакъ!..

Извозчикъ придерживаетъ лошадь и съ ироническою улыбочкой приподнимаетъ шапку:

— Вамъ, баринъ, можетъ быть, въ разсрочку??

А то, на Моховой, попадается мнѣ необыкновенно жизнерадостнаго нрава мальчуганъ-подмастерье, босой и съ чугуномъ на головѣ, танцующій на панели польку; а, слѣдомъ за нимъ, прыгаетъ шаршавый шарообразный песъ съ обрубленнымъ хвостомъ и лаетъ неистово, до хрипоты на

танцора. Стоящій на крыльцѣ углового дома осанистый швейцаръ, съ военной медалью и фіолетовымъ носомъ, нюхаетъ табакъ и нравоучительно замѣчаетъ по адресу негодующаго песика:

— Смотри, пожалуйста, какой публицистъ!!.

И. Щегловъ.

ГОРОДЪ.

(Очеркъ).

Въ этомъ четырехугольникѣ, образованномъ каменными многоэтажными домами, всегда стоялъ шумъ — протяжный, далекій, словно за высокими каменными строеніями, на мостовой, кто-то все время ѣхалъ и никакъ не могъ уѣхать. Иногда съ окраинъ города доносились свистки паровозовъ, и это напоминало о просторныхъ поляхъ, гдѣ бѣжитъ полотно, позваниваютъ проволоки и проносятся быстро, какъ степные вѣтры, поѣзда... По вечерамъ и утрамъ въ сосѣднемъ монастырѣ звонили, и тогда въ узкомъ темномъ дворѣ поверхъ протяжнаго шума улицы носились словно золотыя искорки—мягкія и жгучія, и окрашивали темный дурно пахнущій воздухъ въ яркіе золотые цвѣта... Больше извнѣ не залетало никакихъ звуковъ и дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, жилъ своею жизнью...

Въ этотъ дворъ выходитъ много оконъ. Стѣны огромныя, и всѣ онѣ испещрены, какъ ульи, окнами. Если смотрѣть внимательно, можно прочитать на сѣрой молчаливой стѣнѣ, усѣянной

окнами, много интересныхъ исторій. Вотъ цѣлый рядъ оконъ въ нижнемъ этажѣ, почти у самой земли,—огромныя, похожія на двери, съ прозрачными, какъ вода въ горномъ рудникѣ, стеклами, небрежно задернутыя изнутри бархатной шторой. Аккуратно, въ 12 часовъ дня, можно увидѣть около этихъ оконъ изящную коляску, запряженную бѣлыми лошадьми. Изъ квартиры выходитъ пожилой господинъ съ большимъ толстымъ портфелемъ, садится и куда-то ѣдетъ. Вечерами около этихъ оконъ слышится прекрасное пѣніе баритона и глубокіе волнующіе звуки дорогого рояля. И хотя окна почти совсѣмъ закрыты шторой, яркій свѣтъ пробивается наружу, какъ робкій намекъ большого праздника...

Выше двумя этажами окна попроще, поскромнѣе, и такъ похожи другъ на друга, что отсюда, со двора, не разберешь—кто и какъ тамъ живетъ? Только ночью въ одномъ окнѣ ярко загорается лампа подъ зеленымъ абажуромъ и горитъ долго, за полночь. Кто-то склонился надъ столомъ и пишетъ.

А еще выше, почти подъ крышей, окна совсѣмъ убогія, темныя, съ какими-то цвѣтными фіолетовыми стеклами. Когда заходитъ солнце, оно жарко освѣщаетъ ихъ, и чудится тогда, что верхній этажъ объятъ огромнымъ пожаромъ. Тамъ живутъ мелкіе служащіе и студенты. Часто оттуда слышится молодой звонкій смѣхъ—и пѣсня.

Но иногда кто-то растворитъ настежъ маленькія подслѣповатыя окошки и начнетъ водить смычкомъ по скрипкѣ; ахъ, какъ хорошо, какъ жалобно водитъ онъ по струнамъ!

И не поймешь—жалуется ли онъ кому то, или о чемъ то вспоминаетъ, или такъ — просто плачетъ...

Я знаю,—въ этомъ этажѣ есть комната, въ которой живутъ два старыхъ холостыхъ мелкихъ чиновника, два бобыля... Комната не велика и мебель въ ней самая необходимая: столъ, два стула, умывальникъ, зеркало, въ которомъ всѣ линіи какимъ то образомъ расплываются во всѣ стороны. На окнѣ насыпаны крошки,—это для голубей, которые прилетаютъ утромъ...

Въ свободное время старики обыкновенно сидятъ у раскрытаго окна и разговариваютъ:

— Надо бы намъ съ вами поѣхать въ деревню, Дмитрій Ивановичъ, — говоритъ одинъ. — Давно я не былъ на землѣ... Помните... — Старикъ молитвенно складываетъ на груди руки,—помните гдѣ нибудь въ лѣсу озеро? Камышокъ пошумливаетъ, кукушка кричитъ, пахнетъ сыростью и какою то травою. Вы замерли надъ удочками, а сверху солнце, вербы шумятъ вершинами... Какъ я завидую мужику! Онъ ходитъ по землѣ съ своей сохой раннимъ весеннимъ утромъ. Кругомъ чистота, свѣжесть, просторъ, а онъ идетъ съ своей сошкой, какъ царь, и рѣжетъ цѣлину земли... А земля пахнетъ... вы знаете, какъ пахнетъ? Словно вино, — такой щекочущій возбуждающій запахъ!.. Я хотѣлъ бы быть послѣднимъ работникомъ, пахать круглыя сутки, но только тамъ—подъ солнцемъ, среди полей и лѣсовъ... Вы когда нибудь ходили босикомъ?

— Босикомъ? — вспоминаетъ Дмитрій Ивановичъ.—Да, давно... въ дѣтствѣ...

— Хорошо! Немного щекотно, земля теплая, и какъ легко!..

Оба смѣются, какъ дѣти...

Эти огромныя стѣны, испещренныя окнами, — точно страница большой книги, книги жизни...

День во дворѣ начинается рано. Еще темно, а по двору, къ воротамъ, проходитъ дворникъ — въ грязномъ фартукѣ, съ метлой и сорнымъ ящикомъ. Хлопаютъ двери квартиръ, — кухарки, съ корзинами въ рукахъ, бѣгутъ на рынокъ. Появляется точильщикъ и пронзительнымъ, какъ лязгающее желѣзо, голосомъ кричитъ: „ножи, ножницы, бритвы точить“... Къ какому то подъѣзду подали лошадь... Кое гдѣ распахиваются окна, видны красныя заспанныя физіономіи... Побѣжали студенты въ голубыхъ фуражкахъ, съ клеенчатыми тетрадями въ карманахъ; завизжала шарманка... Дворъ проснулся!

Пока солнце высоко на небѣ обѣгаетъ свой кругъ, люди суетятся, кричатъ, волнуются... Но вотъ стѣны домовъ вспыхнули веселыми вечерними огнями. Тишина. И въ это время чудится, какъ сонъ, что гдѣ то далеко отъ города, гдѣ нѣтъ каменныхъ громадъ, въ которыхъ замурованы люди, каждый годъ цвѣтетъ земля — прекрасными нѣжными цвѣтами; кто-то срѣзаетъ эти цвѣты, исполненные жизни, и отсылаетъ сюда—въ шумный каменный городъ... Кто они — эти садовники земли, какъ букашки ползающіе по необъятнымъ далекимъ нивамъ?..

Эта жизнь земли—съ ея роскошными цвѣтами, синими степями, золотыми осенями — не совсѣмъ была вытравлена въ большомъ городѣ. Иногда

среди огромныхъ многоэтажныхъ домовъ попадались площади, заросшія зеленой травой. На холмѣ, который властвовалъ надъ городомъ, стояли церквушки—низкія, наивныя, золотоверхія... Онѣ построены еще тогда, когда вокругъ темнѣли лѣса и свободно бѣгали волки и медвѣди. Живопись на нихъ была простая, дѣтская, съ прямыми линіями. И оттого, что на эти уродливыя живописныя иконки молились дѣды и бабки и окропили ихъ своими слезами, въ душѣ вспыхиваетъ тихое умиленіе...

Романъ Кумовъ.

НА ТРУБНОЙ ПЛОЩАДИ.

Небольшая площадь близъ Рождественскаго монастыря, которую называютъ Трубной, или просто Трубой; по воскресеньямъ, на ней бываетъ торгъ. Копошатся, какъ раки въ рѣшетѣ, сотни тулуповъ, бекешъ, мѣховыхъ картузовъ, цилиндровъ. Слышно разноголосое пѣніе птицъ, напоминающее весну. Если свѣтитъ солнце и на небѣ нѣтъ облаковъ, то пѣніе и запахъ сѣна чувствуются сильнѣе, и это воспоминаніе о веснѣ возбуждаетъ мысль и уноситъ ее далеко-далеко. По одному краю площадки тянется рядъ возовъ. На возахъ не сѣно, не капуста, не бабы, а щеглы, чижи, красавки, жаворонки, черные и сѣрые дрозды, синицы, снигири. Все это прыгаетъ въ плохихъ, самодѣлковыхъ клѣткахъ, поглядываетъ съ завистью на свободныхъ воробьевъ и щебечетъ.

Щеглы по пятаку, чижи подороже, остальная же птица имѣетъ самую неопредѣленную цѣнность.

— Почемъ жаворонокъ?

Продавецъ и самъ не знаетъ, какая цѣна его жаворонку. Онъ чешетъ затылокъ и запрашиваетъ сколько Богъ на душу положитъ—или рубль, или три копейки, смотря по покупателю. Есть и дорогія птицы. На запачканной жердочкѣ сидитъ полинялый старикъ-дроздъ съ ощипаннымъ хвостомъ. Онъ солиденъ, важенъ и неподвиженъ, какъ отставной генералъ. На свою неволю онъ давно уже махнулъ лапкой и на голубое небо давно уже глядитъ равнодушно. Должно быть, за это свое равнодушіе онъ и почитается разсудительной птицей. Его нельзя продать дешевле, какъ за сорокъ копеекъ. Около птицъ толкутся шлепая по грязи, гимназисты, мастеровые, молодые люди въ модныхъ пальто, любители въ донельзя поношенныхъ шапкахъ, въ подсученныхъ, истрепанныхъ, точно мышами изъѣденныхъ брюкахъ. Юнцамъ и мастеровымъ продаютъ самокъ за самцовъ, молодыхъ за старыхъ... Они мало смыслятъ въ птицахъ. Зато любителя не обманешь. Любитель издали видитъ и понимаетъ птицу.

— Положительности нѣтъ въ этой птицѣ,— говоритъ любитель, засматривая чижу въ ротъ и считая перья въ его хвостѣ.—Онъ теперь поетъ, это вѣрно, но что жъ изъ эстого? И я въ компаніи запою. Нѣтъ, ты, братъ, мнѣ безъ компаніи, братъ, запой; запой въ одиночку, ежели можешь... Ты подай мнѣ того вонъ, что сидитъ и молчитъ! Тихоню подай! Этотъ молчитъ, стало-быть, себѣ на умѣ...

Между возами съ птицей попадаются возы и съ другого рода животностью. Тутъ вы видите зайцевъ, кроликовъ, ежей, морскихъ свинокъ хорьковъ. Сидитъ заяцъ и съ горя солому жуетъ. Морскія свинки дрожатъ отъ холода, а ежи съ любопытствомъ посматриваютъ изъ-подъ своихъ колючекъ на публику.

— Я гдѣ-то читалъ,—говоритъ чиновникъ почтоваго вѣдомства, въ полинялом пальто, ни къ кому не обращаясь и любовно поглядывая на зайца:—я читалъ, что у какого-то ученаго кошка, мышь, кобчикъ и воробей изъ одной чашки ѣли.

— Очень это возможно, господинъ. Потому кошка битая, и у кобчика, небось, весь хвостъ повыдерганъ. Никакой учености тутъ нѣтъ, сударь. У моего кума была кошка, которая, извините, огурцы ѣла. Недѣли двѣ полосовалъ кнутовищемъ, покудова выучилъ. Заяцъ, ежели его бить, спички можетъ зажигать. Чему вы удивляетесь? Очень просто! Возьметъ въ ротъ спичку и—чиркъ! Животное тоже, что и человѣкъ. Человѣкъ отъ битья умнѣй бываетъ, такъ и тварь.

Въ толпѣ снуютъ чуюки съ пѣтухами и утками подъ мышкой. Птица все тощая, голодная. Изъ клѣтокъ высовываютъ свои некрасивыя, облѣзлыя головы цыплята и клюютъ что-то въ грязи. Мальчишки съ голубями засматриваютъ вамъ въ лицо и тщатся узнать въ васъ голубинаго любителя.

— Да-съ! Говорить вамъ нечего!—кричитъ кто-то сердито.—Вы посмотрите, а потомъ и говорите! Нешто это голубь? Это орелъ, а не голубь!

Высокій, тонкій человѣкъ съ бачками и бритыми усами, по наружности лакей, больной и пьяный, продаетъ бѣлую, какъ снѣгъ, болонку. Старуха-болонка плачетъ.

— Велѣла вотъ продать эту пакость,—говоритъ лакей, презрительно усмѣхаясь.—Обанкрутилась на старости лѣтъ, ѣсть нечего, и теперь вотъ собакъ да кошекъ продаетъ. Плачетъ, цѣлуетъ ихъ въ поганыя морды, а сама продаетъ отъ нужды. Ей-Богу, фактъ! Купите, господа! На кофій деньги надобны.

Но никто не смѣется. Мальчишка стоитъ возлѣ и, прищуривъ одинъ глазъ, смотритъ на него серьезно, съ состраданіемъ.

Интереснѣе всего рыбный отдѣлъ. Душъ десять мужиковъ сидятъ въ рядъ. Передъ каждымъ изъ нихъ ведро, въ ведрахъ же маленькій, кромѣшный адъ. Тамъ въ зеленоватой, мутной водѣ копошатся карасики, вьюнки, малявки, улитки, лягушки-жерлянки, тритоны. Большіе рѣчные жуки съ поломанными ногами шныряютъ по маленькой поверхности, карабкаясь на карасей и перескакивая черезъ лягушекъ. Лягушки лѣзутъ на жуковъ, тритоны на лягушекъ. Живуча тварь! Темно-зеленые лини, какъ болѣе дорогая рыба, пользуются льготой: ихъ держатъ въ особой баночкѣ, гдѣ плавать нельзя, но все же не такъ тѣсно...

— Важная рыба карась! Держанный карась, ваше высокоблагородіе, чтобъ онъ издохъ! Его хоть годъ держи въ ведрѣ, а онъ все живъ! Недѣля ужъ, какъ поймалъ я этихъ самыхъ рыбовъ. Наловилъ я ихъ, милостивый государь, въ Пе-

рервѣ и оттуда пѣшкомъ. Караси по двѣ копейки, вьюны по три, а малявки гривенникъ за десятокъ, чтобъ онѣ издохли! Извольте малявокъ за пятакъ. Червячковъ не прикажете ли?

Продавецъ лѣзетъ въ ведро и достаетъ оттуда своими грубыми, жесткими пальцами нѣжную малявку, или карасика, величиной съ ноготь. Около ведеръ разложены лески, крючки, жерлицы, и отливаютъ на солнцѣ пунцовымъ огнемъ прудовые червяки.

Около возовъ съ птицей и около ведеръ съ рыбой ходитъ старецъ-любитель въ мѣховомъ картузѣ, желѣзныхъ очкахъ и калошахъ, похожихъ на два броненосца. Это, какъ его называютъ здѣсь, „типъ“. За душой у него ни копейки, но, несмотря на это, онъ торгуется, волнуется, пристаетъ къ покупателямъ съ совѣтами. За какой-нибудь часъ онъ успѣваетъ осмотрѣть всѣхъ зайцевъ, голубей и рыбъ, осмотрѣть до тонкостей, опредѣлить всѣмъ, каждой изъ этихъ тварей породу, возрастъ и цѣну. Его, какъ ребенка, интересуютъ щеглята, карасики и малявки. Заговорите съ нимъ, напримѣръ, о дроздахъ, и чудакъ разскажетъ вамъ такое, чего вы не найдете ни въ одной книгѣ. Разскажетъ вамъ съ восхищеніемъ, страстно и вдобавокъ еще и въ невѣжествѣ упрекнетъ. Про щеглятъ и снигирей онъ готовъ говорить безъ конца, выпучивъ глаза и сильно размахивая руками. Здѣсь на Трубѣ его можно встрѣтить только въ холодное время, лѣтомъ же онъ гдѣ-то за Москвой перепеловъ на дудочку ловитъ и рыбку удитъ.

А вотъ и другой „типъ“,—очень высокій, очень

худой господинъ въ темныхъ очкахъ, бритый, въ фуражкѣ съ кокардой, похожій на подьячаго стараго времени. Это любитель; онъ имѣетъ не малый чинъ, служитъ учителемъ въ гимназіи, и это извѣстно завсегдатаямъ Трубы, и они относятся къ нему съ уваженіемъ, встрѣчаютъ его поклонами и даже придумали для него особенный титулъ: „ваше мѣстоименіе“. Подъ Сухаревой онъ роется въ книгахъ, а на Трубѣ ищетъ хорошихъ голубей.

— Пожалуйте!—кричатъ ему голубятники.— Господинъ учитель, ваше мѣстоименіе, обратите ваше вниманіе на турмановъ! Ваше мѣстоименіе!

— Ваше мѣстоименіе!—кричатъ ему съ разныхъ сторонъ.

— Ваше мѣстоименіе!—повторяетъ гдѣ-то на бульварѣ мальчишка.

А „его мѣстоименіе“, очевидно, давно уже привыкшій къ этому своему титулу, серьезный, строгій, беретъ въ обѣ руки голубя и, поднявъ его выше головы, начинаетъ разсматривать и при этомъ хмурится и становится еще болѣе серьезнымъ, какъ заговорщикъ.

И Труба, этотъ небольшой кусочекъ Москвы, гдѣ животныхъ любятъ такъ нѣжно и гдѣ ихъ такъ мучаютъ, живетъ своей маленькой жизнью, шумитъ и волнуется, и тѣмъ дѣловымъ и богомольнымъ людямъ, которые проходятъ мимо по бульвару, непонятно, зачѣмъ собралась эта толпа людей, эта пестрая смѣсь шапокъ, картузовъ и цилиндровъ, о чемъ тутъ говорятъ, чѣмъ торгуютъ.

А. Чеховъ.

НРАВЫ МОСКОВСКИХЪ ДѢВСТВЕННЫХЪ УЛИЦЪ.

Иванъ Сизой матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной, по долгомъ странствованіи внѣ ея, здравія желаетъ, всѣмъ ея широкимъ четыремъ сторонамъ низкій поклонъ отдаетъ.

Годъ слишкомъ шатался я по разнымъ мѣстамъ, а все нигдѣ не видалъ того, что я такъ люблю въ Москвѣ,—это ея глухихъ, отдаленныхъ отъ центра города улицъ, которыя давно какъ-то назвалъ *дѣвственными*, съ ихъ, такъ влекущей къ себѣ сердце мое, поразительной и своеобразною бѣдностью.

Бѣдность московскихъ дѣвственныхъ улицъ меня радуетъ, потому что она рычитъ и щетинится, когда ей покажется не очень просторно и не очень сытно въ темныхъ и тѣсныхъ берлогахъ, въ каковыхъ движеніяхъ жизни я замѣчаю несомнѣнные признаки того, что бѣдность эта скоро поправится и разбогатѣетъ, хотя, можетъ быть, и не вдругъ, хотя богатства ея будутъ далеко не тѣ, про которыя говорятъ, что они неисчерпаемы. Ну, да ничего! Намъ и это на руку, потому что голодному рту не до горячаго,—ему бы только мало-мальски чѣмъ-нибудь тепленькимъ пораспарить свое изсохшее нёбо...

По прибытіи въ Москву, я направился прямо въ дѣвственную улицу, гдѣ жилъ мой старинный другъ, старый отставной унтеръ-офицеръ.

Въ дѣвственной улицѣ я не замѣтилъ никакой перемѣны. Въ сравненіи съ другими столичными

улицами она была тиха до мертвенности. Огни, свѣтлѣвшіеся изъ оконъ ея маленькихъ деревянныхъ домишекъ, были похожи на деревянныя гнилушки, которыя такъ уныло свѣтятся ночью изъподъ печки деревенской избы. Единственные признаки жизни показывала только единственная харчевня дѣвственной улицы. Изъ ея тусклыхъ окошекъ, освѣщенныхъ какимъ то красноватымъ свѣтомъ, порой вырывались какіе то неясные звуки, по которымъ рѣшительно нельзя было опредѣлить, поютъ ли тамъ пѣсни, или плачутъ,—такіе это были смѣшанные звуки. И временемъ, когда какимъ-нибудь гостемъ широко распахивалась харчевенная дверь, сердито и шумно взвизгивая на заржавѣвшихъ петляхъ, звуки дѣлались слышнѣе, и тогда человѣкъ неопытный, случайно проходящій по дѣвственной улицѣ, непремѣнно бы остановился противъ заведенія и пугливо прислушался къ этимъ звукамъ, потому что неопытному пѣшеходу въ нихъ бы заслышалось слово: „караулъ“—слово, отчаянно-крикливо вырвавшееся изъ чьего то горла, но остановленное на половинѣ своего излета и снова какъ бы впихнутое въ это горло чьимъ-то лютымъ кулачищемъ.

Но я не счелъ этого звука за такой „караулъ“, ради котораго слѣдовало бы остановиться около харчевни, потому что мнѣ коротко извѣстны обычаи дѣвственной улицы. Это былъ, просто, крупный разговоръ, который велъ закутившій мастеровой съ своею благовѣрной, пришедшей съ цѣлью вытащить благовѣрнаго изъ заведенія и отвести „на спокой на фатеру“.

— Пош-шолъ вонъ!—кричитъ на жену повели-

тельнымъ горловымъ баритономъ урѣзавшій здоровую муху кутила.—Пош-шолъ вонъ!—повторяетъ онъ еще повелительнѣе, забывши въ подпитіи, что ежели хочешь прогнать откуда-нибудь свою жену, чтобъ она не мѣшала молодецкому разверту, такъ нужно сказать вовсе не „пошелъ вонъ", а „пошла вонъ".

Затѣмъ начинались плаксивые тоны жены:

— Иванъ Прокофьичъ! Что же мы завтра ѣсть станемъ?

— Объ этомъ ты не горюй! Что объ этомъ горевать—объ ѣдѣ-то? Эхъ, ты, безстыдница! О чемъ нашла горевать? А? Гаврилъ!—обращается кутила къ фамильярко улыбавшемуся половому,—о чемъ она, дурища, горюетъ-то? Объ ѣдѣ! Ха-ха-ха-ха! Пош-шолъ вонъ!—и затѣмъ мужъ, какъ глава надъ своею женой, употребляетъ даже нѣкоторую силу и пытается пропихнуть ее въ скрипучую дверь на тихую морозную улицу.

Итакъ, вы видите теперь, что серьезнаго „караула" въ харчевнѣ дѣвственной улицы быть не можетъ, потому что, въ концѣ-концовъ, ежели „караулъ" слышится иногда изъ оконъ, веселящихъ улицу своимъ краснымъ и, примѣчено мною, какъ-то злобно и насмѣшливо моргающимъ свѣтомъ, такъ вовсе нечего прислушиваться къ нему, потому что все это ни болѣе ни менѣе, какъ „своя отъ своихъ".

Исторію эту, съ цѣлью получить въ концѣ ея незловредный „караулъ", можно продолжать такимъ образомъ:

— Остались ли деньги то у тебя? Ай ужъ всѣ пропилъ? — спрашиваетъ жена, усѣвшись, наконецъ, съ супругомъ за одинъ столъ около гряз-

наго, загаженнаго мухами, графинчика изъ толстаго стекла съ мутной водкой.

— Какія, чортъ, деньги? Пропивать то мнѣ нечего... Это ужъ я на сюртукъ валю. Вотъ добрая душа, Гаврикъ, въ двухъ серебра принялъ, а домой я и въ твоемъ платкѣ какъ-нибудь дотащусь.

Мастеровой слезливо начинаетъ обыкновенный разсказъ про то, какъ часто понесешь работу къ барину и какъ, идучи къ барину, разсуждаешь, что вотъ де сейчасъ получу деньги, прямо на рынокъ, искуплю тамъ говядины, сапожки, можетъ, али штанишки какія-нибудь старенькія не попадутся ли, а тамъ накуплю товару—и валяй опять за работу. Чудесно! Знай, денежки огребай. Разсуждаешь такимъ-то манеромъ, а потомъ и не увидишь, какъ очутишься въ кабакѣ.

— Онъ, говоритъ, баринъ-то: „Иванъ Прокофьичъ! Ты съ меня деньги-то недѣльки двѣ пообожди. Знаешь, говоритъ, за мною не пропадетъ“. Я ему говорю: „Знаю, что не пропадутъ, только, ваше благородіе, мнѣ деньги оченно нужно. Сами изволите знать: жена, дѣтей четверо“...—„У меня,—говоритъ баринъ и смѣется.—у меня, можетъ, дѣтей-то этихъ штукъ съ сорокъ найдется, да вѣдь я ни къ кому не пристаю. Приходи ужъ черезъ недѣлю, что съ тобой дѣлать, а теперь мнѣ некогда, прощай“.—Съ тѣмъ отъ него ушелъ,—добавляетъ мастеровой, возвышая голосъ:—а отъ него, съ великой злости, прямо въ кабакъ, и изъ кабака сюда, потому, что же я завтра безъ денегъ стану дѣлать?

Послѣ этого крикливаго вопроса и начинается, что называется, самая катавасія, потому что, кромѣ

сюртука, принятаго добродушнымъ Гаврилой въ двухъ рубляхъ, чета начинаетъ валить еще на три рубля, которые съ большимъ удобствомъ олицетворяетъ истасканный шерстяной салопъ супруги.

— Видишь теперь, какая у меня супруга?— спрашивалъ мастеровой у полового, выставляя ему на видъ, собственно, то обстоятельство, что супруга, съ видимою охотой, куликнула двѣ рюмки залпомъ, какъ бы стараясь сразу сравняться съ своимъ главой.—Сласть у меня супруга, сговорчивая. Она мнѣ ни въ чемъ никогда не перечитъ. Что я скажу, то и баста.

Супруга между тѣмъ не безъ граціи закусила двѣ рюмки солониной съ солеными огурчиками, а супругъ продолжаетъ:

— Мы съ ней двѣнадцать годовъ душа въ душу живемъ! Гаврилъ! Слушай, я тебѣ разскажу, какъ я женился на ней. Она въ это время молодая была и изъ лица не въ примѣръ теперешняго красивѣе; а князь, у кого она въ то время на содержаніи была, призываетъ меня и говоритъ: „Вотъ тебѣ, Иванъ Прокофьевъ, невѣста! Ты, говоритъ, съ ней не пропадешь, потому приданаго за ней даю сто рублевъ, акромя, говоритъ, постели и разныхъ вещей"... Я ему и говорю: „Покорнѣйше благодаримъ, ваше сіятельство!" Сказалъ такъ-то и женился; а она, шельма этакая, цѣлый годъ послѣ законнаго брака шаталась къ нему, къ князишку-то своему. Вотъ она, Гаврилъ, какая извергъ у меня! Ты, Гаврилъ, не гляди на нее, что она такою смиренной глядитъ. Шельма она у меня преестественная, Гаврилъ! Ты думаешь, милый человѣкъ, черезъ кого я теперича погибаю—черезъ нее, черезъ ана-

ѳему! Вотъ черезъ кого! У! Будь ты проклята! Возьму, вотъ, да какъ начну по мордѣ то охаживать, такъ, небось, забудешь про княжество то про свое!

Половой, слушая эти изліянія, мялся на одномъ мѣстѣ и насмѣшливо улыбался съ видомъ человѣка, который, ежели бы не стѣснялся своимъ лакейскимъ положеніемъ, непремѣнно сказалъ бы:

„Комиссія, право, эти женитьбы нашинскія!.. Что криво да косо, то Кузьмѣ-Демьяну... Всегда ужъ нашему брату, мастеровому, бѣдному человѣку, такую-то сволочь подсунутъ, что цѣлый вѣкъ казнишься да страдаешь, глядя, какъ она кровныя мужнины деньги, на офицеровъ прохожихъ любуючись, на чаяхъ да на кофіяхъ проживаетъ!.. Идолы-бабенки, а паче тотъ идолъ, кто ихъ, тонкостямъ этимъ научимши, нашему брату на шею наваливаетъ...“

— Ты вотъ что,—отнеслась достаточно уже выпившая супруга къ мужу:—ты поменьше болтай, а то вѣдь за болтанье-то вашего брата по щекамъ лупятъ...

— Ну, ужъ ты съ этимъ дѣломъ, надо полагать, подождешь немного, по щекамъ-то. Право, подождешь! — сатирически предполагаетъ мужъ, выпивая приличный чину и званію столичнаго башмачника стакашекъ.

— Нѣтъ, не подожду,—настаиваетъ супруга, выпивая тоже приличный стаканъ.—Долго я тебя, пьянаго дурака, не учила.

— Врядъ ли выучишь. Я тебя, пожалуй, поскорѣе поучу.

— Ну, ужъ это не хочешь ли вотъ чего?—

освѣдомляется супруга, повертывая передъ очами возлюбленнаго послюнявленный кукишъ.

— А ты не хочешь ли вотъ чего?—въ свою очередь, любопытствуетъ супругъ, ухвативъ супругу за жидкія космы.

Случайно отворенная въ это время дверь заведенія заскрипѣла на своихъ петляхъ, и изнутри кабака вылетѣло женски-визгливое „караулъ“ и басовитыя отрывистыя слова: „Вотъ тебѣ, шельма, вотъ тебѣ!“ Слышно было сдержанное хихиканье полового Гаврилы, сопровождаемое протяжнымъ возгласомъ: „Охъ и комедіанты же эти сапожникъ съ сапожницей! Право, комедіанты! Этакъ-то они у насъ цѣпляются другъ съ дружкой каждый Божій вечеръ!..“

Но дѣвственная улица ничуть не была удивлена этими выкриками. До того, должно-быть, она прислушалась къ нимъ, что даже тѣни вниманія не пробудили они на ея безжизненно-молчаливомъ лицѣ.

И, кромѣ этой, другія, болѣе крикливыя, сцены разыгрывались на улицѣ, но и онѣ не дѣлали ее веселѣе, потому что, противъ русскаго обыкновенія, онѣ не собирали около себя толпы проходящихъ зѣвакъ, дружный и шумливый говоръ которыхъ увѣрилъ бы человѣка, въ первый разъ занесеннаго въ этотъ край, въ томъ, что край этотъ вовсе не какое-нибудь заколдованное царство, осужденное могучимъ чародѣемъ на вѣчный и безпробудный сонъ.

— Кар-р-раулъ! Кар-раулъ!—оретъ какой-то молодой голосъ въ непроницаемой темнотѣ уличнаго конца.

— Ты что же это?—спрашиваетъ крикуна хрипучій басъ булочника.—Ты опять свои шутки шутишь? Мало я тебѣ онамедни шею за нихъ намылилъ? Ежели мало, скажи, я тебѣ еще прибавлю.

— Дядюшка! Да вѣдь скучно!.. День-то деньской сидючи за работой, чего не придумаешь? Выбѣжишь когда на улицу-то украдкой, улица-то, сейчасъ умереть, свѣтлымъ раемъ тебѣ покажется,—ну, тогда ты не вытерпишь и въ радости заорешь...

— То-то въ радости! Гляди, ты у меня инымъ голосомъ, пожалуй, вскрикнешь, какъ вотъ ножнами начну тебя по мягкимъ-то оторачивать... Уймись, парень! Ей Богу, уймись!

— Не буду, дядюшка, однова дыхнуть, не буду,—съ хохотомъ увѣряетъ прежній голосъ:—только теперича въ послѣдній разъ позволь...

— Ну, парень, придется мнѣ, должно-быть, съ моего мѣста встать... Разозлилъ ты меня, паренекъ!

И затѣмъ уличную тишину нарушаетъ какое-то шуршанье, словно бы какой одышливый и лѣнивый человѣкъ собирался въ дальнюю путь-дорогу.

— Кар-р-раулъ!—снова изъ всѣхъ легкихъ трубить паренекъ, захлебываясь отъ хохота.

Послѣ этого слышится легкое захлопываніе калитки и шлепанье босыхъ ногъ по оттеплѣвшему снѣгу.

— Экой парень-разбойникъ! Удралъ ужъ...—говоритъ булочникъ, съ прежнимъ сопѣньемъ и пыхтѣньемъ усаживаясь на покинутое было пригрѣтое мѣсто.—Кажинный день такъ-то онъ меня безпокоитъ...

Поровнялись со мной какія-то двѣ, еще не очень

пожилыя женщины, съ вѣниками подъ мышками, съ узелками въ рукахъ, съ лицами, прорѣзывавшими даже ночной, ничѣмъ не освѣщаемый мракъ дѣвственной улицы алымъ румянцемъ, которымъ, какъ пожаромъ, освѣщались ихъ пухлыя щеки.

— Что же, хороша нонича фатера-то у тебя?— спрашивала одна подруга другую.

— Эдакая ли фатера чудесная — страсть!—отвѣчала подруга. — Мы ее онамедни чудесно обновили. Пришелъ эфта въ прошлое воскресенье мой (у меня нынѣ столяръ), солдатика-пріятеля привелъ. Пришодчи, какъ слѣдуетъ, поздравили съ новосельемъ, водки полуштофъ солдатикъ-то изъ-за обшлага вытащилъ, я ему селедку съ лучкомъ оборудовала. Полштофъ выпили, другой послали; другой выпили—третій, а тамъ и за четвертымъ. И такъ-то, милая ты моя, всѣ мы нарѣзались тогда, не роди мать на свѣтъ Божій! Словно бы безумные, толкались. Нарѣзамшись, мой-то и сцѣпился съ солдатикомъ драться,—я сейчасъ же къ своему на заступу пошла; а солдатикъ видитъ, что не совладать ему съ нами, взялъ да у столяра ухо напрочь, совсѣмъ съ хрящомъ и оттяпалъ. Завизжалъ столяръ такъ-то жалостно, и кровища изъ него хлестала, аки бы изъ свиньи зарѣзанной. И дивись, милая, съ другой фатеры, ежели не въ нашей улицѣ, такъ бы нашего брата за такую исторію, знаешь бы какъ въ шею турнули, въ три бы шеи турнули; а нашъ хозяинъ (благородный у насъ хозяинъ-то!), хошь бы словечушко вымолвилъ. „Ничего говоритъ, Господь съ ними! На то, говоритъ, и праздникъ данъ человѣку“.

— У насъ, мать, по всей нашей улицѣ хозяева

всѣ страсть какъ смирны, — подтвердила другая товарка.—У меня тоже кажный праздникъ, почитай, и-ихъ какія кровопролитіи сочиняютъ! Тоже одному молодчику, не хуже твоего, два пальца и половину носа скусили. Озорны эти мужики!

— Съ ними поводись только! Я ужъ когда они такъ-то сцѣпятся, прямо имъ сказываю: „да ступайте на дворъ, лѣшаки, тамъ, говорю, просторнѣе“. Такъ-то они у меня, милая ты моя, за всякое воскресенье аккуратъ не на животъ, а на смерть чешутся!..

— Это у нихъ истинно, что каждое воскресенье творится неупустительно, — сказалъ мнѣ вдругъ вышедшій изъ-за угла старикъ—мой кумъ, отставной солдатъ, къ которому я шелъ. Я тоже, признаться, поджидалъ его, потому что самъ онъ, тоже неупустительно, возвращался въ это самое время изъ кабака, въ которомъ обыкновенно онъ проводилъ лѣтніе и зимніе вечерки.

— Издали еще разглядѣлъ я тебя,—продолжалъ старикъ, обнимая меня.—Смотрю этта и думаю, а вѣдь это *купъ* идетъ!

По вечерамъ, то-есть огорошивъ въ кабакѣ полуштофъ и туго набивши носъ забористымъ зеленчатымъ, старикъ пріобрѣталъ способность выговаривать буквы *м* и *н*, какъ *п* и *б*, и потому въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно звалъ меня *купъ*, а ежели въ дальнѣйшемъ разговорѣ надобилось ему употребить слово небо, онъ, просто-напросто, избѣгая грѣха сказать небо, указывалъ рукою въ потолокъ, и всѣ это понимали, какъ нельзя болѣе хорошо.

— Откуда тебя Богъ принесъ? — спрашивалъ меня старина, видимо обрадованный.—Давно ли?

— Прямо съ дороги и прямо къ тебѣ,—отвѣтилъ я.

— Вотъ за это люблю, что не забылъ друга.

— Ну, что тутъ, какъ у васъ? — любопытствовалъ я.—Новенькаго чего нѣтъ ли?

— Чему у насъ новенькому быть?—спросилъ, въ свою очередь, кумъ, какъ бы съ нѣкоторымъ уныньемъ.—Все у насъ, другъ милый, по-старому. Есть, что ли, деньжонки-то у тебя? А то я, покуда лавки не заперты, что-нибудь изъ одежи бы на угощенье спустилъ...

— Есть,—утѣшилъ я старину,—и насчетъ одежи ты не безпокойся.

— То-то, ты гляди у меня: финтифлюшекъ-то, знаешь, небось, не очень-то я люблю...

И потомъ, прихвативши въ попутномъ кабакѣ нѣкоторый штофъ и въ попутной лавочкѣ два десятка соленыхъ огурцовъ, мы съ кумомъ благополучно спустились въ его плачевный подвалъ.

Въ этомъ подвалѣ цѣлыя двадцать лѣтъ тянулась печальная жизнь солдата. Въ пять лѣтъ моего съ этими интересными субъектами знакомства я не могъ подмѣтить ни въ томъ ни въ другомъ ни малѣйшей перемѣны, и какъ за годъ передъ настоящимъ моимъ посѣщеніемъ я оставилъ ихъ уныло-серьезныхъ и гнѣвно-молчаливыхъ, точно такими же нашелъ ихъ и теперь. Даже горемыки-жильцы подваловъ въ дѣвственныхъ улицахъ, наваливавшіеся на простого старика, какъ наваливаются осенніе листы на терпѣливую землю, были все тѣ же, за исключеніемъ развѣ только одного

отставного капитана, тѣмъ, впрочемъ, только и замѣчательнаго, что онъ нанялъ себѣ помѣщеніе на огромной кумовой печи, куда онъ втащилъ нѣчто въ родѣ кушетки, служившей ему постелью и вмѣстѣ съ тѣмъ сундукомъ. Капитанъ этотъ нисколько не характеризовалъ бы собою московскихъ дѣвственныхъ улицъ, если бы про него не разсказывали съ божбой, что онъ никогда ничего не ѣстъ и не пьетъ, ибо никто ни разу не видалъ, чтобъ онъ когда-нибудь удовлетворялъ этимъ простымъ требованіямъ человѣческаго организма. Кромѣ этого, заслуживавшаго вниманія обстоятельства, капитанъ бросался въ любопытные глаза тѣмъ еще, что не любилъ платить за квартиру и, говоря настоящее дѣло, не любилъ даже и того, когда ему напоминали объ этомъ. Старый, разслабленный и поросшій весь какъ бы какою щетиной, онъ по цѣлымъ днямъ молчаливо переѣзжалъ съ печи на кушетку и обратно, ничѣмъ не безпокоясь и никого не безпокоя; но какъ только кумъ заикался ему, что, дескать, ваше вышебородіе, нельзя ли, дескать, насчетъ недоимочки за фатеру,—капитанъ сначала производилъ на печи какой-то необыкновенный шумъ, смѣшанный съ визгомъ и рычаньемъ, потомъ показывалъ съ печи свое обрамленное сѣдо-бурыми волосами лицо, оскаливъ зубы, и начиналъ воевать, то-есть бросалъ съ печи въ пріютившаго его человѣка чѣмъ ни попало.

— Зар-р-ряжай ружье!—оралъ онъ старческимъ, но азартнымъ голосомъ. — Кладсь! П-ли! Я васъ, черти! Рр-рота, за мной! Д-дѣти, скорымъ шагомъ маршъ! съ Богомъ!

— Ну, пошла писать военная кость!—съ хохо-

томъ толковали многочисленные кумовы жильцы, собирая съ печи, изъ-подъ капитанской храброй руки, различные тряпки и горшки, махотки и полѣшки.

— Будетъ, будетъ, ваше вышебородіе! Перестаньте только, Христа ради! — умолялъ кумъ жильца о прекращеніи батальнаго огня.

— Ур-ра! Наша взяла!—окончательно вскрикивалъ старый вояка, снова ныряя на неопредѣленное время въ запечное пространство.

— Очненно тронулись!—такими словами рекомендовалъ мнѣ кумъ своего новаго жильца.—Что будешь дѣлать съ бѣдностью? Иной разъ сунешь ему на печку-то щецъ, хлѣбца, не токмо что свои деньги... Выручишь ихъ, свои-то деньги, съ моими жильцами! Надоѣдаетъ временемъ только—ужасти какъ... Раздразнятъ его башмашниковы ребятенки, такъ онъ цѣлый день, лежа на печи, ртомъ-то все такъ-то выдѣлываетъ: пу! пу! п-пу! Артиллеріей, значитъ, по нимъ на дальныхъ разстояніяхъ дѣйствуетъ. Вотъ докуда спятилъ: по маленькимъ-то ребятенкамъ изъ пушекъ палитъ!..

— Ну, а изъ прежнихъ жильцовъ никто не съѣхалъ отъ тебя?—спросилъ я.

— Изъ прежнихъ?.. Нѣтъ, никто. Здѣсь ужъ все такъ-то: какъ укоренится кто на какомъ мѣстѣ, такъ ужъ или съ эстого мѣста прямо въ гробъ идетъ, или, ежели онъ — подхалюза какая, такъ фарталомъ прогоняютъ на другую фатеру. Кресты есть изъ такихъ-то для нашего брата-съемщика— и-ихъ какіе тяжелые! Потому нашъ братъ долженъ имъ потрафлять каждую минуту, чтобы только не доходили они до фартала, судиться бы

только не ходили, потому они къ этому дѣлу, все равно какъ къ кашѣ съ масломъ, привыкли...

И дѣйствительно, всѣ кумовы жильцы, которыхъ я зналъ у него прежде, жили у него и теперь, какъ бы сговорившись умереть въ его темномъ подвалѣ. Попрежнему надъ всѣмъ гвалтомъ крикливой подвальной жизни властительно царилъ назойливый голосище старой свахи Акулины, трехаршинной бабы, въ ужасающихъ всякую душу лохмотьяхъ и съ рыжею жидковатою бородой. Попрежнему эта ямщикъ-баба расшевеливаетъ во мнѣ уснувшую было глубокую антипатію къ ней тѣмъ, что къ каждому слову, съ которымъ она обращается ко мнѣ, прибавляетъ самымъ сладкимъ голоскомъ „ваше благородіе" и „сударь-баринъ", разсчитывая этими словами взять меня на удочку и слизать съ меня полуштофъ сладкой водки, особенно ею цѣнимой. А вотъ и эта старая дѣвушка, неотходно сидящая въ кухнѣ на своемъ громадномъ, окованномъ желѣзными полосами сундукѣ. Какъ назадъ тому много лѣтъ застало ее на этомъ сундукѣ извѣстіе, что человѣкъ, любившій ее, уѣхалъ на родину жениться и увезъ ея кровныхъ сто двадцать рублей, такъ она, безъ малѣйшаго слова, раскачнула тогда еще молодою головой, да такъ и теперь ею постоянно раскачиваетъ,—только теперь эта голова сокрушилась уже, замоталась и стала такая сѣдая, сморщенная, некрасивая.

— Здравствуй, Фаламей Ильичъ! — говорю я старому пріятелю моему, башмачнику, тоже кумову жильцу, который терпѣть не могъ, когда

кто-нибудь называлъ его настоящимъ именемъ Варѳоломея.

— Здравствуйте, сударь Иванъ Петровичъ! — радостно привѣтствовалъ меня Фаламей, вставая съ кадушечки, на которой онъ тачалъ башмаки, и лобызаясь со мною.—Давно мы, сударь, съ вами компаніи не водили. Вы что тутъ ерзаете, мазурики?—обратился онъ къ своимъ многочисленнымъ ребятенкамъ, быстро отколупывая у нихъ на головахъ масла маслакомъ своего собственнаго большого пальца правой руки.

Толпа ребятишекъ, неутомимо сновавшая и горланившая по подвалу, какъ и все подвальное, была, въ свою очередь, такою же, какою я оставилъ ее, хотя примѣтилъ, что теперь она стала гораздо гуще, а слѣдовательно, и неугомоннѣе.

Да, все обстояло въ подвалѣ попрежнему, потому что очень трудно такой жизни построиться на какой-нибудь другой ладъ по той простой причинѣ, что подо всѣмъ этимъ прекраснымъ небомъ нельзя найти лада, который былъ бы сколько-нибудь хуже этого. И Господи! до того шло тамъ все по-старому, что самъ я, какъ и прежде, обманулъ ожиданія ребячьей стаи, облѣпившей меня, потому что былъ внѣ всякой возможности дать что-нибудь на гостинцы этой малолѣтней, вѣчно голодающей братіи.

Уныло и молчаливо отошла отъ меня, какъ говорятъ поэты, розовая юность, а я, какъ и всегда, что особенно люблю, сталъ прислушиваться къ стѣнамъ подвала, которыя на сей разъ говорили мнѣ такъ:

„Ну, что, Иванъ Петровичъ? Что, кумъ ты мой

золотой? Куда ходилъ? Что выходилъ? Э-эхъ ты, вѣтеръ степной, Иванъ Петровичъ! Право, вѣтеръ! Вотъ тебѣ отъ насъ первый привѣтъ. Думали мы, что ты, гуляючи по хорошему Божьему свѣту, хоть чуточку поумнѣешь, хоть немножко посократишься, а онъ все такой же“...

Шептали мнѣ черныя стѣны эти слова съ какою-то особенно выразительною насмѣшкой, словно бы насмѣшкой этой онѣ меня хотѣли образумить и наставить на какой-то, совершенно неизвѣстный мнѣ, истинный путь.

Такъ я помню въ старину, когда я былъ еще совсѣмъ малымъ ребенкомъ, старая бабка моя, смотря на разныя мои, какъ она говорила, дурацкія выходки, укоризненно и насмѣшливо покачивала своей сѣдою головой и язвила меня острыми стрѣлами разныхъ народныхъ пословицъ, въ родѣ, примѣрно, слѣдующей:

— Эхъ, дитя! Не будетъ въ тебѣ пути...

До слезъ, бывало, пронимали меня эти многозначительныя бабкины слова. Открывши въ шопотѣ стѣнъ кумова подвала нѣчто схожее съ ними, я бы тоже, вѣроятно, заплакалъ и теперь, ежели бы давно уже разлившаяся по тѣлу моему злобная желчь не вытѣснила изъ меня всѣ безъ остатка мои горячія, искреннія слезы.

— Вотъ за это я тебя, кумъ, страсть какъ не люблю! — этимъ восклицаніемъ вывелъ меня изъ моей задумчивости старикъ-кумъ (назовемъ его давнишнимъ именемъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ полку, гдѣ его прозвали Обгорѣлый).—Такъ вотъ за это я тебя недолюбливаю,—повторилъ Обгорѣлый.—Выпьешь ты, дружокъ, малость какую-нибудь

и сейчасъ же задумаешься, лицо у тебя въ синія пятна ударитъ, и словно бы ты въ такія времена разорвать кого на мелкія части надумываешь. Право! Это мнѣ очень не по нраву. Выпей-ка, авось, можетъ, поотпуститъ тебя злоба-то твоя.

— Что же это я все у тебя оглядѣлъ, увидалъ, что все на прежнихъ мѣстахъ стоитъ, — сказалъ я,—а про Катю не спрошу: гдѣ она у тебя?

— Помалчивай до поры до времени,—съ какою-то плутоватою улыбкой отвѣтилъ мнѣ кумъ.—Мы тутъ такую-то крутую кашу завариваемъ, и, какъ есть, братецъ ты мой, къ самой кашѣ ты подоспѣлъ. Вотъ счастливый какой, а еще все судьбой своей недоволенъ.

А Катя, про которую я сейчасъ освѣдомлялся у солдата, была существомъ такого рода: во всѣхъ вообще дѣвственныхъ улицахъ существуетъ обыкновеніе распускать про всякаго человѣка, вновь основавшаго свой притонъ въ ихъ тишинѣ, молву, что будто у этого человѣка страсть сколько деньжищевъ и добрища всякаго, врядъ ли на три подводы уложишь. Конечно, этому, повидимому, странному обыкновенію удивляться много не слѣдуетъ, потому что страсть поврать про чужія деньжища и добрище свойственна всей гольтепѣ вообще. По этому случаю, лишь только переѣхалъ солдатъ въ свой подвалъ, какъ сейчасъ же про него вся улица, какъ въ трубу, затрубила:

— Однѣхъ шинелей у него три, — по секрету перешептывались между собою сосѣдскія бабенки, — сапоговъ четыре пары, голенищевъ старыхъ видимо-невидимо навалено. Кому копитъ? А? Скажи, пожалуйста, кому копитъ старый идолъ?—

даже съ нѣкоторымъ негодованіемъ вопрошала одна изъ бабенокъ.—Околѣетъ вѣдь старый шутъ, глазъ некому будетъ закрыть.

— Ты про шинели-то да про голенищи не толкуй лучше,— вступалась другая,— а ты вотъ что послушай: видѣли у него бумажекъ денежныхъ вона сколько!..— И при этомъ бабенка взмахнула рукой надъ своею головой, желая означить, сколько, именно, у идола-солдатища было денежныхъ бумажекъ.—Теперича,—продолжала она,—видѣли у него также цѣлый сундукъ съ образами, и всѣ-то они батюшки мои въ серебряныхъ ризахъ у него разодѣты, всѣ-то въ серебряныхъ.

На основаніи этихъ разсказовъ одна согрѣшившая дѣвочка нѣкоторою темною ночью взяла да и подкинула свою новорожденную дочку къ богачу-солдату.

— Она у него счастлива будетъ!—разсуждала молодая мать.—А то поди-ка, изъ воспитательнаго дома кому еще на руки попадется...

— Вона, сокровище какое Господь мнѣ, старому шуту, послалъ!—сказалъ кумъ, вывертывая ребенка изъ разныхъ лохмотьевъ. — То тридцать лѣтъ съ ружьемъ няньчился, теперь же вотъ съ чужой дитей придется поняньчиться, а тамъ ужъ, вѣрно, судьба за прялку меня усадитъ...

Поворчалъ-поворчалъ Обгорѣлый такимъ образомъ, а все-таки послушною нянькой усѣлся, наконецъ, за дѣтскую колыбель и своими пѣснями, пѣтыми хотя и на волчиный манеръ, выбаюкалъ себѣ такую прелестную дѣвочку, про которую многочисленные жильцы говорили, что объ ней,

все равно какъ объ царевнѣ какой, ни въ сказкѣ нельзя сказать, ни перомъ написать.

Я совершенно не знаю, какимъ образомъ и для чего именно на тощей и такъ гибельно воняющей почвѣ подваловъ родятся существа съ головками, улыбающимися и цвѣтущими, какъ улыбаются и цвѣтутъ на холстѣ прелестныя созданія великихъ художниковъ,— не понимаю, для чего даются этимъ существамъ бѣлокурые волосы,—кого въ томъ подвалѣ хотѣла природа *удовлетворить*, творя этотъ гибкій, какъ наша стройная отечественная сосна, станъ; но знаю и сказываю о томъ обстоятельствѣ, что унтеръ-офицерскій подкидышъ, прозванный горемъ подвальнымъ царевной, про которую нельзя ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать, былъ, есть и будетъ царевной моего одинокаго сердца.

Повинуясь могучимъ стремленіямъ нашего времени, я долгое время шатался въ кумовъ подвалъ, внося, насколько могъ, въ мерзость его запустѣнія понятія о иномъ, внѣподвальномъ свѣтѣ. Я много разъ примѣчалъ, какъ цвѣтущая бѣлокурая головка улыбалась, радуясь такому свѣту; но улыбка эта, дававшая мнѣ столько радостей, всегда же и глубоко мучила меня, ибо въ то время, когда въ ней зарождалась другая правда, ничуть не похожая на правду кумовой жилицы—бородастой свахи Акулины, самъ подвалъ въ этотъ моментъ, мнѣ казалось, начиналъ покачиваться, словно бы жалѣя о чемъ, и, какъ-то сокрушительно улыбаясь, шепталъ мнѣ:

„Ахъ, Иванъ Петровичъ! Голова ты эдакая болѣзная! Ну, на что *это* намъ? Ну, что мы съ *этимъ* добромъ подѣлаемъ? Помни ты мое вѣрное

слово, Иванъ Петровичъ! Будетъ у насъ съ тѣмъ добромъ не въ примѣръ больше слезъ, больше и воздыханій".

И такъ крѣпко донялъ меня подвалъ такими словами, что я однажды сказалъ подвальному цвѣтку:

— Прощай, Катя! Ухожу изъ Москвы на родину. Хочу посмотрѣть, попрежнему ли наша матушка степь своей красотой сіяетъ.

Говорю такъ и смѣюсь, и она смѣется.

— Ой,—отвѣчала она,—не ходите, Иванъ Петровичъ. Люди, Иванъ Петровичъ, перемѣннѣе степи всегда бываютъ, объ этомъ во всякой книжкѣ говорится, какую мы только съ вами читали.

Я даже хотѣлъ было остаться, смотря на ту улыбку, съ которою Катя говорила о томъ, что люди измѣнчивѣе степи. Такъ много обѣщала эта веселая, добрая улыбка! Но, къ счастію или несчастію, подвалъ опять зашепталъ мнѣ:

„Ты что же это, Иванъ Петровичъ, оставаться хочешь? Гляди ты у меня: я тебя *тогда* своими старыми стѣнами въ прахъ раздавлю"...

Унося мою больную голову отъ гибели въ этихъ, такъ мрачно глядѣвшихъ, стѣнахъ подвала, я пошелъ. Пошелъ я, куда глядѣли мои глаза, и когда, возвратившись назадъ, спросилъ у кума. гдѣ Катя, онъ только отвѣтилъ мнѣ, что я счастливецъ, подоспѣвшій къ весьма крутой кашѣ, Отвѣтъ, какъ видите, весьма замысловатыхъ и таинственныхъ свойствъ; но я, изучившій нравы дѣвственныхъ улицъ, сразу понялъ, по какому, именно, поводу, изъ какихъ крупъ заварилась эта крупная каша,—понялъ до того ясно, что мое су-

масшедшее сердце снова дрогнуло и заныло отъ той страшной боли, которую подарило его это ясное понятіе о предстоящей кашѣ.

— Да куманекъ!—снова повторилъ кумъ, задумчиво разглаживая свои усищи.—Признаться сказать: заварили хлебово! Не знаю только, какъ иному молодому народу придется его расхлебывать. Про себя не толкую, потому старъ я, ну, и, значитъ, хлебывалъ вволю!... Вотъ какъ хлебывалъ — до крови!.. Ну, а молодымъ какъ покажется—не знаю, и ежели, т.-е. не Божья воля, такъ лучше бы мнѣ скрозь земь провалиться, чѣмъ голубчику моему—дитѣ мей кровной—то кушанье изъ своихъ рукъ подносить...

— А вы, дяденька, не ропщите, потаму судьба наша извѣстно отъ кого происходитъ...—вмѣшался въ нашу бесѣду молодой, еще неизвѣстный мнѣ, парень въ синей чуйкѣ, въ смазныхъ сапогахъ и ситцевой красной рубахѣ, видимо, мастеровой. Онъ былъ еще очень молодъ и потому сдѣлалъ старому солдату свое юное замѣчаніе весьма сконфуженнымъ тономъ, и притомъ неуклюже переминаясь на деревянномъ, выкрашенномъ черною краской стулѣ.

— Молчи ужъ ты, голова!—сердито отозвался кумъ на замѣчаніе молодца. — Мы отъ судьбы-то въ лапахъ отъ люльки и по сю пору находимся, такъ мы ее лучше тебя, не въ примѣръ, понимаемъ, какая она до нашего брата милостивая... Кумъ! выпьемъ съ тобой, да не по рюмочкѣ, а по стаканчику, потому скорбитъ мое сердце. Охъ, какая лютая казнь одолѣла его у меня! Тебѣ, кумъ, объ этой казни своей прежде времени не

скажу, потому пуще меня ты, пожалуй, винище жрать примешься. Знаю я тебя!

Но я давно уже понялъ лютую кумову казнь и потому съ яростью истаго плебея, прiученнаго и, слѣдовательно, привыкшаго топить горе въ стаканѣ, выжралъ стаканище, предложенный мнѣ солдатомъ, опустилъ мою голову, послушно склоняющуюся предъ всякимъ несчастьемъ, и сталъ по обыкновенiю прислушиваться къ тайному подвальному шопоту, а подвальный шопотъ на этотъ разъ былъ таковъ:

„Иванъ Петровичъ,—глухо и печально шептали стѣны,—знаешь, небось, ты нашу жизнь-то собачью? Вѣдь Катька-то у насъ задурила... Вѣдь въ степь-то тебя чортъ понапрасну таскалъ... Можетъ, она, Иванъ Петровичъ, эта самая Катька-то, такой-бы женой была вѣрной, да доброй, да умной“...

А солдатъ въ то же время съ тщетно сдерживаемымъ рыданьемъ говорилъ молодому парню, нашему собесѣднику:

— Выпей и ты, парень! Выпей сразу, побольше, потому тебѣ, паренекъ, надо часъ свой великiй въ полной муницiи встрѣтить.

— А я, дяденька, какъ вы сами изволите знать,—заикнулся было молодой парень,—насчетъ хмельного ни-ни, то есть, чтобы, то есть одну каплю когда—ни подъ какимъ видомъ.

— Будетъ, будетъ, женихъ, раздобары раздобарывать!—грозно крикнулъ на него кумъ.—Сами женихами бывали, знаемъ поэтому, какъ это ни капли-то ни подъ какимъ видомъ... Пей говорю. И ты, кумъ, выпей! Повторимъ мы съ тобой, го-

лова, потому мы постарше и знать свое дѣло завсегда мы должны во всяческой полности.

И дѣйствительно, я давно уже зналъ свое горькое всегдашнее дѣло—плакать и пить, и потому я съ еще большимъ азартомъ повторилъ громадный стаканище.

— Такъ-то вотъ лучше!—проговорилъ кумъ, когда вся наша компанія хватила по стакану.—Теперь словно бы отлегло маленько,—полегче будто бы стало...

— Это точно, что будто полегче бездѣлицу!—вступился молодой парень.—Только, дяденька, вы теперь безпремѣнно меня поддержать должны, потаму какъ это она въ любви съ *нимъ* находится, какъ и я долженъ съ ней отъ него подъ честной вѣнецъ итти, и мнѣ это теперича вотъ въ какой ясности приставляется—страсть! Сердце у меня отъ эвтого приставленья во какъ зажгло!..

— Пей, парень, ежели приставляется!—командовалъ солдатъ.—Когда маленечко ополоумнѣешь, всегда лекше становится. Ну,—прибавилъ старичина, внезапно озлобляясь, — ежели бы *онъ* мнѣ попался когда, искрошилъ бы я его́ въ мелкіе дребезги! Хоронится завсегда, словно знаетъ, что я бы его зубами изгрызъ.

— Нѣтъ, вотъ бы мнѣ Господь когда-нибудь подалъ его въ ручки ночкой какой-нибудь темненькою,—я бы тово... Прямо скажу: можетъ, съ живого-то врядъ ли бы и слѣзъ,—продолжалъ мастеровой солдатскую рѣчь.

— А кто это *онъ*-то?—спросилъ я, чувствуя, какъ горячая кровь обливала сердце мое и душила меня, чувствуя, что и я, даже не въ темную

ночь если бы встрѣтился съ *нимъ*, такъ съ живого тоже врядъ ли бы слѣзъ съ него.

— Онъ-то кто?—переспросилъ меня парень.— Афицеръ одинъ богатый... А я допрежь ее зналъ, какъ на родную мать издали глядѣлъ-глядѣлъ на нее и глазами своими ее любовалъ... Можетъ, ужъ года съ три той моей великой любви прошло.

Въ это время за окнами послышался глухой стукъ московской пролетки,—той шикарной, налощенной пролетки, съ фордекомъ, на которыхъ такъ называемые московскіе извозчики-лихачи катаютъ барынь, по народному говору, *вольнаго обращенія*, и вслѣдъ за этимъ стукомъ въ подвалъ вошла Катя, шурша толстымъ платьемъ изъ чернаго гласе, сіяя дорогой цвѣтистою шляпой и золотыми браслетами на ослѣпительно-бѣлыхъ и маленькихъ ручкахъ.

— Банжуръ, дяденька! - сказала она старому солдату какъ-то особенно разухабисто и фамильярно.—Ахъ, Иванъ Петровичъ, — обратилась она ко мнѣ,—какими судьбами?

— Дитя мое, дитя мое! Что ты съ нами, съ горемычными, сдѣлала?—отвѣтилъ я съ громкимъ плачемъ пьянаго и, слѣдовательно, необыкновенно тонко чувствовавшагося сердца.

Потомъ я ужъ ничего не помню о той крутой кашѣ, которая варилась въ это время въ подвалѣ.

— Акулина! Акулина!—кричалъ, какъ мнѣ помнится, мой кумъ.—Бѣги скорѣе за причтомъ,— я ужъ всѣмъ имъ говорилъ, какая у насъ исторія... А вы держите крѣпче, а то вывернется, ускачетъ.

— Ты опять тутъ, ты опять пришелъ!—крича-

ла Катя, очевидно было и для меня пьянаго, на молодого мастерового.—Я вѣдь сказала тебѣ, что не пойду за тебя.

— Рази лучше скверной дѣвкой-то быть?— кричалъ, въ свою очередь, мастеровой.—Опомнись, Катя, опомнись!.. Вѣдь они надъ нашимъ братомъ потѣшаются только, господа-то..

— Иванъ Петровичъ, — громко кричала мнѣ Катя,—заступитесь за меня: не давайте меня благословлять, сироту, поневолѣ... Будьте свидѣтелемъ: не хочу я за него итти...

Но я уже не могъ быть свидѣтелемъ для Кати въ томъ, что ее благословляютъ поневолѣ за немилаго замужъ, по многимъ причинамъ, изъ которыхъ самыя главныя были слѣдующія.

— Ну, ты теперь ея женихъ,—угрюмо бубнилъ солдатъ:—слѣдовательно, все равно мужъ... Прибей ее, шельму, чтобъ она отъ закона не отказывалась.

— Какъ же!—истерически всхлипывала Катя.— Погляжу я, какъ вы меня прибьете...

— А ты думаешь, не прибьемъ?—оралъ мастеровой.—Ты думаешь, сердце мое не болитъ? Вотъ тебѣ, будь ты проклята! Я, можетъ, жизнь свою загублю, въ церковь Божію съ тобой идучи, а ты въ такое-то время по злодѣѣ по моемъ сокрушаешься.

Послышался звукъ пощечинъ и отчаянный крикъ женщины.

— Молодецъ, Абрамъ! — говорилъ солдатъ.— Такъ ее и слѣдуетъ. Опосля слюбится...

Но, повторяю, я ничему не могъ быть свидѣтелемъ въ это время, потому что сидѣлъ совер-

шенно разбитый этою сценой,— сидѣлъ я, а Катя кричала мнѣ:

— Подлецъ, подлецъ! Что же ты не заступишься? Зачѣмъ же ты иное-то всегда мнѣ говорилъ?.. Зачѣмъ же въ книжкахъ твоихъ про заступу всегда слабому говорилось?

Сидѣлъ я, говорю, нѣмѣя отъ этихъ оскорбленій, а подвалъ мнѣ, кромѣ всего этого, свою рѣчь велъ:

„Видишь, Иванъ Петровичъ! Всегда я тебѣ толковалъ: уйди ты отъ насъ, потому будетъ у насъ отъ твоихъ словъ большое горе... Господи,— взмолился старый подвалъ, какъ бы сподвижникъ какой святой,—когда *только* эти слова *будутъ итти мимо нас*ъ..."

— Охъ, горе! Охъ горе!—сокрушенно взывалъ мой старый кумъ.—Но, можетъ, къ хорошему, можетъ остепенится—въ настоящій законъ и послушаніе Богомъ данному мужу войдетъ. Н-ну, ежели только *онъ* попадется мнѣ когда въ темномъ мѣстѣ!..

— Съ Бог-о-мъ, рр-ре-бята!—командовалъ съ печи старый сумасшедшій капитанъ. - Кл-ладсь! п-л-ли! Въ ш-ш-тыки на вр-ррага. Ур-ра!..

Такъ смертельно раздразнили его Фаломеевы ребятишки.

Затѣмъ вся компанія безъ исключенія, вслѣдствіе ни съ чѣмъ не сообразной выпивки, потеряла сознаніе, и я уже ничего больше не помню...

А. Левитовъ.

НА ВОРОБЬЕВЫХЪ ГОРАХЪ.

Давно мнѣ не случалось такъ славно провести Троицынъ день!

Насъ было трое я, мой спутникъ, Лаврушка молодой крестьянинъ, и его пріятель Афонька—„номерной“ изъ гостинницы... По московскому обычаю, мы всѣ трое забрались на одного извозчика, который за полтора цѣлковыхъ благополучно дотащилъ всю компанію отъ Замоскворѣцкаго моста до Воробьевыхъ горъ... Крестьянскій парень и московскій номерной въ дружескомъ обиходѣ шли за „Лаврушку“ и „Аѳоньку“ (Лаврентій—крестьянинъ, Аѳанасій—номерной)—и я тоже буду держаться этихъ дружескихъ кличекъ.

Лаврушка—чернобровый статный молодецъ, въ кумачевой рубашкѣ на выпускѣ, въ лакированныхъ сапогахъ и фуражкѣ-московкѣ набекрень, былъ страстнымъ любителемъ бабъ и стиховъ, и бесѣда его неизмѣнно вращалась въ этомъ любовномъ кругѣ, Аѳонька былъ совершенная противоположность товарищу—бѣлокурый, худощавый, съ нервнымъ подвижнымъ лицомъ; по случаю праздника на немъ красовалась пиджачная пара, съ бумажнымъ краснымъ цвѣткомъ въ петлицѣ, и сплющенная фуражка-пролетарка на головѣ. У Аѳоньки были двѣ слабости: политика и „трехгорное пиво“, которое онъ почему-то называлъ „піе“,—и по мѣрѣ увеличенія числа бутылокъ съ „піемъ“, онъ быстро превращался изъ „эсъ-дека“ въ „эсъ-ера“ и подъ конецъ вольность его рѣчи становилась небезопасной для спутника. Въ сущности, оба юные парня были благодуш-

нѣйшіе люди, и я съ ними чувствовалъ себя необыкновенно легко и весело.

Когда мы очутились, наконецъ, на Воробьевыхъ горахъ,—и, растянулись на травѣ,—моими спутниками овладѣло трогательное умиленіе. Лаврушка сбросилъ картузъ, заломилъ руки за голову и, вздохнувъ полной грудью, продекламировалъ:

— Отъ гущи жизни тянетъ вдаль...

— Откуда? спрашиваю.

Оказывается, ни откуда... просто изъ души!

Въ самомъ дѣлѣ, какая прелесть! провивъ, черезъ рѣку, точно на ладошкѣ—Новодѣвичій монастырь—издали совсѣмъ вербная игрушка.

Новдалекѣ на пригоркѣ расположилась съ закуской и гармоникою компанія мастеровыхъ.

Сверху, доносились звуки веселой карусели.

Тутъ все тоже, что лѣтъ десять назадъ: американскія горы, карусель, стрѣльбище, моментальная фотографія, палатка съ вафлями и мороженнымъ и въ саду, подъ деревьями, чайные столики. Но веселья хоть отбавляй, — въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ шумнаго говора и веселаго гоготанія.

Какая-то миловидная дѣвица въ желтенькомъ платочкѣ увлекаетъ насъ въ уютный тѣнистый садъ, гдѣ пестрятъ скатерти чайныхъ столиковъ.

Общую картину московскаго чаепитія подъ зелеными кущами я рѣшительно отказываюсь описывать. Это надо видѣть самому! Чайные столики разставлены такъ тѣсно, что мы касаемся ногами и затылками нашихъ сосѣдей и сосѣдокъ. И, при этомъ, ни одного свободнаго мѣстечка!... Всѣ заразъ говорятъ, спорятъ, кричатъ, поютъ,

хохочутъ; бабы визжатъ, дѣти плачутъ, мужчины весело отругиваются и хлопаютъ подъ столомъ пробками. Такъ какъ рядомъ, за плетнемъ, такой же чайный садъ, съ такими же чайными бабами въ сарафанахъ, и также сплошь переполненный публикой, то въ воздухѣ стоитъ такой адскій гомонъ, какъ на деревенской ярмаркѣ. Въ одномъ мѣстѣ полуслѣпой нищій, выпрашивая подаяніе, жалобно тянетъ Лазаря; въ другомъ дѣвочка съ пальчикъ пискливо предлагаетъ букетъ ландышей; далѣе мальчикъ-крикунъ суетъ всѣмъ корзину съ сѣмечками и розовые конвертики со „счастьемъ".

Отовсюда зычные крики и окрики:

— Эй ты, Матрешка попрыгунья, скоро ли самоваръ?

— Матрена, лѣшій тебя проглоти, тащи живо пару пива!.. И т. д.

Матрены и Матрешки носятся изъ конца въ конецъ, какъ оглашенныя, съ самоварами, бутылками, тарелками, едва успѣвая вытереть подолами струящійся по лицу потъ.

„Гвоздемъ" увеселительной программы явился нѣкій *Шура Чижикъ* гармонистъ по профессіи, бѣлокурый паренекъ, почти мальчишка, довольно миловидный, но уже съ испитымъ лицомъ и подавшимся голосомъ. Костюмъ совершенно фантастическій: студенческая фуражка, красная рубашка, кондукторская тужурка, съ красной гвоздикой въ петлицѣ, кавалерійскіе чикчиры и болотные сапоги,—а подъ мышкой чудовищная гармонія, такъ называемая „Вѣнка". Шура Чижикъ обходитъ столики и съ независи-

мымъ видомъ предлагаетъ свои артистическія услуги.

Такой Шура Чижикъ чисто московская особенность и «репертуаръ“ его оказывается тоже особенный, московскій,—и цѣны совсѣмъ особенныя: напримѣръ, за простой романсъ *десять* копеекъ, за романсъ „со слезой“ — *двадцать* копеекъ; а за такъ называемый романсъ „съ прогрессивнымъ настроеніемъ“ (политическій)—отъ пятнадцати до двадцати-пяти копеекъ, смотря по содержанію. „Романсомъ съ прогрессивнымъ настроеніемъ“, однако, онъ постѣснялся насъ угостить въ виду многочисленнаго стеченія публики, но зато пропѣлъ подъ гармонику цѣлый рядъ романсовъ „со слезой“ и „безъ слезы“...

Подсѣвъ къ нашему столику, онъ началъ съ кого-то невѣдомаго замоскворѣцки-испанскаго романса подъ заглавіемъ „Вальсъ—Тоска“. Подъ этотъ вальсъ, какой-то юноша съ гитарой въ рукахъ умолялъ жестокую красавицу:

„Склонись, милая, черными кудрями
Надъ моею больной головой“!..

Остальныхъ словъ не помню, помню только, что романсъ обрывался страшнымъ воплемъ на томъ самомъ мѣстѣ, когда кокетка согласилась „склониться кудрями“. Романсъ былъ очень чувствительный, но все же безъ настоящей слезы. Настоящей слезой отличались лишь дальнѣйшія нумера:

„Прощай мой сынъ, въ страну чужую
Ты уѣзжаешь,—Богъ съ тобой“...

„Прощай, мой сынъ“, былъ спѣтъ съ особеннымъ подъемомъ.

При пѣніи куплета:

„Ты спросишь: гдѣ-жъ моя родная?
Тебѣ въ отвѣтъ—ея ужъ нѣтъ!
Она, вся въ горѣ утопая,
Давно оставила сей свѣтъ“...

въ голосѣ пѣвца послышались искреннія слезы, а послѣдняя фраза подчеркнута была глухимъ драматическимъ рыданіемъ, заставившимъ примолкнуть сосѣдей ближайшихъ столиковъ.

Голосъ Чижика, какъ онъ самъ о немъ выражался, былъ „жертвой алкогольнаго гипнотизма“, но фразировалъ онъ отлично, съ тонкимъ чутьемъ и опытностью настоящаго артиста.

Тѣмъ не менѣе, при расчетѣ, Аѳонька, „пожелавшій стать на точку общественной справедливости“, усмотрѣлъ въ полученномъ гонорарѣ нѣкоторыя черты „московскаго мошенничества“, такъ какъ, съ одной стороны, артистъ уклонился спѣть романсъ „съ прогрессивнымъ настроеніемъ“, а съ другой—одинъ „самый индиферентный романсъ“ поставилъ въ счетъ будто „со слезой“. Но мнѣ стало жаль „жертвы алкогольнаго гипнотизма“ и я накинулъ ему полтинникъ. Шура Чижикъ молча взялъ полтинникъ и невѣрной стопой направился къ сосѣдней кущѣ.

Аѳонька продолжалъ волноваться.

— Выражаю протестъ противъ вашего дивиденда! Если артистъ уклоняется отъ романса съ прогрессивнымъ настроеніемъ—выходитъ, что онъ

существуетъ безъ всякаго гражданскаго мужества!...

.... Я напомнилъ компаніи, что уже шестой часъ и что до Москвы путь не особенно близкій.

И. Щегловъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ МОСКОВСКАГО КУПЕЧЕСТВА.

Лаптевы въ Москвѣ вели оптовую торговлю галантерейнымъ товаромъ: бахрамой, тесьмой, аграмантомъ, вязальною бумагой, пуговицами и проч. Валовая выручка достигала двухъ милліоновъ въ годъ; каковъ же былъ чистый доходъ, никто не зналъ, кромѣ старика. Сыновья и приказчики опредѣляли этотъ доходъ приблизительно въ триста тысячъ и говорили, что онъ былъ бы тысячъ на сто больше, если бы старикъ „не раскидывался", то-есть не отпускалъ въ кредитъ безъ разбору; за послѣднія десять лѣтъ однихъ безнадежныхъ векселей набралось почти на милліонъ, и старшій приказчикъ, когда заходила рѣчь объ этомъ, хитро подмигивалъ глазомъ и говорилъ слова, значеніе которыхъ было не для всѣхъ ясно:

— Психологическое послѣдствіе вѣка.

Главныя торговыя операціи производились въ городскихъ рядахъ, въ помѣщеніи, которое называлось амбаромъ. Входъ въ амбаръ былъ со двора, гдѣ всегда было сумрачно, пахло рогожами и стучали копытами по асфальту ломовыя лошади. Дверь, очень скромная на видъ, обитая желѣзомъ, вела со двора въ комнату съ побурѣвшими отъ

сырости, исписанными углемъ стѣнами и освѣщенную узкимъ окномъ съ желѣзною рѣшеткой, затѣмъ налѣво была другая комната, побольше и почище, съ чугунною печью и двумя столами, но тоже съ острожнымъ окномъ: это—контора, и ужъ отсюда узкая каменная лѣстница вела во второй этажъ, гдѣ находилось главное помѣщеніе. Это была довольно большая комната, но, благодаря постояннымъ сумеркамъ, низкому потолку и тѣснотѣ отъ ящиковъ, тюковъ и снующихъ людей, она производила на свѣжаго человѣка такое же невзрачное впечатлѣніе, какъ обѣ нижнія. На верху и также въ конторѣ на полкахъ лежалъ товаръ въ кипахъ, пачкахъ и бумажныхъ коробкахъ, въ расположеніи его не было видно ни порядка, ни красоты, и если бы тамъ и сямъ изъ бумажныхъ свертковъ сквозь дыры не выглядывали то пунцовыя нити, то кисть, то конецъ бахромы, то сразу нельзя было бы догадаться, чѣмъ здѣсь торгуютъ. И при взглядѣ на эти помятые бумажные свертки и коробки не вѣрилось, что на такихъ пустякахъ выручаютъ милліоны и что тутъ въ амбарѣ каждый день бываютъ заняты дѣломъ пятьдесятъ человѣкъ, не считая покупателей.

Старшій приказчикъ, высокій мужчина лѣтъ 50, съ темною бородой, въ очкахъ и съ карандашомъ за ухомъ, обыкновенно выражалъ свои мысли неясно, отдаленными намеками, и по его хитрой улыбкѣ видно было при этомъ, что своимъ словамъ онъ придавалъ какой-то особенный, тонкій смыслъ. Свою рѣчь онъ любилъ затемнять книжными словами, которыя онъ понималъ по-

своему, да и многія обыкновенныя слова часто употреблялъ онъ не въ томъ значеніи, какое они имѣютъ. Напримѣръ, слово „кромѣ“. Когда онъ выражалъ категорически какую-нибудь мысль и не хотѣлъ, чтобъ ему противорѣчили, то протягивалъ впередъ правую руку и произносилъ:

— Кромѣ!

И удивительнѣе всего было то, что его отлично понимали остальные приказчики и покупатели. Звали его Иванъ Васильевичъ Початкинъ.

Другимъ важнымъ лицомъ въ амбарѣ былъ приказчикъ Макичевъ, полный, солидный блондинъ съ лысиной во все темя и бакенами.

Всѣ приказчики были одѣты по модѣ и имѣли видъ вполнѣ порядочныхъ, воспитанныхъ людей. Говорили они на *о*, *г* произносили какъ латинское *g*; оттого, что почти черезъ каждыя два слова они употребляли *съ*, ихъ поздравленія, произносимыя скороговоркой, напримѣръ, фраза: „желаю вамъ-съ всего хорошаго-съ“ слышалась такъ, будто кто хлыстомъ билъ по воздуху— „жвысссъ“.

Служащимъ жилось у Лаптевыхъ очень плохо и объ этомъ давно уже говорили всѣ ряды. Хуже всего было то, что по отношенію къ нимъ старикъ Ѳедоръ Степанычъ держался какой-то азіатской политики. Такъ, никому не было извѣстно, сколько жалованья получали его любимцы Початкинъ и Макѣичевъ; получали они по три тысячи въ годъ вмѣстѣ въ наградными, не больше, онъ же дѣлалъ видъ, что платитъ имъ по семи; наградныя выдавались каждый годъ всѣмъ приказчикамъ, но тайно, такъ что полу-

чившій мало долженъ былъ изъ самолюбія говорить, что получилъ много; ни одинъ мальчикъ не зналъ, когда его произведутъ въ приказчики; ни одинъ служащій не зналъ, доволенъ имъ хозяинъ или нѣтъ. Ничто не запрещалось приказчикамъ прямо, и потому они не знали, что дозволяется и что—нѣтъ. Имъ не запрещалось жениться, но они не женились, боясь не угодить своею женитьбой хозяину и потерять мѣсто. Имъ позволялось имѣть знакомыхъ и бывать въ гостяхъ, но въ девять часовъ вечера уже запирались ворота и каждое утро хозяинъ подозрительно оглядывалъ всѣхъ служащихъ и испытывалъ, не пахнетъ ли отъ кого водкой: „А ну-ка, дыхни!“

Каждый праздникъ служащіе обязаны были ходить къ ранней обѣднѣ и становиться въ церкви такъ, чтобы ихъ всѣхъ видѣлъ хозяинъ. Посты строго соблюдались. Въ торжественные дни, напримѣръ, въ именины хозяина или членовъ его семьи, приказчики должны были по подпискѣ подносить сладкій пирогъ отъ Флея или альбомъ. Жили они въ нижнемъ этажѣ дома на Пятницкой и во флигелѣ, помѣщаясь по трое и четверо въ одной комнатѣ, и за обѣдомъ ѣли изъ общей миски, хотя передъ каждымъ изъ нихъ стояла тарелка. Если кто изъ хозяевъ входилъ къ нимъ во время обѣда, то всѣ они вставали.

Голосъ хозяина гудѣлъ непрерывно. Отъ нечего дѣлать, старикъ наставлялъ покупателя, какъ надо жить и какъ вести свои дѣла, и при этомъ все ставилъ въ примѣръ самого себя. Ста-

рикъ обожалъ себя; изъ его словъ всегда выходило такъ, что свою покойную жену и ея родню онъ осчастливилъ, дѣтей наградилъ, приказчиковъ и служащихъ облагодѣтельствовалъ и всю улицу и всѣхъ знакомыхъ заставилъ за себя вѣчно Бога молить; что̀ онъ ни дѣлалъ, все это было очень хорошо, а если у людей плохо идутъ дѣла, то потому только, что они не хотятъ посовѣтоваться съ нимъ; безъ его совѣта не можетъ удаться никакое дѣло. Въ церкви онъ всегда становился впереди всѣхъ и даже дѣлалъ замѣчанія священникамъ, когда они, по его мнѣнію, не такъ служили, и думалъ, что это угодно Богу, такъ какъ Богъ его любитъ.

Къ двумъ часамъ въ амбарѣ всѣ уже были заняты дѣломъ, кромѣ старика, который продолжалъ гудѣть.

— Твердо, вѣди, азъ!—слышалось со всѣхъ сторонъ (буквами въ амбарѣ означались цѣны и номера товаровъ).—Рцы, иже, твердо!

А. Чеховъ.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ ВЪ МОСКВѢ.

I.

Пасхальная ночь собираетъ въ Кремль сотни тысячъ народа.

Въ огняхъ все Замоскворѣчье, и легкій, какъ дымка, красноватый отблескъ смутно вырисовываетъ бѣлыя стѣны кремлевскихъ соборовъ. Незримая рука зажигаетъ огоньки на Иванѣ Вели-

комъ. Подъ Успенскимъ благовѣстникомъ на рѣшеткѣ загорается крестъ изъ бѣлыхъ лампіоновъ.

Затихаютъ разговоры. Рѣже слышенъ смѣхъ. Зажжены всѣ пасхальные огни. Богомольцы вынимаютъ припасенныя свѣчи.

Ждутъ. Скоро ударятъ на Иванѣ, и по второму зову загудятъ всѣ сорокъ-сороковъ. И наростаетъ чувство напряженнаго ожиданія...

— Ударили, кажется, гдѣ-то... Далеко.

Прислушиваются:

— Нѣтъ... Все тихо...

И снова ждутъ. Снова вслушиваются въ смутный ропотъ многотысячной толпы.

Бродятъ и шатаются по бѣлымъ стѣнамъ соборнымъ запутанныя, неясныя тѣни отъ пасхальныхъ огней. Розовѣютъ внизу, у огней, грани Ивановскаго столпа. И чѣмъ-то сказочнымъ вѣетъ отъ этой картины.

— Сейчасъ ударятъ!.

— Нѣтъ, еще безъ десяти минутъ.

На Ивановской колокольнѣ перебѣгаютъ огоньки—готовятся къ благовѣсту.

Одна изъ священнѣйшихъ московскихъ традицій:

Первый ударъ въ святую ночь раздается съ Ивана Великаго.

Онъ возвѣщаетъ Москвѣ радостную вѣсть.

Отъ него узнаютъ колокольни, что мигъ насталъ.

Это было установлено строгимъ приказомъ Филарета.

— Звонить въ церквахъ по второму удару съ Ивана Великаго.

Вся Москва слышала первый „бархатный“ ударъ праздничнаго колокола.

За несоблюденіе полагалось строгое взысканіе.

Когда-то „первый ударъ Ивана Великаго“ продавался звонарями съ аукціона.

На Ивановской колокольнѣ собирались „усердные любители“ изъ честолюбиваго купечества.

И торговались:

— На первый ударъ.

Цѣна доходила до 1.000 рублей. Никогда не падала ниже двухсотъ.

Деньги шли въ пользу звонарей.

„Любитель“ брался за одинъ изъ четырехъ „хвостовъ“ каната.

И ударялъ „первый ударъ“.

Начиналъ въ Москвѣ пасхальный благовѣстъ.

Цѣлый годъ онъ былъ героемъ среди своего круга:

— Первый въ этомъ году зазвонилъ во всей Москвѣ!

II.

Отсюда на Ивановской колокольнѣ еще тихо.

Видъ волшебный.

Бенгальскіе огни кровавымъ свѣтомъ озаряютъ бѣлыя строгія стѣны старыхъ соборовъ. И отблески огней дрожатъ и пляшутъ внизу, въ зеркалѣ рѣки.

Замоскворѣчье залито огнями.

Куда ни погляди,—небо въ разноцвѣтныхъ огняхъ. Бороздятъ его ракеты, взлетаютъ римскія свѣчи.

А внизу сплошное море головъ. Шевелится, движется, течетъ.

Внизу громко говорятъ, кричатъ, стонъ, гулъ,— а сюда все это доносится только какъ непрерывный шорохъ толпы.

Близится полночь.

У колоколовъ приступаютъ „къ работѣ".

Армія ивановскихъ звонарей выстроилась по мѣстамъ.

У большого колокола,—на своемъ посту староста звонарей.

Старикъ, съ золотой медалью на шеѣ, медалями на груди, въ красномъ кафтанѣ съ позументами, въ муаровомъ красномъ поясѣ.

Четыре человѣка берутся за четыре конца длиннаго каната, обмотаннаго вокругъ „языка", и ритмически ведутъ „языкъ" слѣва направо.

Языкъ раскачивается сильнѣе, сильнѣе, съ тяжелымъ свистомъ носится по воздуху.

Скрипятъ желѣзные тяжи, на которыхъ подвѣшенъ колоколъ-громада въ 6,000 пудовъ.

Вотъ отъ Успенскаго собора махнули фонаремъ.

— Съ Богомъ!

Звонари открыли ротъ. Звонятъ здѣсь съ открытымъ ртомъ. Иначе оглохнешь.

Четверо звонарей отбѣжали съ канатомъ, и языкъ ударилъ въ колоколъ.

Задрожала вся колокольня. Въ громовомъ раскатѣ потонуло все. Рѣзко засвистали воздушныя волны.

Колоколъ виситъ аршина на полтора отъ пола, весь звукъ несется книзу и, отраженный каменнымъ поломъ, волнами летитъ по воздуху.

Полъ трясется подъ ногами.

Изъ соборовъ потекли золотыя рѣки огней и парчи. Широкими лентами опоясываютъ храмы.

Вѣроятно, поютъ „Христосъ воскресе“. Здѣсь не слышно ничего.

— Хрис-тосъ вос-кре-се!—кричитъ мнѣ кто-то въ ухо.

Оборачиваюсь: улыбающійся старикъ—„кардиналъ“.

Онъ снова кричитъ мнѣ въ ухо по складамъ:

— Трид-цать чет-вер-тую Пас-ху здѣсь встрѣча-ю!

Крестные ходы ушли въ храмы.

Звонъ на минуту прекращается.

— Уходите съ колокольни!—совѣтуютъ мнѣ,— сейчасъ ударимъ во всѣ колокола!

Замѣчательно, что всѣ ивановскіе колокола, несмотря на разницу въ вѣсѣ и времени отливки, всегда составляли одинъ аккордъ, и всегда звучали въ одинъ, „серебряный“, тонъ. Въ этомъ „несравненная красота ивановскаго звона“.

— Уходите! Уходите!

Сейчасъ ударятъ во всѣ 15 колоколовъ.

По витой темной лѣстницѣ, путаясь въ переходахъ, по каменнымъ „мѣшкамъ“ бѣгу внизъ.

И вдругъ все вновь дрогнуло.

— Второй звонъ.

Загудѣлъ Большой.

Малиновымъ стономъ пронесся „шестерикъ“,— ударъ въ шесть небольшихъ колоколовъ сразу.

Пропѣли „корсунскіе“ колокола.

Въ „сплохъ“, вмѣстѣ, снова ударили Большой, Успенскій, Воскресный и Реутъ.

Если-бъ человѣка, попавшаго въ первый разъ, спросить:

— Что это?

Онъ никогда бы не сказалъ, что это:

— Колокольный звонъ.

Это ревъ.

Словно реветъ земля.

Такую симфонію могъ создать одинъ Бетховенъ—народъ.

И на этомъ страшномъ фонѣ веселится, радуется, играетъ перезвонъ ближайшихъ колоколенъ.

Передъ нами внизу играетъ такой оркестръ, какъ Москва, такую симфонію, какъ пасхальная ночь.

Ночь свѣтлаго и страшнаго чуда.

И огоньки ея горятъ, словно огоньки передъ миріадами пультовъ невидимыхъ великихъ музыкантовъ.

Звѣздами трепетала земля.

И ожило небо.

Все небо надъ Москвой полно взлетающими и падающими разноцвѣтными звѣздами.

Какая волшебная ночь!

Р. С.

ДИТЁ.

Въ узенькомъ переулкѣ, на Ильинкѣ, передъ убогой часовенкой галдитъ толпа народа.

Подходитъ молодой мастеровой.

— Что у васъ тутъ за обструкція? О чемъ идетъ провокація?

— Нѣтъ никакой провокаціи, а обнакновенная

бабья подлость: неузаконенное дитё въ монастырское углубленіе подкинули!

Дѣйствительно, въ монастырской нишѣ, рядомъ съ часовенкой, сидитъ, испуганно съежившись, годовалый младенецъ, въ одной рубашенкѣ, съ моченымъ яблокомъ въ красныхъ рученкахъ.

— Дитё, извѣстно, не причинно въ своемъ существѣ, а только все же не порядокъ...

— Ужъ какой это порядокъ, если женскій полъ станетъ по городу свои любовныя фантазіи раскидывать!

— Ну, и нравы нонче пошли по Москвѣ — самые, можно сказать, пренебрежительные... Теперь возьмите, у насъ, на Плющихѣ, модное заведеніе существуетъ; такъ что вы думаете, ихняя мастерица...

— А вы бы, мадамъ, съ вашими бабьими секретами потише—никакъ городовой идетъ сюда...

Въ народный разговоръ вмѣшивается мужчина интеллигентнаго вида, въ синихъ очкахъ, повидимому, педагогъ.

— Это же съ какой такой стати... городовой?

— Очень просто, чтобы, значитъ, предоставить заброшенное дитё въ полицейскій участокъ.

— Но, позвольте, это возмутительно? Какое же такое можетъ быть воспитаніе для малолѣтняго въ участкѣ?

— Самое, можно сказать, музыкальное. Небось, знаете казенную пѣсенку: „Караулъ?“ Вотъ ее тамъ кажду ночь спѣваютъ, чтобы народъ часомъ не заскучалъ...

— Эй, вы, кто тутъ мутитъ публику? Гдѣ главный бунтарь??

Городовой проталкивается къ нишѣ, видитъ младенца и въ недоумѣніи дергаетъ его за рукавъ. Тотъ, при видѣ усатаго городового, не выпуская изъ рукъ моченаго яблока, принимается пронзительно ревѣть.

— Во-о, какъ залился, ровно на живодерню потянули!

— Поди-жъ ты, вѣдь, совсѣмъ малое дитё, а уже чувствуетъ насчетъ участка...

Около толпы останавливается проходящій военный, бравый полковникъ, суроваго вида.

— Что тутъ за шумъ? Опять бомбу подбросили?

— Оно точно что подбросили, а только совсѣмъ въ другомъ составѣ...

— А кто же это тутъ кричитъ?

— А это оно самое, ненатуральное дитё—плачетъ объ своей участи!

— Въ центрѣ города... и вдругъ такое безобразіе! Гдѣ городовой?

— Здѣсь, ваше скородіе...

— Развѣ не видишь—плачетъ ребенокъ?

— Такъ точно, ваше скородіе... А только какъ они сейчасъ безъ материнской груди, имъ никакъ невозможно, чтобъ не убиваться!

— Чортъ знаетъ что это такое! А гдѣ же она... преступная мать?

Въ толпѣ легкое гоготаніе.

Изъ трактира напротивъ выкатывается толстая раскраснѣвшаяся баба въ съѣхавшемъ на затылокъ пестромъ платкѣ и задорнымъ, обидчивымъ голосомъ кричитъ:

Дитё мое—самое документальное: отъ цехового маляра Ивана Авдѣевича!!.

— Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы предоставили вашего ребенка капризу судьбы?—наставительно замѣчаетъ педагогъ.

— Никакихъ капризовъ тутъ не бывало, а просто я въ трактиръ подалась квасу испить, а мово дитенка покелева подъ Божіе благословеніе подсадила. А тутъ вона какое происшествіе устроили! Ты чего мое дитё за рукавъ трясешь? — набросилась она на городового.—Думаешь, я простая баба, такъ надо мной можно всякія издѣвательства творить? Да я за моего дитенка не только твою поганую морду разукрашу—двумъ околоточнымъ горло перерву!

Въ толпѣ смѣхъ, городовой немного отступаетъ.

— Позвольте, однако, за такое ваше направленіе я сейчасъ могу околоточнаго позвать...

— Свисти, не боюсь я твоего околоточнаго! А ежели что, такъ я завсегда черезъ генеральшу Шлинбахъ къ самому градоначальнику управу найду... Наплевать мнѣ на твоего околоточнаго! Тьфу!!—Баба схватила своего дитенка въ охапку, дала ему здоровеннаго шлепка и благополучно скрылась обратно въ трактиръ.

Городовой презрительно пожимаетъ плечами и проситъ публику расходиться.

И. Щегловъ.

МОСКВА.

(Штрихи изъ студенческихъ воспоминаній).

Посвящается Владиміру Павловичу Троицкому.

Кто провелъ свои студенческіе годы въ Москвѣ, тотъ навсегда—москвичъ. Любовь къ Москвѣ—

характерная черта всѣхъ, пожившихъ въ Москвѣ достаточно времени, чтобы чувствовать въ ней себя, какъ дома. Поразило, помню, меня своей вѣрностью замѣчаніе одного несимпатичнаго мнѣ публициста, что многіе иностранцы влюблялись въ Москву, какъ въ женщину. Любовь къ женщинѣ не всегда счастье, часто и горе; лучше сказать,— любовь къ женщинѣ всегда счастье, несмотря ни на какое горе. И я вспоминаю Максима Грека. Призвалъ его, европейски образованнаго человѣка, великій князь Московскій *для разбора библіотеки;* потомъ на него, не знавшаго ни русскаго, ни церковно-славянскаго языка, возложили обязанность перевести нѣкоторыя богослужебныя книги,— понадѣлалъ онъ ошибокъ. Чуя недоброе, просился онъ домой,—не пустили. И тутъ съ нимъ, съ человѣкомъ, котораго потянуло въ свою аѳонскую библіотеку, въ общество образованныхъ людей, на свободу, дѣлается что-то непонятное. Вмѣсто того, чтобы смириться, выжидать удобнаго случая, вести тонкую политику (ума то у него хватило бы на это), хотя бы въ пользу порабощенныхъ грековъ, онъ упрямится, споритъ, доказываетъ (кому?!), якшается съ либералами и опальными, обостряетъ свои отношенія съ княземъ въ вопросѣ о разводѣ его съ супругой, прётъ противъ рожна, идетъ на вѣрную гибель...

Уже захватила эта таинственная болѣзнь,— любовь къ Москвѣ. И Максимъ, съ пристрастіемъ судимый и неправо осужденный, сосланный, заточенный, до полусмерти не разъ избитый, усваиваетъ церковный русскій языкъ, и все пишетъ, все учитъ, все обличаетъ, до самой смерти, всѣ

долгіе годы своего пожизненнаго заключенія. Въ глубокой старости въ Троице-Сергіевской Лаврѣ имѣлъ съ нимъ свиданіе сынъ его тюремщика, Іоаннъ Грозный, и мучитель и мученикъ съ глазу на глазъ вели тамъ тайную бесѣду... Я не знаю, есть ли даже во всемірной исторіи другой примѣръ такого служенія, такой любви... Въ ту еще пору до-зарѣзу нуженъ былъ власти свѣдущій, университетскій человѣкъ...

Образованные люди нужны Россіи; говорятъ они, и пишутъ, и дѣйствуютъ не такъ, какъ хотѣлось бы тѣмъ, кто даетъ образованіе: и ихъ ссылаютъ, заточаютъ, бьютъ. Но любовь все превозмогаетъ... О, преподобный Максимъ!

Глубокій провинціализмъ—вотъ отличительная черта такой столицы, какъ Москва, а можетъ быть и такой страны, какъ Россія. Провинціализмъ, это—вѣрность старинѣ, это—деревня [1]), своеобычность, неторопливость, это—тяжеловѣсность: она хороша, какъ устойчивость, но она же и косность... Что-то въ родѣ трясинъ въ „Лѣсахъ“ Мельникова-Печерскаго, въ родѣ этихъ „мшавъ“ съ незабудками, этихъ болотъ, этихъ „чарусъ“, гдѣ попадаются „окна“ чистой воды невѣроятной глубины и прозрачности...

Сумрачные, пыльные коридоры Московскаго университета, совершенно темныя раздѣвальни,

---

[1]) Пушкинъ намекнулъ на это черту, поставивъ эпиграфомъ къ своему „Евгенію Онѣгину“ слова: О Русь! О rus! (О Русь! О деревня!).

гдѣ горятъ среди бѣлаго дня кухонныя лампы, комната для куренія, до того маленькая и грязная, что въ нее гадко, даже страшно войти, аудиторіи съ низкими сводами, напоминающія застѣнки, жалкій бюстъ Ломоносова... Во всей обстановкѣ филологическаго факультета была какая-то средневѣковая бѣдность и мрачность [1]). Но среди этого варварства сіяли профессора, у которыхъ головы, какъ у Егорія, были поистинѣ „жемчужныя". Восхитительный стилистъ, настоящій левъ по наружности, Алексѣй Веселовскій, столь доступный, плѣнительно доброжелательный, заинтересовывавшій и интересовавшійся каждымъ проявленіемъ самостоятельности, говорившій, какъ писалъ и пишетъ, строя сложную архитектуру своихъ блестящихъ періодовъ... И рядомъ съ нимъ, въ дѣлѣ изученія *европейской* словесности стоялъ такой провинціалъ по рѣчи, по манерамъ, по всему духовному и писательскому облику, какъ Стороженко. Блестящій, строгій, невѣроятно свѣдущій и страшно дѣятельный Всеволодъ Миллеръ, и рядомъ драгоцѣнный, но до предѣловъ скромный, блѣдный и добрый Кирпичниковъ или окающій мужичокъ Соколовъ, муравей, копунъ, быстрымъ говоркомъ струящій факты, факты, факты, какъ ручеекъ, вытекающій изъ огромнаго бассейна. Европейски импозантный, невозмутимый, нарядный Виноградовъ; поминутно вспыхивающій и сдерживающій себя, капризный, какъ женщина, всегда страшно интересный, и устращающе-требовательный Герье; но рядомъ некра-

[1]) Мои воспоминанія относятся къ 90-мъ годамъ.

сивый, хлесткій, желчный, столь талантливый Ивановъ—историкъ, Фортунатовъ—языковѣдъ, непроницаемый сфинксъ, съ неслышной рѣчью и съ неслышащими ушами, и похожій на старьевщика, любимецъ аудиторіи, другой Фортунатовъ, историкъ. Сжегшій себя на непосильномъ трудѣ поденщика, великолѣпный, мятежный Гротъ; также сгорѣвшій, въ своей меблированной комнатѣ, Корелинъ; великій мыслитель, незабвенный авторъ „Метафизики" и „Логоса", страстный, нервный С. Трубецкой; „простой" углубленный Лопатинъ. Вспоминается смѣшно - торжественный Зубковъ съ лицомъ алкоголика, насквозь оригинальный и живой Брандту—словистъ, и многіе, многіе другіе. Но почти на каждаго „европейца" приходится одинъ „провинціалъ", и два изъ нихъ особенно значительны: Ключевскій, смиренный, тихій и добрый, но съ хитрой, вкрадчивой, неотразимой насмѣшливостью и Троицкій: на губахъ этого „тишайшаго" изъ философовъ, автора удивительнаго курса логики, вѣчно расплывалась благожелательнѣйшая, а послѣ паралича скорбно-благоволящая улыбка; при свѣтло-холодныхъ глазахъ загадочна была эта улыбка; они какъ будто говорили,что его уже затянула „чаруса" провинціализма что онъ навсегда попалъ во „окно", что за тысячу верстъ отъ Декартовъ, Кантовъ и Миллей, открылись ему какія-то послѣднія глубины, при созерцаніи которыхъ уста уже не говорятъ, а только улыбаются, и не то это улыбка тайныхъ постиженій, не то всеотреченія и всепрощенія, не то безграничнаго скептицизма, породившаго и безграничную доброту.

Татьянинъ день, лучше сказать, Татьянина ночь, съ ея безобразнымъ разгуломъ, съ задушевнѣйшимъ, простымъ весельемъ и милыми рѣчами,— вѣдь это то „бѣсовское пѣніе, скаканіе и гудѣніе", съ которымъ тщетно боролась церковь и борется европейская наука, вѣдь это то бытовое двоевѣріе, которое такъ характерно для провинціализма,— такъ же, какъ и обычный костюмъ московскаго студента: разстегнутый форменный сюртукъ, а подъ нимъ цвѣтная косоворотка на-выпускъ.

Важнѣй университета для меня лично была Румянцевская библіотека съ музеемъ. Это великолѣпное заморское зданіе, эта тишина книгохранилищъ! Какъ восхищала эта возможность достать для прочтенія все, что хочешь (почти)! Рядомъ сидитъ странный старикъ надъ фоліантами въ пергаментныхъ переплетахъ; тамъ—барышня дѣлаетъ выписки; поодаль гимназистъ переводитъ Тита Ливія съ подстрочникомъ. Мнѣ приходилось получать французскія книги съ выцвѣтшей надписью: „Изъ библіотеки гр. Віельгорскаго", и мнѣ казалось, что я вступаю въ личныя сношенія съ Московскими кружками 30-хъ, 40-хъ годовъ... Но при этомъ культурномъ богатствѣ какая некультурность! Какое запустѣніе, нерадѣніе, даже варварство! Книги вносятъ въ читальный залъ сторожа, изнемогая подъ ихъ тяжестью, на рукахъ, какъ кирпичи на постройкѣ; множество книгъ и журналовъ остаются безъ переплетовъ; контроль надъ посѣтителями слабъ, — листы, страницы, цѣлыя статьи незамѣтно вырѣзываются читателями.

Вмѣсто трехъ, не болѣе, книгъ, полагающихся

по уставу выдачи, можно было получать хоть десять,—чисто московская благодушная, щедрая любезность, далекая отъ „европейской" неуклонности и точности. Книги, сданныя посѣтителями, сваливались въ особой комнатѣ въ огромную кучу, и потомъ уже разбирались и ставились на мѣсто... Каталоговъ для публики почти не было. Читальный залъ былъ настолько малъ, что студенты, ученые, курсистки порой тѣснились на окнахъ, въ проходахъ, даже читали стоя. Не находилось средствъ [1]) у Москвы ни на переплеты всѣхъ книгъ, ни на составленіе каталоговъ, ни на покупку распродаваемыхъ цѣнныхъ библіотекъ, ни на расширеніе читальной залы,—не было достаточныхъ средствъ на раціональное упорядоченіе этого огромнаго дѣла, а хотѣлось удовлетворить всѣхъ и во всемъ,—и вотъ получалось что-то въ родѣ Тургеневскаго: „А мы ее и не соленую!."

Среди этого драгоцѣннаго хаоса жилъ и царилъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ мыслителей-самородковъ; другъ Толстого и В. Соловьева, авторъ глубокихъ философскихъ исканій въ направленіи „всеобщаго воскресенія", извѣстный теперь Өедоровъ. Его библіографическая память и книжная освѣдомленность была огромна. Однажды мнѣ понадобился какой-то сборникъ народныхъ пѣсенъ; въ библіотекѣ его не нашлось, но мнѣ нашли (какимъ образомъ!) и выдали книжку стараго журнала, гдѣ былъ помѣщенъ подробный разборъ нуж-

---

[1]) И до сихъ поръ, кажется, не находится. По временамъ Румянцевская библіотека обращается къ обществу съ настоящими воплями о помощи.

наго мнѣ сборника. Захотѣлъ ли бы, если бы и могъ, сдѣлать это какой бы то ни было библіотекарь Европы?

Въ Румянцевскомъ музеѣ, среди пыли, хлама и всякой чепухи, находится драгоцѣнная реликвія—маска, снятая съ головы умершаго Пушкина. О безконечно миломъ лицѣ великаго поэта этотъ слѣпокъ даетъ большее понять, чѣмъ всѣ его портреты, вмѣстѣ взятые!.. „Чортъ меня дернулъ родиться въ Россіи!", какъ-то сказалъ Пушкинъ. И какъ онъ любилъ эту Россію, и Москву...

Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ...

Какой вздохъ нѣжности къ своей колыбели!.. Абиссинскій профиль, эта улыбка толстыхъ милыхъ губъ, полураскрытыхъ въ смертномъ страданіи,—незабываемы... Очевидно, отъ изученія этой маски шелъ Рѣпинъ въ своемъ пониманіи Пушкина.

Въ Румянцевской галлереѣ хранится знаменитая картина „Явленіе Христа народу", на которую Ивановъ положилъ свою жизнь.

Духъ исканія, обращающій жизнь лучшихъ русскихъ художниковъ въ нравственный подвигъ, всего полнѣе представленъ, конечно, въ „Третьяковской галлереѣ". Здѣсь собраны тотъ же Ивановъ, Крамской, Рѣпинъ, Ге, Врубель... Изученіе этихъ залъ было однимъ изъ важнѣйшихъ и утомительнѣйшихъ занятій въ мои студенческіе годы: такое разнообразіе на такомъ маломъ пространствѣ быстро истощаетъ силу вниманія. Какъ бы для возможности сравненія одна комната въ Тре-

тьяковской галлереѣ посвящена иностранной живописи. Поражаетъ блескъ исполненія, живописность, какъ таковая, „искусство“, невѣроятная техника, виртуозность, до которой навсегда далеко русскому художеству. Зато въ „русскихъ“ залахъ привлекаетъ другое,—идеализмъ и бытовое богатство: въ группѣ упомянутыхъ мастеровъ поражаетъ глубина задачъ и трудность ихъ воплощенія; вторую группу составляютъ „бытописатели“, „передвижники“, не даромъ отколовшіеся отъ петербургской Академіи и лучше всего, кажется, представленные въ Москвѣ. Историческая живопись Сурикова, церковная—Васнецова, монашеская—Нестерова являются, конечно, порожденіемъ чисто московскаго духа... И все это богатство ютится Богъ знаетъ гдѣ, въ одномъ изъ переулковъ Замоскворѣчья, среди тѣснинъ невысокихъ зданій, и не мудрено, что существуютъ опасенія, какъ бы драгоцѣнное масло этой живописи не улетучилось однажды въ огнѣ пожара.

Музыкальные вечера большею частью происходили въ залахъ Дворянскаго собранія. Послѣднія репетиціи симфоническихъ концертовъ Сафонова студенты могли посѣщать безплатно. Эти репетиціи, на которыхъ каждая музыкальная пьеса расчленялась, исполнялась сначала по частямъ и наконецъ въ цѣломъ видѣ, были незамѣнимой школой для постиженія музыкальнаго творчества Вспоминаются отдѣльные виртуозы, піанисты, скрипачи, віолончелисты: многосторонній, въ то время изумительный, Гофманъ, котораго впервые прославила, кажется, Москва, бриллiантовый Д'Але-

беръ, тончайшій Падеревскій, романтикъ Рейзекауэръ, грубо сильный Ламондъ, блестящій Сапельниковъ, Зилоти, Ондричекъ, Сарасатэ, Брандуковъ, Жирарди, многіе, многіе другіе. Незабвенны скромные историческіе концерты Шора.

Архитектурная [1]) Москва заключается въ нѣскольких великолѣпныхъ старинныхъ зданіяхъ, во многихъ новыхъ домахъ, среди обычности вдругъ выдѣляющихся какимъ-нибудь необыкновеннымъ стилемъ, въ храмахъ и, главнымъ образомъ, въ Кремлѣ. Около Кремля вѣчно привлекаетъ вниманіе церковь Василія Блаженнаго странной пестротой раскраски, причудливой сложностью, множествомъ главъ, духомъ нерушимой старины... Мощно-красныя, хмуро-сѣрыя, женственно-бѣлыя угловыя башни и колокольни Кремля, сплошная кладка вѣковыхъ стѣнъ, поросшихъ мхомъ, темные, гулкіе и узкіе проходы съ исполинскими дверями, рѣзныя крыльца и лѣстницы, зеленыя или сіяющія кровли, золотыя купола, набережная Москвы-рѣки съ мостами, дернъ и камень, дорожки, перила, спуски, — какая поразительная смѣсь старой защиты, стараго художества, стараго благочестія и державства! Раньше всего успокаивается это затишное мѣсто Москвы, и вечеромъ странно слушать отсюда глухой шумъ залитой огнями столицы.

Въ пасхальную ночь спѣшишь къ бѣлому Храму Христа Спасителя. Громъ выстрѣла, ракета взвивается, первый ударъ колокола съ Ивана

---

[1]) Скульптуры въ Москвѣ было мало. Теперь — музей Александра III.

Великаго потрясаетъ весенній воздухъ; а церкви, паперти, площади полны сѣрымъ московскимъ людомъ, и теплются и плачутъ безчисленныя тонкія свѣчи.

По воскресеньямъ идешь на Сухаревку (площадь около Сухаревой башни), гдѣ съ утра толпятся густыя массы народа,—покупаютъ и продаютъ. Здѣсь можно за безцѣнокъ пріобрѣсти все, что угодно,—отъ туфель до теплескопа. Торговля старыми книгами манитъ возможностью найти нужное или рѣдкое сочиненіе. У этихъ букинистовъ, въ этомъ хламѣ, Погодины, Строевы, Тихонравы „купили“ древнюю русскую литературу, значительную ея часть. Старинныя рукописи, книги съ интересными автографами, библіографическія рѣдкости—и теперь не рѣдкость на этихъ лоткахъ.

Москва двѣнадцатаго года связана въ нашемъ сознаніи не только съ Бородинскимъ полемъ и Кутузовымъ, но и съ тѣмъ, кто жилъ въ барскомъ домѣ въ Хамовническомъ переулкѣ... Я имѣлъ случай познакомиться со Львомъ Толстымъ, но каждый разъ со страхомъ отходилъ отъ этой возможности. То, что разсказалъ мнѣ однажды одинъ мой знакомый, вполнѣ оправдало мое отреченіе. Онъ, только что кончившій студентъ (покойный отецъ его былъ когда-то близко знакомъ со Львомъ Николаевичемъ), отправился къ Толстому „разрѣшать вопросы“; разговоръ былъ поконченъ въ четверть часа и носилъ характеръ допроса: узнавъ, что „ищущій“ не пьетъ, не куритъ, не

имѣетъ любовницы и знаетъ англійскій языкъ, Толстой сразу съ раздражительной настоятельностью предложилъ ему чуть ли не на другой же день сопровождать въ Америку духоборовъ. На нерѣшительный отвѣтъ онъ извинился и прервалъ бесѣду... Толстой требовалъ дѣла и хорошо зналъ цѣну людей съ вопросами... Я видѣлъ Толстого три раза, и эти мимолетныя встрѣчи на улицѣ вполнѣ вознаградили меня за мою заочную любовь къ нему. Въ какой-то неслучайной послѣдовательности увидалъ я тройной обликъ великаго писателя, и послѣдній его ликъ особенно врѣзался въ мою память. Проходя по Арбату и ведя на цѣпочкѣ очень хорошаго сеттера, я вдругъ увидѣлъ Льва Николаевича; въ круглой шапочкѣ, хорошо одѣтый, шелъ въ развалку коренастий старикъ съ широкой сѣдой бородой, съ нависшими бровями и съ поразившей меня внимательностью, съ улыбкой удовольствія все время всматривался въ собаку: очевидно, онъ сразу оцѣнилъ ее (собака была куплена на выставкѣ за 300 руб.). Это прошелъ Толстой—помѣщикъ, Толстой—охотникъ, Толстой—хозяинъ. Второй разъ я встрѣтилъ его на Остоженкѣ, въ морозный зимній день; съ краснымъ, обвѣтреннымъ, хмурымъ лицомъ, съ сосульками на усахъ, въ большихъ простыхъ сапогахъ, твердо опираясь на палку, поровнялся онъ со мной, на минуту блеснулъ на меня бѣлый огонь его серебряныхъ глазъ... Это былъ Толстой опростившійся, Толстой-крестьянинъ, Толстой-работникъ. Никогда не забуду третьей встрѣчи. Стояло время экзаменовъ, весна; всю ночь провелъ я у коллеги и, от-

ложивъ лекціи, мы читали „Записки Охотника", восхищались до боли картинами утръ, вечеровъ, лѣсовъ и луговъ, говорили о безпечально-безрадостномъ Шубертѣ, о Пушкинѣ, о томъ, что значатъ слова: „и путь у гробового входа"... Наступило утро. Идя домой по малолюдной еще улицѣ, вдоль Цвѣтного бульвара, увидѣлъ я знакомую фигуру, направлявшуюся мнѣ навстрѣчу. Толстой шелъ необыкновенно быстро, почти бѣжалъ, мелкими, легкими шагами, въ короткомъ коричневомъ пальтишкѣ, въ короткихъ брюкахъ, постукивая о камень тонкой палочкой; лицо явно поднято вверхъ, глаза, свѣтлые съ голубизной, устремлены на безоблачное утреннее небо. Онъ не замѣтилъ меня, я посторонился отъ пронесшейся Божьей силы... Я понялъ счастье быть такимъ. Это былъ Толстой проповѣдникъ, апостолъ; это онъ уходилъ, убѣгалъ... изъ Москвы, изъ быта... Черезъ минуту старикъ далеко уже пересѣкалъ улицу, и вѣтеръ метнулъ въ сторону его бѣлую бороду. Я бросился за нимъ... и остановился.

Вспоминается одно особенное удачно *землячеcкое* собраніе. Былъ опальный профессоръ; игралъ на роялѣ будущій извѣстный піанистъ; много говорилъ другой студентъ, теперь ученый съ именемъ; читалъ изъ Некрасова извѣстный публицистъ. Чай, гулъ голосовъ, потныя мужскія и женскія лица. Почти по серединѣ комнаты сидѣлъ грузный пожилой господинъ и съ какой-то страшно напряженной думой на лицѣ, съ опущенными грозными глазами молчалъ и слушалъ; онъ былъ въ самой гущѣ и совершенно одинъ.

Имя его было извѣстно немногимъ. Онъ вслушивался въ судьбы Россіи, въ будущность молодежи, и въ свое прошлое...

Прошли годы студенчества, потянулись Wanderjahre, скитанія, ошибки, блужданія, росла жажда возвратиться къ чему-то потерянному...

Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей *блуждающей* судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ...

Сергѣй Пинусъ.

Февраль, 1914 г.



